

Вероника Мелан
**ИГРА РЕАЛЬНОСТЕЙ
ДРЕЙК**

Annotation

Мир есть то, что внутри, или то, что есть снаружи? Правда ли, что возможно лишь то, во что мы верим? А если вдруг оказывается, что путешествовать можно без помощи самолетов, автобусов или других транспортных средств? У нее получилось. Дина совершила то, что казалось нереальным для всех остальных людей: переступила через границу миров, потому что сделала только одно — поверила. И кто же знал, что в новом мире окажется так интересно: новая должность, обучение работе с материей и двенадцать хмурых спецназовцев-коллег в придачу. Но отступить поздно — раз назвался груздем, то и полезай...

Вероника Мелан
Игра реальностей
Дрейк

Если чудеса по какой-то причине не происходят в вашей жизни, не спешите утверждать, что их не существует. И что именно приводит к их появлению порой навсегда остается загадкой. Бывает, одни события меняют жизнь к лучшему, а другие — наоборот. Но что на самом деле скрывается за понятиями «хорошо» или «плохо», мы — люди — не всегда имеем возможность оценить наверняка. И только время, лишь оно одно, расставит все по своим местам, разложит по полочкам и когда-нибудь приоткроет ширму, чтобы поведать нам незыблемую истину.

Осень за окном, балуясь с прохожими, разбрасывалась золотыми листиками. А в кабинете на третьем этаже, где располагался офис бюро переводов «Сократ», было тихо. Кондиционеры умолкли еще в конце лета, когда жара спала. И теперь единственными и привычными звуками, разносившимися по кабинету, были щелканье клавиатурных клавиш, монотонное гудение системных блоков и еще иногда позвякивание стаканов о поверхность столов.

Чай здесь любили. Чаще всего со сладостями.

— Динка, ты закончила свою переводить? — прошептала Лена, выкинула обертку от сникерса в мусорное ведро и сняла наушники, в которых проводила большую часть дня.

— Нет еще, — я покачала головой, глядя в экран, где передо мной вырисовывались ровные строчки англоязычной инструкции от плазменного телевизора, кропотливо переведенной мной на родной русский. — Не до конца. Пару абзацев осталось.

— Хорошо тебе. А моя только на середине, — озорная блондинка Лена была, как и я, специалистом по переводу с английского языка. И сегодня маялась над описанием не то утюга, не то нового электрочайника.

Заказчиком и ее, и моей работы выступал крупный магазин бытовой электроники, которому срочно приспичило выпустить на рынок новую продукцию, а без русскоязычных инструкций делать это было не положено. И из-за спешки срок на исполнение нам выделили совсем небольшой: всего три дня. И за эти три дня нужно было закончить с переводами для трех новых холодильников, двух DVD-плееров, нескольких пылесосов и миксера. Остальное было завершено.

Улыбчивая обычно Лена посмотрела на свое творение в мониторе и скуксилась.

— Столько еще делать, а скоро уже шесть. Домой хочется! — но через секунду ее брови разгладились, и со словами «дорогу осилит идущий» она вновь ринулась уравнивать языковые различия народностей нашей планеты.

Я тоже скосила глаза в угол экрана. Точно, скоро шесть. А потом домой. На теплое осеннее солнце, на гудящие людьми дорожки, на пахнущие опавшими листьями улицы города. И если повезет, и дома будет тихо, то можно будет почитать специально прибереженную для такого случая книгу о воплощении желаний в жизнь. Почему-то эта тематика в последний год стала для меня особенно любима. А еще все то, что касалось позитивного мышления, да и вообще любого улучшения качества собственного внутреннего мира.

Допив остатки кофе с печеньем, я попыталась сосредоточиться на тексте в экране монитора, перечитывая все с самого начала и до конца. Осталось-то всего ничего: правила

хранения и утилизация использованного продукта. Справимся.

Но не успела я напечатать и символа, как стеклянная дверь офиса распахнулась, и в кабинет вплыла Татьяна.

Ну, что за невезуха?

О Татьяне стоило сказать отдельно. Красивая, несомненно. Брюнетка с длинными черными, как вороное крыло, волосами до пояса. Стройная и неизменно модная. Макияж всегда выглядел так, будто был наложен десять минут назад. И все бы хорошо, если бы не одна особенность нашей коллеги: дама эта была исключительно вредна на язык. И никто не знал почему. Казалось бы, такая красота — живи и радуйся. Но Таня была заносчивой и дерзкой, а порой и просто злой. Но хорошим специалистом по немецкому. Потому и держалась на своем месте крепко.

Стоило ей войти в комнату, как среди девчонок, которых было пятеро, не включая Валентину Олеговну, — заведующую и администратора — прокатился едва слышный тяжелый вздох.

— Все привезла, вот документы! — Татьяна хлопнула на стол администраторши какую-то папку с бумагами. — Теперь вы точно едете!

Та оторвалась от пролистывания женского журнала, которые любила почитать в «свободное» время, и радостно воззрилась на вplyвшую и враз перевернувшую всю атмосферу офиса Татьяну.

— Ой, как хорошо, Танечка! Гладко все прошло? Денег хватило на оплату путевки? Когда они мне будут теперь из агентства звонить по поводу билетов?

Сорокадевятiletняя Валентина Олеговна всерьез восторгалась перспективой надвигающегося отпуска, который планировала провести в египетском Шарм-Эль-Шейхе. Поэтому оплатила размещение в пятизвездочном отеле на целых две недели, намереваясь качественно прогреть раскормленное тело на желтых песках Красного моря.

— Конечно, Валентина Олеговна. Всего хватило. А звонить вам будут через два дня, — победоносно улыбнулась Таня, утопая в деловитой радости от успешно выполненного поручения.

Их разговоры отвлекали. И не только меня: Лена строила мне страшные рожи со своего конца стола, а Оксана и Ира о чем-то перешептывались. Одна только Юля сидела с отрешенным выражением лица, будто никакие беды мира не могли оторвать ее от излюбленного французского. Вот где выдержка.

Татьяна, по каким-то одной ей известным причинам, считала себя второй по важности и значимости персоной после заведующей, а посему любила отпускать неуместные комментарии, которые с легкой руки директора и администратора спускались ей с рук, но неизменно раздражали других сотрудниц.

— Леночка! Неужели уже закончила все? И инструкцию, и сникерсы? И даже с Бернардиной не поделилась?

Шпилька была в мой адрес. Я получила имя Бернарда в подарок от мамы, любящей все французское еще с тех времен, когда оно было совершенно недоступно советским женщинам. И с того самого дня, как Татьяна впервые услышала его, за ней так и повелось язвительно по-королевски называть меня Бернардиной. Но она была далеко не первой и не последней. Для друзей я давным-давно стала просто Диной или Динкой, что меня несколько не раздражало. Все равно «Бернарда» не сокращалась ни во что другое удобоваримое.

Лена в ответ только поморщилась и тут же натянула наушники, чтобы не продолжать

дискуссию. Всем была известна моя тяга к сладкому, но остальные девочки никогда на эту тему не язвили. Кроме, конечно же, Тани, которой казалось, что если человек весом вышел за пределы в шестьдесят килограмм, то топтать землю родной страны права не имеет. Тем более так близко к ней — королеве красоты. А оттого шпильки и подколки в мой адрес сыпались бесконечным потоком. От завуалированных до самых что ни на есть открытых и обидных.

Но я не любила грубить в ответ. Да, слабости за мной водились. Но толстой я не выглядела. Разве что чуть упитанной. А в остальном была так совсем даже ничего: волосы густые русые, глаза серо-синие, большие и с пушистыми ресницами. Нос прямой, рот симпатичный, овал лица, если бы не лишние килограммы, тоже, наверное, был бы красивым. Но каким именно, я почти забыла. Потому что стройной себя не помнила. Даже на детских фотографиях.

— А чего бы тебе, Диночка, не взять и тоже в Египет не съездить? Арабы-то не особо разборчивые. Всех любят.

А вот это уже было о том, что ухажеры за мной на работу не приходили. В свои двадцать шесть я уже как-то позабыла, что такое свидания. Может быть потому, что смотрели на меня не так активно, как на молодых да гибких. А, может, потому, что я редко находила даже просто тех мужчин, с кем интересно было поговорить, не говоря уже о большем.

Сама я склонялась ко второму.

Но медленно закипающее раздражение подавила. Сказывалась привычка не растрчивать эмоции впустую на всяких вот Тань и прочие гадости жизни. Спокойствие внутри было дороже. Хоть и давалось не всегда легко.

Неожиданно вступилась Валентина Олеговна:

— Танюша, ты бы села да поработала. А то весь день сегодня на улице проболталась. Считай, шесть уже, а ты даже не начинала.

Таня обиженно поджала губы, но спорить не решилась. Только бросила презрительный взгляд на стоящее рядом со мной пустое блюдо, на котором было печенье, и гордо удалилась к своему столу.

Я еще раз беззлобно подумала, что красивые у нее все-таки ноги: правильной формы, изящные, стройные — просто загляденье. Но сосредотачиваться на этой мысли не стала. Потому как, если сосредотачивалась, то что-то обязательно начинало скрести изнутри. И делалось тоскливо и грустно.

Когда часы в офисе пробили шесть, все с облегчением повставали из-за столов. Только Лена сидела, сосредоточенно печатая, качая головой в такт играющей в наушниках музыке.

Я тронула ее за плечо и улыбнулась.

— До завтра.

— Ага, увидимся.

Попрощавшись с остальными, я сгребла со стула свой плащ, сумку и выскользнула наружу.

А осень радовала.

Казалось бы, ну чему тут радоваться? Замусоренная остановка, ждущие своего автобуса тетки и молодняк, торгующие на углу фруктами не то татарки, не то молдаванки. Желтые листья, летящие с берез, пыльный тротуар, заплеванной окурками и банками из-под колы, сидящая в киосчном окошке равнодушная продавщица, читающая «Мою семью».

А все равно радовала. И кто знает, отчего так.

Обычно, принято радоваться весной, когда воздух только наполняется ароматами надежды на что-то новое и светлое, на перемены к лучшему и пробуждению души.

А у меня и перемен-то никаких. Та же работа, вот уже три года. Мама все еще в Турции, покупает новую одежду, чтобы потом раздать на реализацию в магазины. А дома только отчим, который придя с работы сразу тянется к банке пива и телевизору, чтобы в очередной раз найти то, что можно по десятому кругу обругать в нашей стране. Да еще бабушка, которую давно надо бы проведать.

Подошел троллейбус: старый, потертый, синий, с наклепленной рекламой на боках. Я вошла внутрь и села. Мест хватало. Маршрут был далекий — от центра, потому и редко когда перегруженный. Отдала контролерше тринадцать рублей, та недовольно отщипнула билетик, будто от души оторвала, и кинула в руки. Села к себе на персональное, накрытое выдавшей виды протертой бархатной тряпкой кресло и тщательно умастилась, будто и не вставать ей на следующей остановке, чтобы обилетить вновь вошедших.

Не став тратить время на созерцание бабушек и дедушек с какими-то скорбными, будто обиженными за неоцененную никем прожитую жизнь, лицами, я отвернулась к окну и ушла в себя, в размышления. О чем бы таком хорошем можно было бы сейчас подумать? Но хорошее, увы, на ум не шло.

Машины, мотоциклы, магазины, рынки, многоэтажные дома... Можно было бы и пешком, да вот сегодня почему-то не хотелось. Царапала где-то изнутри фраза, брошенная Татьяной насчет арабов, которые не слишком разборчивы.

А я вот арабов не любила. И ради секунды ненужного внимания не стала бы платить огромные деньги и лететь в Египет. Или в Турцию. Пусть даже в Эмираты.

Нет, путешествовать я любила. Очень! И всю надеялась, что однажды повезет увидеть те места в мире, к которым почему-то тянулась душа. В старинную Европу или куда-нибудь на острова... Красивых мест много — выбирай, если есть возможность.

Я вздохнула.

Но отпуск в этом году я себе позволить не могла. С деньгами было туго, да еще в последнее время бабушка болела часто. А на таблетки уходило много, хоть и не жалко было для родного человека, лишь бы здоровье это приносило.

Только вот отпуск из-за этого все никак не наступал. А поэтому не то что Европы, а даже Египта, как Валентине Олеговне, мне было не видать.

На одной из остановок вошли двое — молодая пара. Сразу же устремились в уголок, прижались друг к другу, будто слиплись, и такое блаженство на лицах! Смотреть на них в упор было неприличным, поэтому я улыбнулась, глядя в окно. От пары шла хорошая энергетика: радостная, свежая, чистая. Наверное, все еще в самом начале. Посмотришь на таких, и будто воздух чище становится. И только некоторые старики, непробиваемые от собственной накопившейся внутри боли за что-то, укоризненно качали головой. Невосприимчивые к чужому счастью.

А мне было приятно. Пусть даже глазком взглянуть на влюбленных. Будто прикоснуться на секунду к чужому волшебству, к чьей-то сказке.

Кота снова мучили.

Соседская детвора постоянно издевалась над ним. А все потому, что кот был глухим. Совершенно. Не слышал ни плохих, ни хороших голосов — вообще ничего не слышал. Сказалась то ли лютая морозами зима, то ли какая-то болезнь.

Гонимые кровожадными желаниями соседские девочки — одной семь, другой девять лет, — тянули бедное животное за хвост, пытались топтать перед его носом, гнали с клумбы. А кот, как назло, обладал на редкость добрым и терпимым нравом и уходить никуда не спешил, черт бы его за это подрал.

Детей я разогнала. Зло и быстро. Вся терпимость от подобных сцен у меня заканчивалась враз. И мамаш я не боялась. Голову бы отвернула и родителям за таких вот детей.

Подошла к коту, достала из сумки купленный на остановке перед домом пакетик с Вискасом, выложила прямо на траву. Мишка (почему-то я мысленно именовала кота именно так), почуяв запах знакомых ладоней, быстро подбежал ко мне и заорал хрипло и надрывно, требуя ласки. Даже еду отложил ненадолго, лишь бы погладили белую пушистую спину.

Я вздохнула и приласкала. Как своего, как родного. Может быть, это была моя вина, что он до сих пор здесь ошивался? Даже перезимовал как-то. Задняя лапа была вывернута к пузу и не разгибалась, отчего Мишка ходил только на трех, а от хвоста осталась только половина. Причины этому я даже предполагать боялась.

Он терся. Все не ел. А я смахивала слезы уже почти привычно. От бессилия. Так, чтобы никто не видел. Черт бы подрал отчима, у которого аллергия на кошек. Давно бы уже забрала, а так завтра будет очередной пакетик Вискаса на траве.

Терпи Мишка. Когда-нибудь жизнь наладится.

* * *

Отчим пил. И видимо уже далеко не первую банку пива.

Когда я щелкнула входной дверью, бубнение его ненадолго стихло, а потом снова возобновилось. На кого или на что я не поняла. Вторил его бубнению включенный в спальне телевизор.

В зале было тихо. Когда мамы не было дома, то здесь и свет включали редко. Никто не сидел на диване, не читал книжек, не слушал о том, как прошел день. Из кухни пахло не вкусной едой, а несло какими-то кислыми полуфабрикатами — дядя Толя готовить не умел, и у меня все желание помочь отбивал быстро, когда заводил долгие разговоры о том, как вокруг все плохо. Пара попыток побыть «хорошей» быстро сошли на нет после того, как я поняла, что для восстановления внутренних сил после таких вот монологов требуется много. Гораздо больше, чем у меня оставалось. Поэтому разнообразием меню отчима не отличалось. Пельмени, замороженные котлеты да сухая рыба для пива — вот и весь нехитрый рацион.

Радовало то, что ко мне Анатолий Иванович обычно не лез. Редко когда пытался сунуться в комнату с разговорами, удрученный одиночеством, но отклика никогда не находил. Не любила я поддерживать темы о плохом. Зачем лишний раз? Уж лучше попробовать снова увидеть вокруг что-то хорошее, даже когда трудно. А так как мою точку зрения отчим не разделял, говорить нам было не о чем.

Я сняла плащ, повесила у двери, прошла в комнату и закрыла за собой дверь. Подошла к окну, проверила, как там Миша. Кот был в одиночестве. Лежал рядом с кустом, подвернув под себя передние лапы.

Я тяжело вздохнула. Силой оторвала себя от окна. Невозможно было караулить его двадцать четыре часа в сутки, хоть и хотелось. Достала из сумки книгу о воплощении желаний в жизнь, села на кровать и прочитала несколько строчек:

«Попробуйте представить что-нибудь хорошее. Что приносит радость и успокоение в вашу жизнь. Сосредоточьтесь на этой картинке, представьте ее в деталях, заставьте себя поверить, что вокруг вас действительно то, что вы хотите видеть, и вы будете удивлены результатом...»

Как ни странно, выдумывать то, что приносило в жизнь успокоение, уже не требовалось. Я хорошо знала эту картинку. И чем больше времени тратилось на ее представление, тем больше деталей дорисовывало ищущее покоя воображение.

Автор книги говорил, что можно попробовать представить море или сад, горящий костер или пустынный пляж, даже застывший пруд. Мне же на ум всегда приходило одно и то же место, думая о котором почему-то становилось хорошо.

И этим местом был парк. Просто осенний парк... с лавочками, расставленными вдоль узких дорожек. Витые спинки, крашенные зеленым доски, много-много листьев на земле: красных, оранжевых, бордовых, золотых и коричневых. Легкий и теплый ветерок трепал мои волосы, когда я сидела там, закрыв глаза, радуясь теплу от лучей заходящего солнца. А напротив был маленький фонтан в виде чаши с ручками. Вода из чаши стекала в небольшой бурый и чуть потрескавшийся бассейн. Она мелодично журчала, принося тихую радость бытия, смывая все накопившееся за день.

Мой мысленный поток оказался безнадежно перебит, когда дверь в комнату отворилась. Скрипнула, нешироко приоткрывшись. Это был дядя Толя.

— Динка? Тут ты? Слушай, у тебя... — отчим замялся, пытаюсь что-то протолкнуть через затуманенное алкоголем сознание, — ... у тебя пятьсот рублей будет? До полочки. Дай, а-а-а?

Я тихо и тяжело вздохнула, чтобы не услышал. А потом как можно ровнее ответила:

— Нет, дядя Толя. Отдала неделю назад почти все бабушке на лекарства. Даже на еду толком нет.

— Ну, что так-то! — в сердцах голос отчима окреп и стал каким-то надрывно-злым. — Ну, уж пятьсот-то рублей — не много ведь!

— Говорю же: нет денег у меня!

— Жалко тебе! — распалился спокойный в трезвом состоянии алкоголик. — Что зажала-то? Не веришь, что отдам что ли?

Я начинала выходить из себя. Какой там фонтан, какая чаша? Какое вообще может быть позитивное мышление от происходящего?

Я резко поднялась с кровати, сдернула со стула сумочку и вытащила кошелек. Там было двести пятьдесят рублей. Протянула пахнущему смрадом гостю.

— Нет больше. И не просите.

Отчим неловко, но крепко зажал деньги в пальцах. Долго на них смотрел — у меня возникло стойкое ощущение, что он не помнил того, что происходило минуту назад. Потом его взгляд чуть прояснился, он кивнул с выдавленной благодарностью.

— Отдам.

И исчез где-то в темном коридоре.

Отдаст или нет — не особенно волновало. Просто не хотелось пьяных криков на весь дом, а такое уже случалось. И опыт этот повторять не хотелось. Вот была бы дома мама, все сразу стало бы по-другому. Умела она как-то по-доброму на людей влиять. В ее присутствии просто становилось легче. Даже алкоголик Анатолий успокаивался и неделями не пил.

Вообще-то он не был плохим дядькой. Много работал, но получал мало. И на жизнь жаловался постоянно. А так, не был уж совсем злобным.

Пришла мысль, что сегодня просто не мой день. Бывают такие дни: что ни делай, а не клеится.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Почему-то глубокое дыхание помогало успокоиться. Да и просто отвлечься.

Хлопнула входная дверь. Полутемная квартира притихла.

Дядя Толя ушел искать более разговорчивую компанию во дворе на улице. Нужно было приготовить что-нибудь на ужин и разобрать завал на кухне. Я подумала о том, что кроме двух «Баунти» и пачки печенья к чаю ничего не купила. Забыла попросту. Дожилась...

Навалилась какая-то усталость. Не физическая, больше психологическая. Как раз то, от чего я и пыталась спастись всевозможными медитациями, чтением книг про улучшение мировосприятия, но пока с субтильно-переменным успехом. Какая-то неосязаемая и беспричинная безысходность то уходила, то вновь наваливалась. И кто бы знал, куда в следующий раз бежать, чтобы спастись от нее?

Телефон разразился трелью тогда, когда на сковородке уже жарилась рыба, найденная мной в морозильнике. Мамин голос прозвучал счастливой неожиданностью:

— Дочка, как дома? Нормально все?

— Нормально, мам. А ты как? Через три дня приедешь? Я очень жду тебя.

— Дин, случилось что? — она забеспокоилась.

— Да, нет. Просто скучаю... Ничего не случилось.

— Тогда ладно. А я как раз хотела сказать, что билеты перенесу, наверное, еще на неделю вперед. Если дома нормально, то куплю побольше. Не буду торопиться, лучше присмотрюсь еще вокруг.

Я вздохнула.

— Конечно...

Сообщив маме, что очень ее люблю, я не стала настаивать на скором приезде. Если она считает, что так будет лучше, значит, пусть задержится. В одиночку с отчимом, хоть и неприятно, но терпимо. Ведь не маленькая я уже. Проживу еще неделю. Может быть, когда-нибудь представится шанс сменить эту работу на другую, которая позволит и за бабушку платить, и отдельно квартиру снять. Вот было бы здорово!

А если нет, тогда только какой-нибудь зарубежный миллионер и спасет. Хотя, куда с моей-то внешностью? Даже на сайты знакомств стыдно.

Об этом я подумала уже шагая обратно по коридору, чтобы помешать шкворчащую на плите рыбу.

Но этот вечер, как оказалось, имел на меня планы. И совсем не те, что я строила сама для себя: мол, почитать, отдохнуть, выспаться перед завтрашним днем, постирать пару вещей.

Рыба на плите так и не дожарилась. Я только и успела выключить печку, накинуть плаш и достать немного денег из заначки на «черный» день, чтобы заплатить за поездку на такси...

Как гром посреди ясного неба, пятью минутами позже в квартире раздался еще один звонок. На этот раз из больницы: бабушку увезли на скорой.

* * *

Эта вечер запомнился мне чередой кошмаров и измотал до предела.

В больницу, потом из больницы, чтобы сгрести все накопленные деньги (очень хотелось ноутбук, э-э-э-х) и отдать их докторам. Бабушке потребовалась операция на сердце. Запомнилась ее пергаментная рука, сухая и сморщенная. И ее слова: «Диночка, ты еже ль шо случится, квартиру-то себе забери, я в завещании написала».

Уговоры о том, что ей — всего лишь семидесятитрехлетней — еще рано, ей еще жить да жить. А потом операционная для нее, а для меня — тишина коридора и равнодушный свет белых ламп.

Затем вышел какой-то доктор, лица я уже не запомнила, сказал, что операцию сделали вовремя и успешно. Что бабушка жить будет, но сейчас навещать нельзя — нужен отдых.

И снова такси. Уже ночью под моросящим дождем. И последние двести рублей исчезли в кошельке водителя. Ни заначек, ни сбережений, только в долг теперь. И только белая мокрая шерсть мурчащего от радости кота у подъезда, которого снова пришлось оставить на улице.

Когда открыла дверь в квартиру, то порадовалась, что дома тихо — Анатолий не вернулся. Вероятно, заночевал у кого-то из друзей. И то хорошо. Я, почти ничего не соображая от усталости, разделась и, даже не вспомнив про полусырую рыбу на плите, ушла в спальню и забралась в постель. На автомате завела будильник на семь утра и укрылась с головой одеялом.

Сон не шел. Крутились мысли о том, что денег нет даже на то, чтобы закинуть на мобильник и позвонить маме. А с городского нельзя: международные звонки давно заблокированы. Значит, мама не узнает, пока я не займу и не сообщу ей.

Зубы стучали, хотя в комнате было тепло. Отчаяние вновь скрутило так, что дышать было больно.

Почему я всегда одна? Почему нет того, к кому можно прийти и пожаловаться? Почему все на мне?

Но уже давно стало ясно, что вопросы «за что?» всегда остаются без ответов. Мишка у подъезда тоже, наверное, в своей кошачьей голове спрашивал «за что?», а толку-то.

Я попыталась глубоко дышать — выровнять пульс, успокоиться. Через какое-то время мысли потекли ровнее, и все же не давали покоя давно укоренившиеся где-то внутри страхи.

Как получилось, что мне двадцать шесть, а у меня ни семьи, ни детей, ни прибыльной работы, ни перспектив, ни повышений на горизонте? Разве у человека, когда он молод, не должно быть все иначе? Танцы-гуляньцы, встречи под луной, захлестывающий круговорот эмоций?

А я, как Онегин, уставшая от всего: от жизни, от беспросветности, от отсутствия перемен и новых ощущений. Ведь когда-то раньше даже влюблялась, и давалось это не так

уж и сложно. Были ведь отношения, даже длительные, но все развалилось, чувства погасли, и с тех пор сердце заглохло, как неживое. Замолчало, и все тут. И сколько не смотри на знакомых и незнакомых мужчин, а оно даже не трепыхнется, будто окаменело, хоть, вроде, и не разбивалось.

Кто мог ответить на вопрос «почему»?

Мама и та была далеко. Ни просто рядом посидеть, ни слова сказать.

Я поняла, что еще немного и разревусь. А слезы никогда ничему не помогали, только падать на дно колодца, дна у которого на самом деле нет. Зря люди думают, что когда опустятся на самое дно, тогда и светлая полоса начнется, тогда и всплывать на поверхность можно будет. Нет дна. У отчаяния никогда нет дна, можно только падать. Глубже и глубже.

Как тонущий, я уцепилась за спасительную соломинку в виде пришедшей на ум картинке того самого парка, о котором думала несколькими часами ранее, со стоящим среди деревьев фонтаном.

Я всхлипнула, но удержала себя от плача и засопела.

Картинка эта позволяла не думать, отвлечься. Хоть на секунду, но забыть о навалившихся страхах. Как бы сделать так, чтобы она задержалась подольше?

Осознав, что нервное напряжение не позволяет сну заглянуть ко мне на огонек, я принялась думать: а как бы оно было, сиди я действительно там, на лавочке? Если бы не было этого дня, не было пьяного Анатолия, не было мамы, говорящей, что задержится. Не было бледной полуживой бабушки на больничной каталке по пути в операционную. Что, если бы всего этого со мной сегодня не случилось, а взамен был какой-то хороший день, в детали которого даже вдаваться не стоило?

Просто хороший, и все.

Я вдруг как-то успокоилась: задышала ровнее, сосредоточившись на ощущениях собственных подошв, стоящих на асфальтированной дорожке, усыпанной желтыми листьями. И будто начав играть в игру, попыталась переводить глаза с одного предмета на другой, не позволяя себе думать ни о чем другом.

Итак, вот листья. Я прекрасно их вижу. Они сухие и шуршащие, с прожилками. Моя ступня, обутая в сносившийся ботинок, стоит как раз на одном желтом, с бурыми пятнами. Вот трещина на дорожке — ее почти не видно из-за осеннего ковра. Вот моя нога в джинсах и рукав от кофты. Тепло ведь, зачем мне куртка? Все верно. Теперь можно перевести глаза и увидеть вазу, из которой льется вода.

Я медленно подняла голову и посмотрела на фонтан. Красивый. И звук воды такой привычный, будто много раз уже слышала. Стволов много, они качаются совсем чуть-чуть, почти незаметно, а желтые кроны шумят.

Игра эта стала спасительным плотом, позволив позабыть о том отчаянии, в котором я тонула еще несколько минут назад. Размышляя над тем, как замечательно было бы, если бы этот вечер стал отличным завершением какого-то очень хорошего дня, я и не заметила, как полностью погрузилась в новые успокаивающие ощущения. И даже принялась радоваться.

Невероятно здорово было просто забыть о том, что происходило вокруг, и чувствовать ветер на своем лице. Он играл бы длинными прядями — волосы отросли уже ниже плеч. Здорово было знать, что я сижу в том парке, где всегда хотела посидеть. Что открой я глаза и вот он — самый лучший в мире фонтан.

Чтобы еще усилить чувства, я решила добавить золотого сияния в понравившуюся картинку. Как учили в какой-то книжке. Почему-то в этот момент это казалось правильным

— оно вносило ноту благоговения и радости, какой-то искренней благодарности за настоящий момент, за то, что он случился в моей жизни, и за то, что я могу провести эти пять минут там, где мне по-настоящему хочется, где я на самом деле счастлива.

И, наверное, вокруг парка должен быть город. Какой-нибудь большой и красивый. И безопасный. Думать так мне очень нравилось. Но больше всего нравилось ощущать ту легкость, которая теперь просто захлестывала с головой. Радость дошла до верхней планки, а счастье начало изливаться наружу. Неужели так бывает? Теперь удивляло, почему я не чувствовала этого раньше. Ведь если находиться здесь так приятно, почему я не приходила сюда вчера? Ведь это моя любимая скамейка, любимый парк. Здесь всегда так хорошо и знакомо.

Вон идет прохожий... какой-то парень, в руках у него будто сумка от ноутбука. А сзади меня забор, за которым ездят машины. И скамейка точно та, какой мне всегда казалась. С немного облупившейся краской на растрескавшихся деревянных досках. Я провела по ним пальцем.

Ветер потихоньку стихал, все так же журчала вода.

Почему-то подумалось, что уже поздно, и надо бы идти домой. Непонятно откуда пришедшая радость все еще кружила голову. И я, легко оттолкнувшись, поднялась с лавочки и направилась к выходу из парка. Он показался невдалеке — высокие ворота в виде буквы «П».

Листья действительно замечательно шуршали и взвивались вверх, если их подтолкнуть носком ботинка. Я рассмеялась. От какой-то детской радости. От того, что теперь все было хорошо. И будет хорошо. И как мне вообще могло казаться, что что-то плохо? Теперь даже и не помнилось, что именно могло быть плохо и почему.

За верхушками деревьев уже проглядывали дома. Я зачем-то оглянулась и посмотрела на лавочку, на которой сидела еще минуту назад. Как здорово видеть ее немного с другого угла, нежели раньше! И фонтан уже скрылся за деревьями — воды почти не слышно.

Холодало. Я поплотнее запахнула кофту, застегнула верхние пуговицы. Ускорила шаг и, улыбаясь, поспешила к воротам, чтобы пойти домой.

Уже дойдя до ворот, я поняла, что ноги меня не держат. Ухватившись за железный столб, я едва не сползла на землю.

Куда пойти?

Моим глазам открывался вид на великолепный город, тонущий в закате. Стоя у границы ворот, я слышала, как за спиной колышется осенний парк, а впереди по дороге несутся машины. Несколько полос, множество машин.

Что-то случилось с головой... я поняла, что не могу больше думать. Что-то в сознании не ладилось и не сходилось. Пойманной в клетку птицей билась одни и те же мысли: «Куда пойти? Куда мне нужно пойти? Куда я собиралась пойти?»

Мимо меня прошел человек. Обернулся с озабоченным выражением в глазах, спросил, не помочь ли мне? Я медленно отрицательно покачала головой, переведя взгляд с мужчины на горизонт, где высились сверкающие в закатном солнце небоскребы.

Откуда мысль, что куда-то нужно пойти? Я не живу в этом городе.

Куда я вообще могла здесь пойти? Я никогда не видела этого места. Никогда в жизни! Ухватившись второй рукой за забор, я тихо сползла прямо на землю. В голове была вата, мысли путались и пугали. А я отчаянно боялась открыть глаза. Со мной что-то творилось... вероятно, я сходила с ума, и этому были причины, которых я не могла припомнить.

Где я? Почему все такое знакомое и чужое? Откуда взялось это место? Нужно идти

домой... дом... где дом?

Я сглотнула, тряхнула головой и разлепила глаза. Понимая, что сидя на земле раньше или позже привлеку нежелательное внимание, я вяло поднялась на ноги, чтобы снова уцепиться за забор. Холодный, шершавый и немного проржавевший.

«Дина, все хорошо. Все будет хорошо. Ты подумай, все должно быть проще. Ты просто что-то забыла или спишь. Думай. Где-то должны быть ответы».

Голос в голове звучал слабо, растерянно. А глаза были распахнуты так, что было больно. Железо под руками холодило ладони. Не может оно во сне так холодить. Нет таких снов. От нахлынувшей беззащитности я едва не закричала. Я сама себе больше не друг. Я ничего не помню и не понимаю!

Какой чертов дом? Где должен быть чертов дом, если я вообще непонятно где?!

Поддавшись секундной панике, я закрыла глаза и крепко сжала пальцы, надеясь на то, что, когда разожму их, мираж пропадет. Но что именно было миражом? И что должно было пропасть? Парк был реален. Даже очень. Я много раз видела его у себя в голове. И вокруг парка стоял город. Все логично. Тогда что должно пропадать? ЧТО?!

Всхлипнув, я, словно сомнамбула, повернулась и медленно зашагала снова к той скамейке, где сидела некоторое время назад. Я плохо соображала, что делаю.

Мне казалось, что там я должна буду что-то вспомнить, что-то чрезвычайно важное. Но не было даже идей. Только ощущение, что я забыла что-то лежащее на самой поверхности, под самым носом.

Утирая льющиеся слезы, я добрела до лавочки и села на нее — единственное на данный момент по-настоящему знакомое мне и безопасное место во всем мире — и уткнулась взглядом в фонтан.

Почему только что было так радостно, а теперь так страшно? Почему?

Дина, что было до того, как ты увидела фонтан? Было что-то еще...

Я кивнула самой себе и снова всхлипнула. Что-то действительно было. Что-то не самое приятное, но тоже очень знакомое. И по-своему родное.

Ощущение паники не уходило. Казалось я одна-одинешенька во всем мире, но я отогнала это чувство — бесполезное, окончательно разрушающее разум.

Сосредоточив взгляд на чаше фонтана, я постаралась успокоиться и очистить голову, чтобы ускользающий кусочек памяти снова встал на место. Я очень на это надеялась. Всей душой, всем отчаянием, что во мне сейчас было.

Память, помоги мне! Со мной что-то произошло, но я не понимаю, что именно. Все выглядит знакомым и в то же время чужим, каким-то абстрактным, но чувствуется совершенно реальным.

По щекам медленно стекали слезы, ветер охлаждал проторенные ими дорожки.

Как меня зовут? Нужно вспомнить, как меня зовут — от этого почему-то многое зависело.

«Бернарда, — пришел откуда-то ответ. Из глубины, — меня зовут Бернарда Валерьевна Кочеткова. Так назвала меня мама».

Мама... вспомнилось лицо мамы, ее запах. Постепенно в памяти всплыли очертания квартиры, где я недавно легла спать.

От этой мысли во мне снова все заглодело и захотелось кричать.

Тихо, Дина. Тихо. Просто вспомни, что случилось до того, как ты оказалась сидящей на лавочке.

И теперь я вспомнила. Вспомнила, как приехала домой из больницы, как гладила у подъезда кота Мишку, как вошла в квартиру и, не раздеваясь, легла спать.

«Верно. Все верно, — помог какой-то холодный и рассудительный внутренний голос, — ты легла спать. Было тяжело из-за бабушки. А что случилось потом?»

А потом я стала думать об этом месте. Видеть его настолько реальным, насколько это только было возможно. Мне хотелось уйти от проблем, и я представила, что их больше нет, что я в другом месте. Здесь. На лавочке, в парке.

Что-то постепенно вставало на свои места, но я боялась даже принять следующий за этим вывод: я очутилась в другом месте. В месте из своего сознания, хотя лежала в кровати, в темной комнате, пытаюсь уснуть.

Захотелось забиться в истерике, но я сдержалась. Не поможет. Нужно как-то вернуться домой, в квартиру, которая теперь казалась невероятно далекой, находящейся где-то на другом краю галактики.

Домой! Я хочу домой! Верните меня, черт бы вас подрал, кто бы ни был за это все ответственен!

«Ты сама ответственна, Дина, — вернулся собственный холодный голос, — ты сама это сделала. Никто не знает как, но это ты. И только ты можешь вернуть все назад».

Но как?

Как можно вернуться домой?

«Только тем же методом, которым ты попала сюда».

Я снова всхлипнула. Как-то безнадежно, потерянно. Не мог же этот чертов день стать еще хуже, чем был?

«Заткнись и делай!» — внутренний голос точно принадлежал мне, но добр отнюдь не был. Однако слова помогли. Я вздрогнула, огляделась по сторонам, будто ожидая, что все еще само каким-нибудь чудесным образом изменится. И только когда поняла, что не будет этого, принялась думать. По-настоящему сосредоточившись, отключившись от паники и других эмоций. Серьезнее, чем когда-либо до этого, начиная осознавать, что если я не сделаю этого, то, скорее всего, пропаду в этом незнакомом месте.

«Дина, сосредоточься, ты можешь!»

Снова зачем-то кивнула самой себе.

Нужно представить, что я в собственной комнате, что я оказалась там, где была до этого. Нужно наполнить все это золотым светом, сделать все точь-в-точь, как делала для того, чтобы попасть сюда.

Если это сработало в тот раз, то это должно сработать и сейчас, а иначе — сидеть мне в этом парке всю ночь, потому что идти мне здесь некуда. Этого места я в жизни не видела и не была уверена, что захочу увидеть вновь.

Постаравшись не увешивать себя ярлыками «сумасшедшая», я обняла собственные плечи и закрыла глаза.

Я в комнате... это все был сон. Станный и реальный. Вот моя кровать и теплое одеяло, вот стол на котором тикает будильник — с утра мне на работу.

Ветер становился все холоднее, но я силилась не обращать на это внимания. Комната будто обступила меня и стала принимать знакомые очертания.

«Вот темный потолок, вот моя постель, а все остальное — сон. Парка нет, он нереален. Есть я в своей квартире, лежащая под одеялом».

Я не знала, сколько раз мне пришлось повторить все это в голове, прежде чем я

действительно сумела ощутить ткань одеяла под пальцами, разлепить глаза и понять, что надо мной больше не закатное небо, а темный потолок, и ночь за окном. И больше не шумел вокруг парк, и не текла вода из фонтана. Из этой чертовой чаши, которая раньше мне так нравилась.

Озноб сотрясал конечности с такой силой, что я не доверяла собственным ногам — не удержали бы. Я отчаянно боялась, что выгляни я сейчас из-под одеяла, снова появится что-нибудь странное, и тогда я сойду с ума. Сумасшествие уже едва не притянуло меня в свои объятия. Как же просто, оказывается, можно свихнуться. Как близко этот порог...

Всхлипывала я долго. И дрожала тоже.

И только через некоторое время, когда уставший от стресса мозг смог полностью отключиться, измотанное тело тоже соскользнуло в сон.

«Alone she says upon a star — Where am I? What the hell?»

Mia Martina «Stay with me»

На работу я продолжала ходить.

Но следующие несколько дней прошли как в дымке. Я чувствовала себя больной и разбитой, будто расколотой на части. И все это время старалась не думать. Вообще ни о чем. Боялась.

На автомате кормила и гладила кота, варила ужин и ложилась спать. Осторожно, с тревогой, то и дело переходящей в панику. Приближалась к кровати, будто к атомному складу, который может рвануть. Не узнавала саму себя.

Сотрудницы списывали мое состояние на бабушку, оказавшуюся в больнице. Я не жаловалась и ничего не отрицала. Даже Татьяна перестала на время язвить — совесть в ней проснулась что ли? Я же едва справлялась с работой, голова стала будто чужой, я ей больше не доверяла. И это разрывало на части. Как можно не доверять самой себе?

Оказывается, можно. Особенно когда спокойный и привычный мир рушится на части, а объяснения этому нет. И поделиться не с кем. Не скажешь ведь: «Лена, я на днях представила какое-то место в сознании и провалилась туда. Как думаешь, такое возможно?»

Представить сочувствующий взгляд подруги не составило труда. Поэтому я молчала. Одна. Закрывшись в своем горе и непонимании происходящего.

Переводы все же удалось сдать в срок. Директор была довольна.

На полученную премию — мизерную, но приятную — по пути домой я купила мешок трюфельных конфет и две бутылки какого-то алкогольного коктейля. Хотелось не то расслабиться, не то забыться. А, может, отпраздновать окончание проекта. Или все вместе.

До автобусной остановки я дошла, но в троллейбус почему-то садиться не стала. Просто стояла и смотрела, как он отъезжает. Двери со скрежетом закрылись, а я так и осталась стоять, где стояла, держа в руках пакет с конфетами и алкоголем. И куда теперь? Почему стою?

А потом я неожиданно разозлилась на себя и на собственные страхи.

Хватит! Нужно просто вернуться к тому моменту и подумать еще раз о том, что же именно произошло той ночью. Сколько можно бегать от самой себя, словно трусиха? Когда-то все равно придется встретиться со страхами лицом к лицу. Так почему бы не сегодня?

Решительно зашагав прочь с остановки, я направилась к близлежащему скверу. Небольшому и достаточно уютному. Радовало то, что там редко сидели сомнительные компании, распивая алкоголь, все больше семьи с детьми или старики. А они не помешают ни мне, ни моим мыслям.

* * *

В одном я была уверена наверняка — я не сумасшедшая. Да, мне было страшно мысленно возвращаться к непонятной ночи, когда я оказалась неизвестно где, но силы

восстановились. Теперь я смогу об этом хотя бы спокойно подумать.

Усевшись на детские качели, я развернула мешок с конфетами и открыла один из коктейлей. Да здравствует пятница и заслуженный отдых! Положив в рот сладкий трюфель, я на мгновение зажмурилась — как хорошо стало на душе. Радость хлынула через вкусовые рецепторы к мозгу.

Отпив добрую треть жидкости из бутылки, я отставила ее подальше и медленно выдохнула, чувствуя, как согреваюсь изнутри. Скоро придет и расслабление. Впервые за несколько дней. И пусть рацион мой вовсе не диетический, зато точно правильный для снятия стресса. А это — самое главное!

Старики действительно сидели на лавочках: разговаривали, просто грелись на солнце. Бегали по площадке дети, одетые в яркие куртки, размахивали зажатými в руках флажками и воздушными шариками. За ними, прикрикивая, бегали родители, пытаясь уберечь малышей от падения.

Мирно, спокойно, хорошо. Делились сплетнями и полезными советами друг с другом молодые мамы, курили, думая о чем-то своем, молодые отцы.

Напряжение действительно стало спадать. Я ела конфету за конфетой, смотрела на людей в сквере, покачивалась на качелях и ни о чем не думала. Нервы успокаивались, что-то хорошее и правильное возвращалось в норму. Наверное, внутренний баланс. Немного погодя внутри даже снова появился тот свет, который я часто чувствовала в себе. Его трудно было описать. Какое-то тепло и благодарность к миру. Просто за все.

Значит, я действительно расслабляюсь.

Продолжая рассматривать людей, я незаметно сползла к мыслям, в которых часто пребывала последний год: неужели мир действительно нечто большее, чем кажется? И что есть мир — то, что вокруг или то, что есть в голове? Почему-то казалось, что и то, и другое. Но одно было правильно точно — существует то, что невидимо навскидку человеческому глазу: энергия, материя, волны. И все то, что их составляет. И этим всем как-то можно управлять.

Помню тот шок, который я испытала, посмотрев фильм «Секрет», после которого, собственно, и началась моя эпопея с чтением всего, что под руку попадет на заданную тематику: как использовать закон притяжения в собственных целях, как видоизменять жизнь, как добиться того, чтобы то, что хочешь, пришло в жизнь.

Именно после того фильма, я начала читать Клауса Джоула. Про тот самый золотой свет. Он называл его Любовью. Потом пришел черед Эстер и Джерри Хиксов, потом был Ричард Бах, но не общеизвестная «Чайка», а другие его книги, более глубокие. И еще много чего.

Все эти люди утверждали, что мир есть то, во что мы верим. И что глаз видит далеко не все. И все эти слова отзывались во мне чем-то правильным. Сердце отзывалось в ответ на эти строчки, будто подтверждая: вот она — правда. И ты это знаешь где-то внутри. И я верила, потому что чувствовала и знала: люди не используют возможности своего сознания, чтобы изменять свою жизнь. А я во что бы то ни стало хотела этому научиться. Если уж так сильно реагировало сердце, значит, следовало к этому прислушаться.

В рот ушла еще одна конфетка. Рядом со мной приземлился резиновый мяч: полосатый, яркий. Я нагнулась и бросила его назад к малышам. Те радостно взвизгнули и снова принялись его гонять.

Мысли вернулись к просмотренному не единожды «Секрету».

Там все объяснялось просто: если вы хотите что-то получить в реальной жизни, то

просто представьте это. Представьте, что у вас это уже есть, поверьте в это настолько сильно, насколько можете, и тогда Вселенная предоставит это вам, воплотит в жизни. И чем больше вы будете представлять, что уже обладаете чем-то желанным, тем быстрее оно придет в жизнь. Конечно, в фильме говорилось о том, что есть временная задержка, так называемый «буфер», в течение которого Вселенная постепенно реализует ваше желание. Поэтому результат проявляется не сразу, а находит пути воплощения, основываясь на тех ситуациях, которые вас окружают. Для меня почему-то это звучало логично.

А вот Ричард Бах, в свою очередь, утверждал, что «буфер» может и не существовать. Все зависит от того, насколько сильно вы сможете поверить в то, что видите в голове. Если вещь или ситуация существует в воображении, значит она существует на самом деле. Какие-то ученые провели эксперимент и выявили, что для мозга нет разницы, видит он объект глазами или же видит его просто в сознании. Реагируют одни и те же области. А из этого следует, что воображаемое реально. Или становится таковым. Сразу или погодя.

Первый коктейль заканчивался. Я медленно раскачивалась взад-вперед, дрейфуя в океане собственных мыслей.

Над темой о возможностях сознания я размышляла уже много раз. Училась медитировать, очищать голову, работать с внутренним светом, училась посылать его другим людям, потому что, как учили авторы, это помогало их жизни. И много раз я замечала, что, может и не сразу, но это действительно помогало. И кто знает как?

Но пора было вернуться к той тематике, что несколько дней к ряду отпугивала меня. К той ночи, когда из собственной постели я шагнула на чужой тротуар. Была ли это игра воображения или все же нет? Могла ли я действительно оказаться где-то еще, просто представив это место? Представив его до мелочей, почувствовав вокруг себя атмосферу?

По книгам выходило, что такое было возможно. А в жизни? Испытывал ли кто-нибудь из этих авторов-всезнаек то же, что произошло со мной?

Я почему-то была уверена, что парк галлюцинацией не был. Пусть даже был стресс, и было плохо, но, возможно, именно это плохо толкнуло меня к тому, чтобы представить в голове что-то настолько реальным, что результат вышел неожиданным? Могло ли быть такое на самом деле?

Мысли и чувства путались. Я обычный человек. Обычная девушка. И я верю, что день светлый, а ночь черная. Верю, что если сказать гадость, то настроение портится, а от доброго слова любому становится легче. Верю, что человек не может летать, не может дышать под водой и не может превращаться в кого-то другого. Но все же есть что-то за пределами обычного восприятия, во что я верю. Но что это?

Потерев лоб, я нащупала мешок с конфетами и поняла, что он изрядно опустел. Открыла вторую бутылку с коктейлем. Иногда можно себя побаловать, и хорошо, что никто не дергает.

Цветы на клумбах качались на ветру, гомон детских голосов не утихал. Вот уж кому точно еще несколько лет не придется ломать голову над сложными вопросами и впихивать в себя то, что не впихивается, как взрослым.

Окончательно размякнув от алкоголя и сахара в крови, я уперлась головой в железную трубу, что поддерживала качели с двух сторон, и прикрыла глаза, слушая шум мира вокруг.

Динка, Динка, вот ведь не было печали. А еще казалось, что жизнь до этого была странной, а теперь так совсем.

Но к собственной радости я достигла такого состояния, когда размышления о странном уже не пугали, а скорее веселили.

В конце концов, у меня есть только два варианта: либо я дура, либо нет.

И вариант номер один заключался в следующем: оставшись одна в квартире под грузом навалившихся проблем, я просто поддаюсь стрессу и панике, которые вылились в игры сознания, то бишь сдвиг по фазе. И ничего из того, что мне чудилось, не происходило на самом деле. А все это время я лежала в постели, и никакого парка в помине не было. Было одно только болезненное воображение уставшего и измотанного человека.

Да, такое вполне может быть.

Вариант номер два: все это было на самом деле.

От этой мысли я хихикнула.

Вот откину всю логику нафиг и попробую дать волю фантазии. Возьму и представлю, что все было на самом деле. Тогда что получается? Нарисовавшийся в голове фонтан, успешно наполненный золотым сиянием, взял и притворился в жизнь. Точнее, меня вынесло в незнакомое место в физическом теле, как мне и казалось. И, значит, я на самом деле могу перемещаться туда, куда представлю! Как удобно! И если я научусь с этим работать и не пугаться этого, тогда будет здорово попутешествовать.

Нет, алкоголь точно давал о себе знать. Я начинала играть в «сказки» с самой собой. Ладно. Представим, только на минутку представим, что я действительно оказалась в другом месте. Но где? Что за город это был? Небоскребы в небольших количествах есть только в Москве, а не здесь, в сибирской глубинке, где я родилась и жила. Но на московские они не тянули. Слишком их было много и слишком высоким и плотным скоплением они стояли. Тогда где? В Америке? Могло ли меня вынести в Соединенные Штаты?

Я снова хихикнула.

Вот было бы здорово просто взять, щелкнуть пальцами и оказаться в штатах! Да и еще и без визы. А если депортируют с территории? Вот глупость-то где.

Я икнула, разговаривая сама с собой.

Постой-ка, постой-ка, Дин, а ведь там был человек, который спросил меня, все ли в порядке. На каком языке он говорил, на английском?

Отчего-то по моей спине прошел холодок.

Нет, не на английском. Я ведь его поняла, не пытаюсь запустить мозговой механизм перевода. А, может, я настолько привыкла к языку, что уже не вижу разницы между ним и своим родным? Могло ли быть так? Наверное, могло, если я целыми днями сижу за монитором и читаю иностранные слова.

Напрягшийся мозг немного успокоился. Наверняка это все-таки был английский.

Пора было выдвигаться домой. Ну их! Всех этих писателей с их идеями! И город этот непонятный туда же. Привиделось, или нет — не так уж важно.

Хотя где-то внутри засела заноза. Какой-то части меня очень хотелось прояснить этот момент. Но как? Не проводить же новый эксперимент по перемещению? А вдруг я закончу свои молодые дни в психбольнице?

Но мысль чем-то зацепила и с задворок сознания не ушла.

Выкинув пустые бутылки, я снова направилась к остановке. Все, на сегодня хватит прохлаждаться. Пора домой.

Той ночью экспериментировать я не решилась, но читала допоздна, пока глаза не начали слипаться, а голова окончательно не распухла от объема информации — тонны и тонны книг подтверждали мои теории и рассказывали о новых. Я терла лицо, пыталась разложить сотни идей по полкам в голове, но они зачастую расходились, вызывая постоянные противоречия. Мозг будто разбух и пульсировал.

Засыпала я без мыслей. Намеренно. Просто медитировала, избавлялась от эмоций, наполнялась невидимым глазу светом и успокаивалась.

А потом снова читала. Теперь читала везде, где была возможность: по пути на работу, в офисе, в троллейбусе, следующим домой, и снова на кровати. Больше всего мне несло крышу от «Иллюзий» Баха, особенно в том месте, где Мессия рассказывал о том, как создать перо.

Раскрыв книгу, я еще раз с каким-то внутренним волнением перечитала это место:

Официантка, протиравшая тарелки, время от времени странно поглядывала на него — кто он такой, чтобы говорить такие вещи?

«Поэтому тебе никогда не бывает одиноко, Дон?» — спросил я.

«Если я сам этого не захочу. У меня есть друзья, в других измерениях, которые навещают меня время от времени. Да и у тебя они есть».

«Нет. Я имею в виду это измерение, этот воображаемый мир. Покажи, мне, что ты имеешь в виду, яви мне махонькое чудо такого магнита... Я очень хочу этому научиться».

«Это ты мне покажи», — сказал он. «Чтобы что-то пришло в твою жизнь, тебе надо представить, что оно уже там».

«Вроде чего? Вроде моей прекрасной незнакомки?»

«Да что угодно. Незнакомку потом. Для начала, что-нибудь попроще».

«Начинать прямо сейчас?»

«Да».

«Отлично... Голубое перо».

Он удивленно посмотрел на меня, ничего не понимая. «Ричард, какое голубое перо?»

«Ты же сказал, что угодно, кроме незнакомки, что-нибудь помельче».

Он пожал плечами. «Прекрасно. Пусть будет голубое перо. Представь себе это перо. Увидь его — каждую черточку, края, кончик, хвостик, пушок около основания. Всего лишь на минуту. Этого хватит».

Я на минуту закрыл глаза, и перед моим внутренним взором предстал четкий образ. Небольшое, по краям ярко-голубой цвет переходит в серебристый.

Сияющее перо, плывущее во тьме.

«Если хочешь, окружи его золотистым сиянием. Обычно его используют при лечении, чтобы материализовать процесс, но оно помогает и при магнетизации».

Я окружил мое перо золотистым сиянием.

«Сделал».

«Отлично. Глаза можешь открыть».

Я открыл глаза. «Где мое перо?»

«Если ты его четко вообразил, в данный момент оно уже пулей летит тебе навстречу».

«Мое перо? Пулей?»

«В переносном смысле, Ричард».

Весь день я ждал, когда же появится это перо, но все напрасно. И только вечером, за

плотным ужином из бутерброда с индейкой, я, наконец, увидел его. Рисунок и маленькая подпись на молочном пакете: «Упаковано компанией „Голубое перо“, г. Брайон, штат Огайо».

«Дон! Мое перо!»

Он посмотрел и пожал плечами. «Я думал, что ты хочешь настоящее перо».

«Новичку любое подойдет, ведь правда?»

«А ты представлял себе только само перо, или то, что ты держишь его в руке?»

«Только само перо».

«Тогда все ясно. Если ты хочешь быть вместе с тем, что притягиваешь, тебе надо и себя ввести в эту картинку. Прости, что забыл тебе об этом сказать».

Мне стало немножко не по себе. Все получилось! Я впервые сознательно притянул в свою жизнь нечто!

«Сегодня перо», — заявил я, — «завтра весь мир!»

«Будь осторожен, Ричард», — предупредил он, — «а то можешь очень пожалеть».

Вот именно! Именно то, что я и сделала: представила что-то в деталях, а потом окутала золотым сиянием. Все точно так, как описано у Баха.

Я поежилась.

* * *

Бабушка поправлялась. Не быстро, но поправлялась. У молодых заживает проще, чем у старых, но теперь в ее сердце стояли шунты, помогающие крови течь по забитым сосудам, а для меня это означало, что жизнь еще сколько-то лет продержится в ее теле. Бог даст, много лет. Очень хотелось в это верить.

Я держала ее руку, сидя у кровати.

— Баба, как ты?

— Неплохо, Диночка. Уже лучше. Это все соседка: она скорую вызвала, когда я на пол стала падать, а если бы не успела... и если бы не твои деньги...

— Забудь, бабушка. Деньги — ничто. Всегда можно еще заработать.

Она слабо покачала седой головой.

— Если бы ты не заплатила за операцию, ее бы не сделали так быстро. Поставили б меня на учет и в очередь. А я б не дожила.

Горько было слышать эти слова. Но они были правдой. Стариков с подобным заболеванием было много, и врачи не спешили тратиться на дорогостоящий материал имплантантов, ожидая, что государство возместит затраты. Чертова система.

— Там фрукты, бабуль, и все, что тебе потребуется. Ты только ешь, ладно? И выздоравливай.

Из больницы я уходила в подавленном настроении. Слишком много лиц с морщинами от горя, слишком много страдания в воздухе, слишком отрешенными были маски докторов, которые понимали, что они не всесильны и не по своей вине.

А я всегда была невероятно чувствительной к атмосфере мест, слишком остро пропускала через себя то, что висело в воздухе. И это очень мешало нормально жить.

Постепенно Ричард Бах зачитался мной до дыр. Когда настало время «Гипноза для Марии», я не могла оторваться. Задыхалась, перечитывала одни и те же строчки много раз, понимала каким-то нутром, чутьем, что написанное — правда. Стрелка разума зашкаливала, приходилось много медитировать, потому что прочитанное говорило о том, что люди пропускают каждый день — собственные убеждения, а они, по всему выходило, были всем.

Я тонула в строчках этой книги, как в океане истины. Хотелось кричать всему миру, что в руках у нас самое сильное оружие, которое можно только найти. Ключ ко всему, а мы отворачиваемся, предпочитаем не видеть и не слышать откровенных подсказок. Но почему так? А глаза снова и снова перечитывали отдельные главы:

«Итак, весь мир — это принятые утверждения, и они становятся моими убеждениями, моими предположениями, моей собственной личной главной истиной. Мои позитивные истины „я могу...“ открывают путь для новых установок, новых возможностей. Мои негативные истины „я не могу...“ закрывают для меня этот путь, становятся моими ограничениями. Убеждения других не влияют на мою жизнь, подумал он, пока не становятся и моими убеждениями.

Любое утверждение, подумал он, с которым мы можем согласиться или не согласиться на любом уровне, — это установка.

Он был так поражен этой мыслью, что забыл о самолете.

Любое утверждение? То есть практически каждое слово, которое он видел, произносил, слышал, о котором думал или мечтал, безостановочно днями и ночами напролет, более полувека, не считая невербальных установок, которые еще в десять тысяч раз более живучи.

Каждую долю секунды мы натываемся на стену и в который раз подтверждаем: твердая-сквозь-такую-не-пройти. В скольких микрослучаях в течение одного дня наш разум сталкивается со стенами? Дверями? Полами? Потолками? Окнами? Сколько миллисекунд мы принимаем границы-границы-границы, даже не отдавая в этом отчета?

И в основе всего этого — страх. Мы, смертные, должны научиться бояться, подумал он. Если мы собираемся играть в эту Игру, опасность необходима, гибель должна быть возможна.

Вынуждены играть, вынуждены погружаться глубоко, глубже, глубже в этот океан установок на то, что мы смертны, ограничены, уязвимы, слепы в отношении всего, кроме мелких бурь, доступных нашему разуму; превращать ложь в непоколебимое убеждение, без всяких вопросов, и при всем этом стараться не умереть как можно дольше, а пока мы прячемся от смерти, понять, почему мы вообще сюда попали и какая может быть причина называть эту игру развлечением.

Да, все настоящие ответы скрыты. Игра заключается в том, чтобы найти их самим среди тьмы ложных ответов, которые находят другие игроки, и они им подходят, но, к сожалению, совсем не подходят нам».

Отложив книгу, я долго смотрела в окно.

Значит, я тоже пленник убеждений? Сделалось как-то беспомощно и зябко. А что

случится, если я попробую сломать их? Что случится со мной, обычной девушкой, если я изменю основополагающие истины сознания? Изменится ли мир?

Дядя Толя видел мою задумчивое лицо вкупе с пальцами, вцепившимися в книгу, и с разговорами не лез. Пил тихо. Варил что-то после того, как я заканчивала готовить ужин для себя. А однажды вечером даже занес занятые в долг двести пятьдесят рублей: положил на тумбочку и тихо закрыл за собой дверь.

А я лишь отвернула голову обратно к книге.

Мне еще слишком многое нужно было понять.

* * *

Кота, впрочем, я кормила исправно, тексты переводила, как и раньше. Почти не разговаривала с коллегами, потому что сознание постоянно тонуло в отвлеченных размышлениях.

А что, если попробовать? Попробовать что-нибудь создать? Не перемещаться черт знает куда, потому что страшно — к таким вещам я пока не чувствовала себя готовой. А вот попытаться притянуть какие-нибудь предметы в жизнь, вполне можно было рискнуть.

Все больше я чувствовала, что нужно либо подтвердить, либо опровергнуть теории, которые мешают спокойно жить, мешают быть обычным человеком, мешают находить темы для разговоров. По всему выходило, что если все продолжит течь в том же направлении, то я стану замкнутым в себе изгоем общества уже очень и очень скоро.

Помнится, я и раньше практиковалась в представлении различных вещей и наполнении их светом. Тот же красный модный плащ, который сначала увидела в журнале, а через месяц его откуда-то привезла мама. Совпадение? Потом была сумка: настоящая, красивая, кожаная. Пара недель мечтаний и я выиграла ее в каком-то конкурсе. Тоже совпадение? Дальше, когда я училась в университете, была даже поездка, не очень далеко, в Украину. Мне очень хотелось присоединиться к группе, и я много думала об этом по ночам, представляя, как здорово было бы оказаться в том автобусе. Но все места были расписаны за месяц вперед. И кто знает, почему в самый последний момент выбыла из списка одна девочка, а ее место предложили именно мне? Еще одно совпадение? Да, именно так я их и называла и не особенно связывала свои мечты, наполненные светом, с настоящим результатом.

А теперь возникало странное и стойкое ощущение, что зря.

Вот, видимо, и настало время либо для воплощения чудес в жизнь, либо крушения веры в них. На этот раз тотально.

И работу над этим я решила начать завтра же с утра, как только приду в офис.

* * *

Настроение с утра задалось на ура.

Ну, а как же еще? Ведь завтра вечером приезжает мама! И неделя, которая обещала быть тягучей и противной, для меня, погруженной в чтение, пролетела незаметно. Ну, наконец-то! Мама, мамочка будет дома!

В офис я направилась бодрым шагом, на ходу придумывая, какой бы такой предмет мне

попробовать «притянуть» в жизнь, пока занимаюсь переводами. На ум пришла чашка кофе — дешево и сердито. Но мне понравилось. Понравилось потому, что, во-первых, кофе я пила крайне редко, и девчонки об этом знали. А во-вторых, чашку я представила определенную: ту, большую, с земляниками по краю. Ее обычно только Татьяна использовала и никто больше.

Я плотоядно улыбнулась.

Если получится — хорошо, а нет — черт с ним. Не корову проигрываю, в конце концов. Еще не дойдя до дверей офиса, я уже в деталях представила стоящий на моем столе дымящийся кофе. Хорошо представила, качественно! Даже выпить его захотелось. И чтобы, как у Баха, результат появился быстрее, окружила чашку в воображении золотым сиянием. Не повредит ведь? Буду все делать по инструкции.

Я хихикнула как раз тогда, когда открывала дверь кабинета.

— Во! Бернардина лыбится! Только поглядите на нее! — тут же раздался едкий голос пахнувшей на весь кабинет духами Татьяны.

— Привет всем, — миролюбиво отозвалась я и прошла к своему столу. Сняла плащ, повесила на спинку стула сумку.

Девчонки пожелали доброго утра, а Татьяна не унималась.

— Ты завела что ли кого? Счастливая уже с утра ходишь. Круглая, как самовар, и сияющая...

Я бросила на нее неодобрительный взгляд и прошла в маленькую кухоньку, чтобы налить себе чай. Заодно еще раз бросила взгляд на нужную кружку с ягодами, чтобы запомнить побольше деталей.

Когда вернулась к столу, заметила, что Лены не было. Опаздывала она сегодня.

Я повернулась к Юлии.

— А где Лена, не знаешь?

Спокойная и аккуратная Юлия отодвинула мышку и ответила:

— Лена звонила Валентине Олеговне, сказала, что немного задержится.

— А-а-а... — неопределенно потянула я и вернулась к монитору, чтобы посмотреть, что Бог сегодня послал. Мда-а-а, не кусок сыра, конечно, а чей-то сертификат о разводе, требующий перевода с русского на английский. Ну, сертификат, значит, сертификат! Женятся они там или разводятся — не мое дело. Мое дело переложить все на зарубежный алфавит.

— А где печенье-то твое утреннее? — проплыла мимо Татьяна, направляющаяся на кухню. — Принести тебе десять-пятнадцать штук? До обеда, небось, помогут продержаться.

— Артемьева! — фыркнула на Таню прихорашивающаяся за своим столом Валентина Олеговна. — Уймись уже!

Я с благодарностью посмотрела на администраторшу. Та немного виновато улыбнулась в ответ.

Что ж, утро начиналось вполне обычное.

Чтобы не тратить попусту время на обиды, я еще раз представила в деталях Танину кружку, стоящую на моем столе, после чего с чистой совестью принялась за работу.

На обед я в этот раз выбежала в уличное кафе-столовую, потому как из дома ничего с собой не захватила. В сумке лежал только пакет Вискаса, который я не скормила Мишке по причине того, что просто не нашла его во дворе. Не есть же чужой обед?

Я улыбнулась.

Заказала себе тарелку супа и второе, быстро уплела все это за обе щеки, выпила компот и понеслась обратно на работу, чтобы не опоздать.

А когда открыла дверь, то была приятно удивлена радостной суматохой, которая царила в кабинете. Оказывается, пришла Лена. И принесла с собой огромный торт. У этой хохотушки сегодня, как выяснилось, был день рождения, о котором мы ничего не знали, потому как тихушница скрыла сей радостный факт от общественности. А теперь сияющая, как тот самый медный самовар, она стояла у своего стола, нарезая торт и раскладывая его в принесенные с кухни блюда.

Я от души поздравила именинницу, пожелала ей всего наилучшего, про себя решив, что обязательно куплю ей какой-нибудь презент, как только появится возможность. Двадцать четыре года человеку, чем не праздник?

Не успела я погрузиться в работу — юридический перевод никогда не давался легко, — как рядом с моим столом возникла подруга.

— Вот и твой кусок! — она водрузила на край стола приличных размеров кусок торта с вишнями на тарелке. — И кофе.

Я, не отрываясь от монитора, улыбнулась.

— Ты чего, я же не пью кофе!

— Ой, разве? — прощбетала Лена. — А я и забыла! Ну, нальешь тогда себе чай на кухне.

— Ага, — ответила я, допечатывая последний символ в строке. — Спасибо!

А потом потянулась к кружке, чтобы отнести ее на кухню и заменить кофе чаем. И моя рука застыла на полдороге — на углу стола стояла та самая кружка Тани. С ягодами.

Видя мое ошарашенное лицо, Ленка махнула из кухни.

— Дин, не было другой свободной. Пей из этой, ничего Таньке не сделается.

Я медленно кивнула в ответ.

Потом зажмурилась и потерла лоб.

На следующий день я шла в офис, полная решимости найти другой предмет, который бы ну никак не мог возникнуть на моем столе. Вчерашний опыт так изумил мою логику, что та страстно пыталась опровергнуть существование любых неписаных законов, тем более мистических, а потому рьяно искала новый предмет для пробы.

Вскоре искомый был найден — им оказалась роза. Да, обычный цветок. Что сложного, спросите вы? Может быть, и ничего. Но девушке с моей комплекцией цветы дарили не часто, в последний раз года четыре назад, а потому хохочущий рационализм радостно потирал руки в предвкушении скорого провала.

Я только пожала плечами. Роза, так роза. И принялась наполнять воображаемый цветок золотым светом, разглядывая в уме его красные лепестки и шипастый стебель, представляя тот лежащим на моем рабочем месте.

Несколько раз в течение дня я возвращалась к этой картинке и снова забывала про нее.

А под вечер к директрисе пришел какой-то ухажер и принес целый букет цветов. И все бы ничего, но он так же не забыл подарить нам — простым переводчицам — по цветочку,

чтобы «не скучали». Как только точно такой же цветок, который крутился на уме целый день, лег на угол моего стола (равно как и на Ленин, Танин, Юлин и т. д.), я сдержанно ответила «спасибо» и скрипнула зубами.

А под вечер, возвращаясь домой, зачем-то посмотрела на небо.

И как ты только прокручиваешь свои шестеренки, Вселенная? Как это все работает? Кто бы объяснил...

* * *

Мишку я все-таки нашла. Его пыталась закинуть в мусорный ящик детвора. Я отбила кота, зло отчитав всех, кто к этому был причастен, потом накормила несчастного Михайло и долго держала его на коленях, пока кот не перестал дрожать. После отнесла за дом, где редко гуляли дети, и оставила там, успокоившегося и мурчащего.

Снова попробовала стереть горький желчный привкус от людской жестокости. Выходило плохо. Я вздохнула и поднялась по лестнице.

А дома... дома ждал сюрприз. Настоящий, теплый, самый лучший из всех — дома была мама!

Трудно объяснить, что меняется, когда домой возвращается родной, любимый человек. Всего не передать словами. Это как целый мир, который вдруг поворачивается к тебе с радостной улыбкой.

Привезенные вещи уже лежали повсюду: на диване, креслах, ковре.

— Диночка, чего же ты мне не сказала про бабушку? — с порога спросила взволнованная мать, обнимая меня. — Как же?

— Мама, ведь нормально все уже. Каждый день она все бодрее теперь и лучше. И я так рада, что ты вернулась. Все будет хорошо теперь, ты не переживай.

Она смахнула скопившиеся в уголках слезы и рассмеялась.

— Чудо, ты мое! Я очень, очень по тебе скучала.

Даже Анатолий расцвел. И выглядел вполне прилично — в отглаженной рубашке и брюках. И вроде как даже готовил что-то на кухне. Запах был не пельменным и не котлетным. Я даже удивленно покосилась на него, пока тот не видел.

А потом было просто хорошо: пили чай, делились новостями, мыслями, рассказывали о буднях, ели приготовленную отчимом курицу, а потом привезенные мамой конфеты. После чаепития мама предложила разобрать новые вещи, а что понравится, я могла оставить себе. На выбор. Так было всегда. И это моменты я очень любила. Пусть я не была самой привлекательной в мире, но принаряжаться всегда так приятно, и мы с удовольствием прокопались в одежде до поздней ночи.

И, наверное, впервые за долгое время схлынула тоска, а мир снова наполнился теплом и светом, от которого было хорошо даже ночью. И кровать больше не пугала, а стала вдруг уютной, как в далеком детстве.

Уже засыпая, я слышала, как на кухне смеются мать и дядя Толя. Оттуда текла хорошая энергия, хорошее ощущение. Почувствовав это, спокойная и довольная, зарывшись в одеяло, я уснула.

В этот день жизнь моя изменилась навсегда.

Я просто знала это. Почти без эмоций, отрешенная, заледеневшая в ложном спокойствии... Я смотрела на плывущие по голубому небу облака, щурясь от стоящего в зените солнца. Хлопали флаги на высоких башнях, я слышала их, хотя вокруг ходили толпы народа, в основном туристов. Били где-то в отдалении церковные часы, играл, расположившись прямо на булыжной мостовой площади, сборный оркестр из пяти человек. Хорошо играл, задорно. Веселил людей, зарабатывал приличные деньги, судя по кидаемым в раскрытый чехол от контрабаса монетам.

В какой валюте? В евро.

Здесь все было в евро уже давно.

Я медленно, будто с натугой, еще раз обвела взглядом площадь, в центре которой стояла. Туристы обтекали меня, словно реки торчащий на пути камень, а я вообще ни на что не обращала внимания. Ни на них, ни на красоту архитектуры за спиной, которую видела впервые в жизни, ни на то количество языков, на котором вокруг разносилась речь.

Башни, старинные постройки, что-то звучащее, иногда отдаленно напоминающее русские слова.

Я была в Праге.

И теперь точно поняла, что умею «переноситься».

Этот город был настоящим. Настолько настоящим, насколько вообще может быть. Булыжники, камни, люди, сидящие на треногих стульчиках художники, рисующие портреты, проходящие мимо японские туристы с неизменными камерами на шеях. В основном, люди, как я уже заметила, шли мимо кафе к знаменитым часам, что находились где-то справа от меня. Что-то было в них такое особенное, что толпа в том месте не редела, а, казалось, только увеличивалась.

А мне было плевать на часы. И Прагу я всегда хотела увидеть, но не таким образом.

Руки медленно сжались в кулаки.

Теперь я точно изгой. Никогда и ни с кем не поделиться мне этой тайной, ни одному человеку не рассказать о произошедшем. Дар это или проклятье? Откуда вообще взялся этот чертов «талант» к перемещениям?

Второй раз не мог быть ошибкой. Да и глупо было отрицать очевидное.

Если раньше я думала, что какой-то парк мог мне померещиться, то Прага точно была Прагой.

А узнала я это из магнитов, которыми были облеплены двери местных туристических магазинов. Мне никогда теперь не забыть того шока, когда я прочитала название чужеземного города своими глазами. Запыхавшаяся, взмыленная и паникующая я бегала по незнакомым местам, пытаюсь понять, что же снова произошло.

Ничего особенного. Просто еще один перенос. И больше я не дышала, как конь, не выламывала в отчаянии руки и не ревела. Просто приняла ту истину, которая была. Я — не такая, как другие. И я могу переноситься.

Что бы это ни значило.

И это навсегда теперь отделило меня от общества. Стало тяжелой тайной, которая никогда никому не откроется, которая заставит меня сползти еще на ступень вниз по

социальной лестнице. Я и раньше не была общительной, а теперь вообще рта не раскрою. Да и зачем? Чтобы издевались, засмеивали, сочувствовали, качали головами или изучали, накачивая современными психотропными средствами? Ведь какой прорыв в массах мог случиться, если бы избранные научились делать то же, что и я? Да власти бы годы потратили, держа меня в клетках и на больничных столах, лишь бы выявить секретный ингредиент, открывающий двери человеческого телу в другие места.

А я об этом не просила. Я злилась. Я и не хотела особенно отличаться, мне и раньше-то друзей завести почти не удавалось, а теперь о них можно совсем забыть.

В сознании что-то изменилось.

С понимаем того, что я «другая», пришло и новое отношение к старым вещам. Что-то вдруг стало мелочным и суетливым, не заслуживающим больше внимания.

Откуда-то возникла во мне новая часть — холодная и рассудительная, почти не дающая эмоциям просачиваться на поверхность. Видимо, защищающая разум от «перегрева», словно реле. А ведь я такой раньше не была.

Значит, так тому и быть. Теперь многое поменяется. Очень многое.

Я вдруг громко и хрипло рассмеялась, напугав проходящих мимо туристов.

А ведь как хорошо начинался день!

Все было обычно, понятно и привычно. Офис, разговаривающая по телефону директриса, уехавшая куда-то по делам заведующая, уткнувшаяся в мобильник Таня. А потом, черт бы ее дернул, радуясь отсутствию начальства, ко мне повернулась Ленка...

— Динка! Я таких новых обоев на рабочий стол накачала. Закачаешься!

Ее энтузиазм заражал.

— Да что ты? Покажи! — я подлетела к ее столу.

— Смотри! Города мира! — она быстро перелистывала отличного качества изображения. В несколько из них я влюбилась с первого взгляда. — Переписать тебе?

— Конечно! — я уже даже выбрала, какое именно поставлю себе на заставку. Давно пора было сменить этот скучный зеленый листочек с каплями, снятый крупный планом. Листочек был приклеен к рабочему столу еще с тех времен, как я первый раз включила служебный компьютер. А города я любила.

— Держи!

Картинки уже перекочевали на личную Ленкину флешку.

— Спасибо!

Тут же переписав приобретенное «богатство» на жесткий диск, я вернула флешку и принялась искать то изображение, которое уже приглядела. Через секунду оно было найдено и закреплено на рабочем столе.

Я удовлетворенно откинулась на стуле: красота-то какая! Красивая просторная площадь — сразу видно, что старинная, — высокие остроконечные башни, серые, желтые, бежевые домики, прилипшие друг к другу.

— Лен! — позвала я подругу. — А вот это где?

Места, к сожалению, подписаны не были. Я повернула к подруге монитор.

— Не знаю... — отозвалась коллега. — Наверное, где-то в Европе. Я там точно не была.

Она хихикнула.

А вот я теперь была.

И мне было не смешно.

Я стояла на точно той самой площади с новой заставки на моем рабочем столе. А все потому, что на обеденном перерыве решила еще раз полюбоваться понравившейся картинкой и царившей там атмосферой. И долго разглядывала детали, представляла, каково было бы пройтись по тем булыжникам, как мог бы пахнуть воздух.

Стоило бы задуматься... уж после того случая с парком-то точно. Но я почему-то забыла и все глубже уходила в фантазии, в ощущения. Очень нравилось представлять на своем лице солнце и знать, что не нужно сегодня идти в офис. Что это — мои каникулы где-то там, далеко.

Что ж, каникулы я себе обеспечила. Точно.

Как произошел сам «переход», как и в случае с той ночью, я не заметила. Просто представляла, что стою там, среди туристов и нежусь на солнце. А потом выяснилось, что я и стою там, среди туристов и нежусь на солнце.

Нежилась я, правда, недолго. До того самого момента, пока не пришло осознание случившегося, после чего солнце вдруг радовать, почему-то, перестало.

И стало холодно, несмотря на раннюю осень. Внутри холодно. И не страшно даже, а как-то пусто. Жизнь вдруг переломилась. Я поняла это, ощутила, прочувствовала каждой клеткой. В одну минуту для меня изменилось все, в то время как для гуляющих мимо сотен людей — ничего.

И от этого было ни радостно, ни обидно. А только непривычно холодно. Видимо, так для меня легли карты, и нужно было просто это принять.

И еще нужно научиться что-то с этим делать, как-то контролировать свои странные открывшиеся способности.

Я тяжело вздохнула и снова посмотрела на солнце.

А все-таки здесь красиво.

Больше всего я переживала за то, что исчезла прямо из офиса. Одно дело — раствориться из собственной постели, где никто тебя не будет искать в полночь, если только не какая-нибудь критическая ситуация.

А из офиса? Прямо на глазах у других людей? Плохо.

Я не тешила себя мыслью, что тело мое так и осталось сидеть на стуле, а остекленевшие глаза смотрят в экран. Отчего-то я знала, что это не так. Если я сейчас была здесь, то, значит, была здесь всей своей сущностью: разумом, клетками, мышцами и кожей.

Откуда пришло знание, я вопросом не задавалась.

А раздумывала лишь над тем, много ли переполоха случилось из-за моего внезапного исчезновения?

Оказалось, не много.

Представить себя сидящей в кабинете перед компьютером не составило труда: слишком хорошо я там знала каждую деталь. А посему вокруг меня вскоре послышалось настоящее жужжание системных блоков и голоса девчонок.

Стоило мне ощутить деревянную поверхность стола под пальцами, как я открыла глаза.

Сидевшая к тому моменту ко мне спиной Лена тут же повернулась.

— Динка! Где ты была? Я хотела на обед с тобой вместе в кафе сходить, а ты взяла и пропала.

Я медленно осмотрела остальных: никаких признаков паники или непонимания. Все сидели ко мне либо боком, либо спиной и никакого внимания не обращали.

Из груди вырвался облегченный вздох.

Лена продолжала возмущаться:

— Ни сумку ты с собой не взяла, ни плаща! Куда ты ходила-то? И как прошла мимо так, что я не заметила?

Рот разлепить было сложно. Тем не менее, чувствовала я себя спокойно. Сердце билось тяжело, но равномерно. Вот только лицо было бледным, так мне казалось.

— Я подышать выходила, Лен. Что-то не очень хорошо себя почувствовала.

— Так ты и выглядишь, как привидение, — кивнула та. — Нет, чтобы сказать! До аптеки бы дошли, чего сбежала-то без слов? Завтра вместе на обед ходим.

Я кивнула.

Уставилась на монитор, который теперь почему-то казался незнакомым. Каким-то чужим. Взгляд упал на картинку старинной площади. Медленно, стараясь унять дрожь в руках, я первым делом сменила заставку на рабочем столе. Обратно на зеленый листок, покрытый росой.

И собрав все внутренние резервы, молчаливая, словно статуя, каким-то образом продержалась в офисе до вечера.

* * *

Мама читала книгу, сидя на диване. В квартире было тихо, тикали часы, молчал телевизор. Я осторожно подошла и уселась рядом в кресло.

— Мам?

— М-м-м...

— А я когда-нибудь была странной?

Мать отложила книгу и посмотрела на меня серыми пронизательными глазами. Лицо ее и в пятьдесят один год не потеряло привлекательности, а в русых волосах почти не просвечивала седина. Она была не полной, но и не худой, хорошо сложенной женщиной. И в кого только я уродилась такой пышной? Наверное, в отца, которого совсем не помнила. Он ушел рано — разбился на машине. Мне не было и двух.

— Не пойму тебя, Дин, ты о чем?

— Может быть, когда я была маленькой, за мной водились какие-нибудь странности, которых не было у других?

Мама на мгновенье задумалась. Потом улыбнулась: немного удивленно, немного растерянно.

— Ну-у-у-у... Икала ты по ночам часто. И если чихала, то много раз подряд, не как обычные дети. И разговаривать очень быстро начала, не в пример другим.

Я нахмурилась. Маловато отличий. Разговаривать многие начинали рано. И читать, и музыку сочинять. А про икоту вообще молчу. С миллионами, наверное, такая проблема случалась.

— И это все?

Она помолчала какое-то время, вспоминая.

— Ты прямая очень была, открытая. Любому могла сказать все, что на уме у тебя было.

Мы смеялись часто над этим и удивлялись, конечно. Тебя было не унять.

Не то. Все мимо.

— А больше ничего?

— Нет, Дин. Вроде ничего. А почему спрашиваешь? Случилось что?

Я с каменным выражением лица рассматривала книжные полки. В стенке, что стояла напротив, книг было не меньше сотни. Мама любила читать.

— Мне просто кажется... — осторожно начала я, — что я чем-то отличаюсь от других. Знаешь, есть ощущение, что я... не как все.

— Нам всем иногда так кажется, поверь мне. И большим и маленьким. И причин вроде бы нет, а все равно кажется.

Она протянула руку и погладила меня по голове.

— А почему ты вдруг над этим задумалась?

— Да кто знает? — уклонилась я от прямого ответа — не время было посвящать в детали других, пока я сама не разобралась в происходящем. Потом я сделала еще один пробный выстрел. — А бабушка у нас тоже обычная?

— И бабушка обычная, — мать рассмеялась. — Ну, ты даешь! Какой же ей еще быть?

— Не знаю. Может, у нее есть какие-то способности?

— Способности? Ну, разве что деда из себя выводить!

Я хмыкнула. Да, бабуля у нас умела порой нудить так, что фашисты бы сами перевешались, лишь бы в одной комнате с ней лишней минуты не сидеть. Но это случалось только иногда, когда та была не в духе. И чем старше, тем спокойней и покладистой она становилась.

Я вздохнула и качнула головой, впервые обратив внимание на отложенную мамой книгу.

— А что ты читаешь?

— А, это? — она перевернула книгу обложкой вверх. — «Хоопонопоно» называется.

— Хоо... что? — удивилась я.

— Это гавайская методика исцеления внутреннего мира с помощью нескольких фраз. Вроде как и вокруг тоже может жизнь наладиться, если часто слова эти повторять. Подруга посоветовала недавно.

Внутри меня что-то екнуло. Может быть, почитать потом, когда мама закончит? Чем черт ни шутит? Выходит, и мама изотерикой увлекается. Так, может быть, я все-таки в нее?

Если честно, хотелось быть «в кого-то». Тогда бы и странности объяснились просто, и по-детски можно было бы показать пальцем и сказать: «А это все она!», и тогда, вроде, не сама виновата.

Но видимо не судьба мне была так просто отделаться.

* * *

Вокруг была ночь.

А я сидела на берегу моря и перебирала пальцами округлые холодные камешки.

Какое море? Где находится? Я не знала. Только слышала, как волны набегают на берег, перекатывают мокрую гальку и уходят обратно в непроглядную мглу. Пенятся почти у самых ног.

Пахло свежестью и морскими водорослями.

Я сидела закутанная в теплую осеннюю куртку, которую предварительно выгатила из шкафа в коридоре, как только убедилась, что домашние спят. Срочно потребовалось побыть в одиночестве, а собственной комнаты, пусть там никого кроме меня не было, уже почему-то не хватало.

Поэтому и представилось в голове это место, где только темнота и волны.

И никого вокруг.

Мысли будто замерзли. Голову, как и местность вокруг, продувал холодный бриз, что шел от воды. Может быть, это океан? Да какая, собственно, разница.

С далекого неба мерцали звезды. Крохотные и холодные. А я пыталась привыкнуть, срастись с мыслью, что теперь могу «путешествовать» в представляемые самой картинки.

Это уже не казалось настолько необычным, как той ночью или минувшем днем.

Но почему-то эмоции, которые должны были по идее от такого осознания прийти, не приходили. Ни радости, ни восторга, ни даже удивления. Из моих глаз в темноту, казалось, откуда-то изнутри меня смотрела пара еще чьих-то — того существа, которое обладало познаниями недоступными простой Динке. В его душе всегда жили знания о древней речи, истинных словах, устройстве мира, работе времени и о чем-то другом. Глубоком и вечном. И не было там места удивлению, а было место всеобъемлющему знанию.

Но я, как ни старалась, не могла интерпретировать новую, чужую информацию, однако знала, что тот, кто открыл во мне глаза, всегда был частью меня. Просто раньше по какой-то причине этот «кто-то» спал.

Я так и не смогла определить, что именно разбудило ту сущность, которая теперь спокойно наблюдала вместе со мной за ночным морем, наслаждаясь тишиной и покоем. Ей — этой сущности — было наплевать на людские проблемы, наплевать на мелочи и суетность жизни. Оно видело что-то большее, что-то гораздо более важное и цельное в том мире, в котором сейчас находилось, и умело наслаждаться каждой секундой бытия, не задавая глупых и бессмысленных вопросов. Казалось, все ответы были уже давно получены, и незачем было плодить новые вопросы, и снова отвечать на них, беспричинно колыхая гармоничное окружение.

А гармоничным оно было. Я чувствовала это, сидя на камнях, слушая далекую, шепчущую о своем песню волн.

Страшно не было. Было спокойно. Спокойно, несмотря на произошедшие перемены, несмотря на присутствие новой меня, которая была, наверное, старше окружающего в эту минуту мира.

Я откинулась назад, легла спиной на гальку, вытянула в стороны руки, устремив взгляд в чернильный с прожилками хрусталя небосвод.

Пусть другие думают о проблемах. О заботах и суете. А я полежу. Просто полежу и посмотрю на звезды, слушая гармонию природы, наслаждаясь тем, что являюсь частью ее. Неотъемлемой и бесконечной частью Вселенной. Может быть, маленькой, а, может, большой, но уж точно нужной и правильной.

Перед тем, как задремать, я представила вокруг собственную комнату, ощутила тепло постели и услышала тикающий со стола будильник.

Спала я в собственной спальне. Крепко. Но посреди ночи проснулась, чтобы стянуть с себя непомерно жаркие в кровати куртку, джинсы и ботинки с носками.

День выдался пасмурным. С низко висящими облаками и ветром. Но ветром теплым, будто оставшимся с лета. Улицы почти не изменились со вчерашнего дня, разве что за ночь еще больше обросли пустыми бутылками и окурками. Да совсем не осталось на деревьях зеленого — сплошной желтый да красный.

Люди тоже не изменились. Шли к остановкам уставшие и невыспавшиеся, мечтающие провалиться лишний час в кровати. Патриотизма в глазах не было. Только сонные проклятья да попытки успеть запрыгнуть в уходящий переполненный автобус или маршрутку.

Водители матерились, пассажиры раздраженно толкали друг друга локтями, всем хотелось урвать место поудобнее, но только те, кто жил близко к диспетчерским, могли позволить себе роскошь посидеть в транспорте с утра.

Я шла пешком. В троллейбус решила не садиться. Так как проснулась я рано, то успела быстро позавтракать печеньем и блинами, что с вечера напекла мама, а потом быстро оделась и вышла на улицу. Нужно было посетить одно место до того, как приду в офис.

Рабочий день начинался в девять.

А книжный супермаркет открывался в восемь. Я поспешила.

Можно было бы, конечно, как и Ленка, накачать изображений из интернета, но что с ними делать дальше? Не могла же я практиковаться, сидя у компьютера? Что будет, если кто-нибудь заметит мое исчезновение прямо от экрана монитора? А распечатать картинки было негде. И запоминать их было сложно, детали из головы ускользали, гораздо проще было держать их перед глазами.

Поэтому, войдя в книжный, я огляделась. Нужен был канцелярский отдел. Искомое нашлось почти сразу же — на стойке возле кассы висел небольшой по размеру календарь «Великие города мира». Я повернула его задней стороной, чтобы узнать цену — 119 р.

Пойдет. В сумку такой поместится, с ним можно будет работать хоть где.

Я быстро сняла календарь со стеллажа и прошла к кассе, где уже бодро тыкала в экран пальцами молодая девушка-кассир.

— Здравствуйте. Пакет нужен? — спросила она.

— Нет, спасибо.

— Сто девятнадцать рублей с вас.

Я протянула сто пятьдесят. Получила сдачу. Засунула календарь в сумку и поспешила на выход.

Купленный календарь на 2013 год я рассматривала уже на обеде. Лена, к счастью, оказалась вовлеченной в жаркий спор по поводу английской грамматики с какой-то Наташей по телефону, поэтому на улицу я ускользнула одна.

Итак, что мы имеем? Я открыла первую страницу, с которой тут же величаво глянула на меня белокаменная архитектура какого-то римского фонтана. Значит, Италия. На следующей странице был изображен Лондонский Тауэрский мост. Затем шел Нью-Йорк. Потом Мюнхен, Москва, засыпанная снегом Прага, летний Париж. Следом Венеция, Стокгольм, Ванкувер и Вена. На последней странице застыл Амстердамский канал.

Я улыбнулась. Вот, значит, по порядку и начнем. Целых двенадцать мест для

путешествия, на которых можно будет начать изучение собственных возможностей. Я медленно вдохнула и выдохнула в предвкушении чего-то близкого и невероятного. Уже совсем скорого, но еще не случившегося, потому что я, как могла, оттягивала сладостный момент.

Мимо шли люди.

Они не обращали никакого внимания на сидящую на лавочке с календарем в руках девушку, одетую в темно-красный плащ и джинсы. Мало ли кто сидит во время обеденного перерыва на лавочках? Люди все шли, что-то ели, пили из бутылок, говорили по телефону, хмурились, ругались, улыбались.

Я перевела взгляд на затянутое облаками небо. И в этот момент пришло откуда-то осознание собственной силы. Оно хлынуло внутрь так неожиданно и приятно, что я на секунду растерялась. А за ним пришла радость.

Все. Я другая. Я могу путешествовать. И пусть я не могу ни с кем поделиться или поговорить об этом, но я могу перемещаться! Без билетов! Бесплатно и сразу, не тратя время на ожидание на вокзалах и аэропортах. Но самое главное — именно туда, куда хочу....

И чувство это приносило восхитительное тепло. Будто меня накачали пузырьками от фанты или пообещали прямой билет в рай.

Из киоска неподалеку, что торговал напитками и сигаретами, запевал высокий голос Ёлки:

*«Завтра в семь двадцать две я буду в Борисполе,
Сидеть в самолете и думать о пилоте,
Чтобы он хорошо взлетел и крайне удачно сел
Где-нибудь в Париже. А там еще немного и Прованс....»*

Теперь я улыбалась широко. Счастливо жмурилась и снова смотрела на небо. На меня начали подозрительно коситься.

«Прыгать» прямо с лавки было нельзя.

Слишком много людей гуляло вокруг. Поэтому я быстро, пока не истекло обеденное время, вернулась в офис, скинула плащ и направилась вдоль по коридору к туалетам.

Не самое приятное место, но зато всегда уединенное. Закрылась в самой дальней кабинке, положила календарь на подоконник, закрыла унитаз крышкой, чтобы не отвлекал, и взгляделась в Римскую площадь с фонтаном. Так, что у нас там? Огромное серовато-белое здание, множество статуй, каскадные перекиды воды, по сторонам которых декоративно расположились огромные булыжники.

Подпись в углу сообщала, что фонтан этот назывался «Trevi». Я кивнула самой себе. Еще раз внимательно взгляделась в картинку, закрыла глаза....

Никогда не знала, что туристов могло быть не просто много, а непомерно много! Даже ступить было некуда. Площадь оказалась не такой уж и большой. Покрутив головой, я поняла, что разноцветные дома подпирали ее уже через пару десятков метров, тесня людей к парапетам, у которых начиналась вода. Этого на фотографии, к сожалению, видно не было.

Несколько чувствительных тычков в бок заставили меня быстро сориентироваться, и я

начала продвигаться прочь от первой линии зрителей, на которую давили больше всего. Именно здесь было удобнее всего фотографироваться, а потому конкуренция за свободный клочок земли, на который могла бы уместиться подошва, была огромной.

Я чертыхнулась.

Вокруг, помимо итальянской, разносилась речь со всех уголков Земли. Пахло чем-то вкусным.... Пиццей и вроде бы сладкой ватой. И еще табачным дымом. Щелкали затворы фотоаппаратов. Голосов было столько, что для того, чтобы услышать свой собственный, пришлось бы кричать.

Черт бы подрал туристические места.... Кто бы знал, что все хотят увидеть этот фонтан? А с другой стороны, не зря ведь он оказался на первой странице календаря в списке самых красивых городов. Следовало ожидать такого исхода.

Протиснувшись между сотнями мужских и женских тел, я, наконец, нашла свободный уступ и забралась на него. Прижалась спиной к стене дома. И только тогда впервые разрешила себе передохнуть и нормально осмотреться вокруг.

А посмотреть было на что.

Толпы людей были похожи на потоки реки. Часть их застывала, чтобы полюбоваться архитектурой, то и дело мелькали вспышки фотоаппаратов, другая часть текла в двух направлениях вдоль домов, устремляясь на какую-то узкую улицу, что тянулась в обе стороны от собора. Здесь за секунду, наверное, делались десятки портретов на память, которые потом должны были разойтись по семейным альбомам в разные уголки планеты.

Я с изумлением и восхищением разглядывала то количество скульптур, которыми было украшено строение, перед которым находился Треви-фонтан. С поражающим воображение количеством деталей были вылеплены мужские и женские фигуры: сидящие и стоящие, с накинутыми на тела тряпками, держащие в руках пики или конские гривы. Коней было много. Будто пойманные в какой-то определенный момент, их тела изгибались в движении, рты открыты не то в агонии, не то в хрипе, белые глаза застыли гипсом.

Умели же строить в старину! Сколько же времени было потрачено на лепку одного вот такого коня? Или дамы с крыльями?

Рядом со мной на парапет запрыгнул какой-то парень. Поднял фотоаппарат, щелкнул затвором и улыбнулся.

— Beautiful. Isn't it?

Я автоматически кивнула и робко улыбнулась в ответ.

Красиво действительно было. Но диалог продолжить не решилась. Да и не нужно было, потому что парень уже спрыгнул с выступа и тут же влился в поток пешеходов, наверное, чтобы поснимать другие достопримечательности Рима.

А я снова огляделась вокруг. Рим. Кто бы мог поверить. Я в Риме! Смех рвался наружу. Счастливый, довольный, восторженный. Свободный, как в далеком детстве.

И не нужно мне турагенств. Не нужно консульских печатей в паспорте, не нужен длительный и нудный сбор документов, чтобы на две недели улететь от привычной серости на заслуженный отдых. Теперь этот отдых был доступен мне в любой момент времени, в любое время суток, в любом уголке планеты. На выбор.

Вода искрилась голубым на солнце, вокруг жевали панини, сэндвичи и куски ароматно пахнущей пиццы. Ниже по улице располагались магазины и рестораны, затопленные людьми. Пахло солнцем и еще летом, уже ушедшим из моего родного города.

Я вдруг вспомнила про офис и резко встрепенулась. Посмотрела на часы.

Оказалось, что прошло уже пятнадцать минут. До конца обеда оставалось всего пять. Уходить не хотелось, и я вздохнула. Здесь было так тепло, так шумно и по-своему здорово. Но нужно было сохранять трезвый ум и рационализм.

Логичная часть меня согласно кивнула, напомнив, что возвращаться нужно не в кабинет, а в кабинку туалета, где на подоконнике остался лежать календарь. Я тут же собралась с мыслями.

Теперь предстояло отвлечься от шума. Представить белую крашенную дверь, окно и подоконник, накрытый крышкой, стоящий сзади унитаза. Вспоминать витающий в уборной запах не хотелось совершенно, но выбора не было.

Я закрыла глаза и напрягла сознание.

В дверь туалета колотила бабка — вахтерша с первого этажа.

Не успела я открыть глаза, как тут же вздрогнула от ударов по двери, наносимых кулаком.

— Заснули вы там, что ли?

Я судорожно схватила с подоконника календарь, засунула его под кофту и открыла защелку. На меня смотрело злое лицо Федосьи Никитишны.

— Уже три минуты долблю, все без толку! Спите вы, что ли, в туалете?

Я быстро, но осторожно протиснулась мимо нее наружу.

— Живот прихватило. Простите, пожалуйста.

Взгляд у той смягчился. Видимо, не отвечать грубостью на грубость и в этот раз оказалось правильным выбором. Уже идя вдоль по коридору, я слышала ее сбавившее обороты ворчание:

— Молодые еще, чтобы животы прихватывало! А уборщице как мыть? Не целый же день ей у двери стоять, дожидаться, пока вас всех пронесет....

Я едва сдержала смех, рвущийся наружу.

* * *

А потом понеслось.

Одно место начало сменять другое с невероятной скоростью. Следующие две недели я запомнила ярче, чем всю свою предыдущую жизнь. И совершенно перестала замечать то, что происходит вокруг.

Если бы кто-то спросил меня, о чем говорили в офисе, как вообще текла жизнь коллег, я бы не смогла припомнить ни слова; переводами же занималась в каком-то автоматическом режиме, благо знаний для этого хватало.

Практиковалась в «прыжках» я теперь постоянно и помногу. Расписание пришлось изменить и точно вымерить по времени. Свободных полчаса у меня было до работы, потом час обеденного перерывала, затем минут сорок после работы, а остальное ночью.

Я не высыпалась.

На бледное лицо и лихорадочный блеск глаз уже начали обращать внимание. Стали задавать вопросы. А я лишь отшучивалась. То усталостью, то критическими днями, то больной бабушкой, то завалом на работе. Все зависело от того, кто именно спрашивал.

Мама стала волноваться, не заболела ли я? Почему молчу все время, часто закрываюсь в

комнате, поздно возвращаюсь из офиса? Я, как могла, уверяла ее, что все в порядке.

Неизменным осталась только кормежка Мишки, потому что кроме меня у него никого не было, да собственные приемы пищи. Без них не было энергии экспериментировать дальше.

После Рима был Париж. Теплый, ласковый, наполненный французским произношением и прозрачным солнечным светом. Сена бы Юлии понравилась. Даже я не ожидала, насколько приятно было смотреть на реку с моста, под которым проплывали Бото-Муш.

На смену Парижу пришел Лондон — пыльный и шумный, очень суетный и куда-то спешащий. Потом был спокойный Мюнхен и ленивая Венеция, где гондольеры раскачивались в своих лодках, ожидая тех, кто был согласен отдать за час плавания целых сто евро.

Цены, конечно, поражали. Особенно меня, зарабатывающую шестнадцать тысяч рублей в месяц. Но я не роптала. Ведь мне для путешествия денег теперь не требовалось вообще. Хотя не мешало бы иметь с собой хоть немного.

Об этом всем я думала уже много позже, глядя на уютное кафе, расположившееся на площади Сан-Марко, где почему-то очень хотелось выпить чашку кофе и полюбоваться на прохожих и голубей.

Но процесс перемещений выявил, увы, одну странную деталь, которую я никак не могла ни понять, ни объяснить: вещи, что были одеты на меня, перемещались вместе со мной (И на том спасибо. Останься я без одежды, и никаких экспериментов больше бы не было и в помине). Часы на запястье, впрочем, перемещались тоже. А вот все остальное исчезало. Из карманов и из рук.

А почему так происходило, я, увы, не знала. И спросить было некого.

Выявить пропадание вещей мне помог личный горький опыт. Дело было после работы. Некоторое время назад мне удалось отыскать защищенную от глаз прохожих пышными кустами лавочку, с которой можно было «уходить» незамеченной. А уходить я в тот раз собиралась в австрийскую Вену. Сумочка в первый (и, как выяснилось, в последний) раз была в руках.

Сам переход произошел успешно, прямо в изображенный на фотографии парк, который я хорошо запомнила из календаря. А вот сумочка пропала. Растворилась.

Заметив это, я тут же вернулась назад в сквер, но лавочка уже была пуста. А ведь не было меня всего-то каких-то секунд тридцать! Я обыскала все: местные заросли, перерыла все под лавкой и вокруг нее, но, увы... Стащить ее за такое короткое время не успели бы, да и не было вокруг никого. И сколько я ни силилась отыскать пропажу, все без толку.

Помнится, я расстроилась.

Не столько уж ценных вещей находилось внутри, сколько сам факт исчезновения любимой вещи неприятным осадком лег на сердце. В потери было включено следующее: зеркальце, помада, расческа, бумажные платки, кошелек с восьмидесятью рублями, несколько пачек жвачки, таблетки от головной боли, ручки, карандаши и еще пачка карточек на скидки в различных магазинах. Да, и мобильник. Огромное для меня горе.

Исчезновение телефона расстроило больше всего. После самой сумочки.

Где брать новый, я представляла плохо. До зарплаты оставалась целая неделя. Край как нужно было выкроить с нее деньги на новый — любой, пусть даже плохенький и самый простой. Симку можно было восстановить, тут я не волновалась. Но как объяснить маме, что я теперь не на связи? Наврать, что украли? Это претило. Мать итак в последнее время

чересчур за меня волновалась, а тут еще это....

Придется как-то выкручиваться. Не сейчас, позже. Звонила мама мне, в общем-то, не часто. Поэтому оставалась надежда, что до зарплаты отсутствие телефона замечено не будет. А кроме нее желающих услышать мой «сладкий» голос как-то не водилось. Уж совсем редко, когда бабушка....

А потом.... была и еще одна странность: мои карманы время от времени самопроизвольно очищались. Из них исчезали монеты, обертки от шоколадок и использованные троллейбусные билеты.

Сначала я просто удивлялась. А после опыта с сумочкой, наконец-то, связала все воедино — предметы просто не проходили со мной «туда», куда я направлялась. Одежда — да, а предметы — нет. Они растворялись где-то на середине дороге.

Это открытие стало неприятным и грустным.

Но опыт на то и опыт, чтобы быть разным.

Радовало одно: ни ключей, ни паспорта в тот день в сумочке не лежало. Ключи в то утро я попросту забыла дома. А паспорт вообще редко брала с собой — он почти всегда лежал в верхнем выдвижном ящике стола.

Гуляние по «заграницам» без документов не пугало. В случае проблем с властями, думаю, у меня нашлось бы время на «побег» еще до того, как моя личность была бы определена. Поэтому депортации я не боялась. Конечно, помимо проблем с властями, существовали и другие риски, такие как хулиганы, столкновения с людьми или автомобилями, но мне пока (тьфу-тьфу-тьфу) везло.

Да и что теперь — волков бояться, в лес не ходить?

Отсутствие денег, конечно, было помехой. Ни воды купить, ни перекусить, ни развлечься, ни на транспорт сесть. Хотя последний мне теперь был не особенно нужен, но был все равно приятен время от времени. А вот еда бы пригодилась. Иногда очень хотелось попробовать заморские десерты: изумительно пахнущий шоколад, жареные в сахаре орехи, свежее испеченные уличные вафли. В общем, все то, на что падал глаз.

Чашка чая или кофе тоже стала бы отличным «взбодрителем» и помогла бы скоротать приятные несколько минут в уютных кафе на улицах. А так я напоминала себе бездомную дворнягу, слоняющуюся по авеню, страдам и бульварам. Без пакетов и сумочек, с неизменно пустыми руками.

Много раз я пыталась проносить монетки мелкого достоинства, крепко зажав их в пальцах. Просто для того, чтобы научиться. Но неизменно проваливалась. Я могла их прятать по карманам, в бюстгальтер или даже держать во рту, а они, противные, все равно испарялись. Ну, что тут еще скажешь? Видимо, чего-то я недопонимала. И, вероятно, многого.

Еще одним казусом стало перемещение в Нью-Йорк.... Тот случай, произошедший во время обеденного перерыва, мне очень хорошо запомнился и многому научил. А все потому, что следовало бы хоть иногда включать голову, прежде чем «прыгать» без задних мыслей непонятно куда и внимательно смотреть на картинку, чтобы впоследствии избежать очень неприятных оплошностей, одна из которых едва не стоила мне жизни.

Начать хотя бы с той же разницы во времени.

Европа, которая отстояла от нас во временной зоне всего на несколько часовых поясов, особенных различий в дневном освещении не выявляла. А вот первое посещение Соединенных Штатов встретило меня абсолютной и непроглядной ночью. И ладно бы только

это.... Но самым большим шоком оказалось падение в холодную воду. И это все в темное время суток. В полной дезориентации.

Когда меня накрыло с головой, я едва не захлебнулась. Не соображая, что делаю, просто судорожно перебирала в черной мути руками и ногами, надеясь, что, в конце концов, выберусь на поверхность. Сражалась я, как мне показалось, целую вечность. Боялась до оторопи. Замерзала, паниковала. Когда начало сводить ступни, думала, что все — это конец. Но вскоре голова все-таки вынырнула наружу, где я, хрипя и хватая ртом воздух, огляделась по сторонам в поисках ближайшего берега. На мое счастье тот оказался близко.

На траву я кое-как выбралась через высокий бетонный парапет, тянущийся по всему периметру берега. Оцарапала ладони, вывихнула лодыжку. Потом долго сидела, тряслась от холода и стучала зубами, пытаюсь отойти от шока. Сзади, освещенная прожекторами, возвышалась статуя свободы.

Конечно.... Как же я сразу не догадалась, растяпа из глубинки!

Изображение на календарь было сделано фотографом с острова. Того, на котором я сейчас сидела. Сделано оно было днем, и, похоже, что с воды, иначе с чего бы мне вдруг «приводняться»? Если бы фотограф стоял на парапете, то и я бы воплотилась в той же самой точке, откуда он снимал далекий скайлайн — с этим я уже худо-бедно разобралась. А раз на парапет я не попала, значит, была где-то там лодка, на которой этот счастливчик сидел.

А вот у меня лодки не было. Пришлось поплавать ночью в Нью-Йоркском заливе. Одежда противно липла к телу, холодила и без того замерзшую кожу, тяжелым мешком давила на руки и ноги. Из-за этого сосредотачиваться на мысленном изображении собственной комнаты было сложно. Но американские красоты уже не привлекали. Спасибо, мне всего хватило....

Теперь хотелось только одного — оказаться прямиком в своей комнате. Дома. Согреться и переодеться. Представляя собственную квартиру, я изо всех сил молилась, чтобы она оказалась пустой, и мне не пришлось кому-нибудь объяснять, откуда я взялась и почему с головы до пят мокрая. Если дядя Толя еще смог бы списать все на белую горячку, то с мамой было бы сложнее. А не дай Господь, еще какая-нибудь соседка....

Дома, мне на бесконечную радость, было тихо и пусто. Мать отсутствовала, отчим тоже. А вот мне следовало появиться в офисе уже через пятнадцать минут — обед заканчивался. А я — сырая и грязная — носилась по комнатам и рылась в шкафах, пытаюсь избавиться от мокрых джинсов и найти сухие. С волос капала вода.

Второго плаща на вешалке в коридоре не имелось, а лишь осталась с позапрошлой осени тонкая синяя куртка, которую я и нацепила, продолжая стучать зубами.

В душ бы.... И чаю. Но некогда.

Черт бы подрал одиннадцатичасовую разницу с далеким континентом и собственную тупость. На работу, сколько бы я ни силилась успеть, все равно опоздала.

* * *

Если путешествия становятся почти что работой, то даже они перестают радовать.

Спустя три недели я хорошо это поняла.

Все серей становилась осень, все промозглей и дождливей погода. Лишь несколько дней оставалось до наступления октября. Все так же привычно бороздили потонувшие в газу

улицы машины, все те же насущные проблемы занимали умы утомленных и вечно спешащих куда-то пешеходов.

Бабушку выписали из больницы, и уже какое-то время она жила дома. Мама, раздав большую часть вещей на реализацию, снова улетела за покупками. Иногда я думала о том, чтобы переместиться следом за ней и понаблюдать — просто так, ради любопытства, но всегда оставался риск быть замеченной, и овчинка не стоила выделки.

Успела вернуться со своего курорта и Валентина Олеговна. Прожаренная, краснокирпичная и, в общем и целом, довольная жизнью. Сидя в офисе, я в пол уха слушала ее красочные рассказы о местных достопримечательностях, которые уже ни единожды успела посмотреть собственными глазами. Девочки восторженно вздыхали и охали, я же только морщилась, вспоминая местную жару и закутанных в белое тряпье арабов, алчно косящихся на иностранных туристок, будто специально напоказ выставляющих (зачастую сомнительные) «прелести».

В отличие от разомлевшей после отдыха администраторши (уж не знаю, из проснувшейся зависти или как), я посмотрела не только Шарм-Эль-Шейх, но и Хургаду, и Луксор, и Александрию....

И вообще, за этот странный и сумасшедший месяц я, наверное, успела повидать сотни городов. Даже названия им стала забывать. Миллионы лиц, проплывшие мимо меня, давно слились в безликую людскую массу, среди которой у меня не было ни друзей, ни знакомых. Да и откуда было появиться друзьям, если тебя постоянно носит туда-сюда на короткие промежутки времени, а возможности задержаться и пожить на одном месте нет?

Я все больше чувствовала, что устала.

Но, несмотря на усталость, тренироваться все еще продолжала, хотя уже не так интенсивно и много, как раньше. Не скакала по миру, словно конь, которому под чувствительное место вставили шипы. Стала заметно серьезнее, внимательнее и наблюдательнее. Теперь всегда проверяла погоду в пунктах назначения заранее, чтобы избежать неприятных сюрпризов, завела привычку четко и ясно представлять места «приземления», чтобы не радовать себя любимую незапланированным плаванием.

Следовало признаться, что не столько усталость донимала и изматывала меня в последнее время, сколько неуклонно возрастающее одиночество.

Казалось бы, живи и радуйся, путешествуй до изнеможения, что еще нужно? Денег за это никто не спрашивает, здоровье не портится, времени, в общем и целом, хватает. Но как только первый запал «бешенства» спал, стали появляться грустные, большей частью философские мысли, оканчивающиеся знаком вопроса.

Зачем мне такой дар, который ничему не помогает? Куда его применять? Какая в нем может быть выгода? Вот если бы переносились в руках вещи, тогда бы да, другое дело. А так, налегке? Почти что глупо. Найди я способ транспортировать объекты, можно было бы подумать о том, чтобы бросить работу и заняться каким-нибудь бизнесом по типу «купи-продай». Ни тебе затрат на билеты, ни растаможивания, ни другой бюрократической волокиты. Можно было бы придумать тысячи вариантов, несущих процветание в монотонную жизнь. В конце концов, начать грабить банки или воровать из галерей именитые шедевры. Хотя на такое я, скорее всего, не решилась бы.

А так....

Сколько можно было тешить собственное эго осмотром достопримечательностей планеты без каких-либо определенных целей? От накопившихся познаний стать что ли где-

нибудь экскурсионным гидом? Так без документов на другую работу не устроиться, а паспорт с собой не пронести. И визы все равно нет.... Везде тупики, хоть плач.

Уже до болезненного состояния удручал факт отсутствия рядом того, у кого можно было бы поинтересоваться на закрытую для большинства тему. Отыскивать ответы в книгах становилось все трудней, хоть от самих книг уже начали ломиться полки книжного шкафа, что стоял в углу моей комнаты. Где искать? Что искать? Кого еще читать?

Почему-то авторы любили разглагольствовать о скрытых возможностях человеческого тела и сознания, в том числе и перемещениях, но никогда не публиковали свой собственный опыт об этом. Да и был ли он у них, этот опыт? Меня все чаще терзали сомнения, хотя я продолжала надеяться когда-нибудь отыскать ответы на свои вопросы.

Грустила. Маялась. Даже начала, как ни странно, постепенно сползать в депрессию.

Мамы не было. Отчим снова пил. Жизненный цикл замыкался и уходил не на очередной виток по спирали, а на замкнутый круг.

В чем, получается, разница между мной месяц назад, и мной сейчас? Да ни в чем.... Разве что географию я, возможно, вместо школьной тройки теперь сдала бы на пять.

Когда новые способности только обнаружились, казалось, не будет предела чудесам и совершенству. Казалось, жизнь изменится навсегда. Ведь настала сказка! Мечта! Совершенство! Подфартило так, что только и успевай мешок подставлять для манны небесной.... Оказалось, как бы ни так. Пределы совершенству были. И довольно близко.

Бесконечный красивый свет горизонта быстро сократился до узкого зарешеченного окна, через которое смотреть на мир было еще тоскливее, чем раньше.

Если раньше все было просто — чудес не бывает, и все тут, баста! То теперь понимание расширилось, изменилось. Стало ясно, что чудеса бывают. Разные. И много. Но как ими пользоваться?

Как быть не малышом, наблюдающим за парком аттракционов через большое, пусть даже совершенно чистое, окно, а оказаться в том парке самому? Почувствовать на языке сладкий вкус сахарной ваты, прокатиться в стремительно летящем с железной горки вниз вагончике, как ощутить себя участником праздника, а не отстраненным, стоящим по ту черту жизни наблюдателем?

Этого я не знала.

Вопросы копились. Усталость тоже.

Радость от обретенных способностей постепенно начала спадать на нет.

* * *

Это была первая ночь, когда я никуда не переносилась.

Просто лежала в собственной постели, глядя в темный потолок. Из спальни, чтобы была рядом с кухней, разносился по тихой квартире храп отчима. Впрочем, не настолько сильный, чтобы отвлекать.

Я почти что впервые ощутила себя той же Динкой, какой была всего месяц назад: обычной, робкой, немного подавленной, задававшей самой себе кучу вопросов о том, что же хранит в себе будущее? Обычное для меня прежней состояние.

Но за последние недели многое изменилось. Теперь я была сильнее, стабильнее, почти не испытывала негативных эмоций, таких как резкая злость или раздражение. Я стала

спокойнее, гораздо увереннее в себе, уравновешеннее.

Насчет той силы, что я теперь почти все время ощущала в себе, мне почему-то казалось, что она возникла не во мне, а просто потекла «через» меня в мир, как через проводник, но ощущение было хорошим. Мне нравилось.

Но вопросы все равно оставались. Я вздохнула, вспомнив про стоящий в углу книжный шкаф. Прочитанная сразу после мамы книга по Хоопонопоно оказалась интересной, даже занимательной, но не совсем в тему. Она учила про какую-то странную связь с Богом через четыре фразы:

«Прости меня».

«Мне очень жаль».

«Я люблю тебя».

«Спасибо тебе».

Фразы были хорошими. Особенно последние две. Произносить их было приятно, и даже возникало порой странное чувство, что кто-то там наверху их слышит. Я даже побубнила их про себя несколько дней кряду, но потом все равно забросила. Джо Витале тоже не помог, как и множество других перелистанных и пережеванных вдоль и поперек авторов.

Становилось грустно.

Неужели мне, так недавно открывшей в себе новые возможности, придется вновь учиться быть как все? Снова пытаться влиться в «нормальное» общество, отложив непонятное в черный ящик, который можно будет когда-нибудь приоткрыть, если появится вдруг нужный собеседник. А что, если такой собеседник вообще не появится? Полностью забыть и стереть из памяти все необычное? Сказать себе «забудь все, сумасшедшая!» и отправиться, по обыкновению вкалывать в офис? И так до глубокой старости и за копейки? Параллельно пытаюсь найти парочку друзей и абы какого мужа, а если уж не мужа, так хотя бы кота, чтобы было с кем коротать унылый досуг?

Ну, уж нет! Меньше всего мне хотелось забывать о том, что чудеса существуют. А они точно существовали. И в гораздо большем количестве, что мне пока удалось увидеть. Было еще великое множество закрытых дверей, к которым обязательно следовало как можно скорее отыскать ключи. Но как?

Я проворочалась с боку на бок еще с полчаса. Сон не шел.

Раздраженно откинув чересчур жаркое одеяло, я прошлепала на кухню и включила свет. Поставила чайник, достала вазочку с конфетами, надеясь, что они помогут мне думать. За окном было тихо. Лишь иногда мимо подъезда проходила шатающаяся на нетвердых ногах фигура припозднившегося алкоголика или компания из нескольких подростков, ищущих приключений в маленьком ночном городишке.

Чайник вскипел. Я бросила в кружку пакетик с заваркой, залила его кипятком и уселась на стул, разворачивая первую попавшуюся в пальцы конфету. Засунула ее в рот, медленно пожевала, наслаждаясь ароматом кучи консервантов и искусственным вишневым наполнителем. Вредно. Но вкусно.

Интересно, почему все те люди, в толпу которых я приземлялась, никогда не замечали меня? И вообще никак не реагировали, будто мое брэнное тело всегда находилось у них перед глазами, начиная с самого утра? Почему никто не орал «Смотрите!», не тыкал пальцами, не смотрел, как на инопланетянина? Как вообще работала вся эта схема с переходами? Почему за все время экспериментов я ни разу не угодила под машину или кому-нибудь на голову? Хотя проявлялась в выбранных местах вполне себе материально. Наверное,

в какой-то степени просто везло. Но чтобы постоянно? Мало вероятно даже статистически.

Ну, и темы у меня для размышлений! И это в два-то часа ночи.

Я вздохнула. Чай кончился. На столе лежала горка из конфетных оберток.

«Эх, Динка! Тебе бы о внешнем виде подумать, а не о высшей материи.... Может, потому все и отворачиваются, что выглядишь ты уже почти как танк? Кому на такое смотреть захочется....»

Шмыгнув носом, я поднялась со стула. Поставила кружку в раковину, выкинула обертки, погасила на кухне свет и прокралась по темному коридору, минуя большое зеркало, в которое предпочитала никогда не смотреться. «Настроениепортилка». Так я его называла.

В спальне скинула одеяла на пол — телу теперь и без него было жарко, — завалилась на матрас и закрыла глаза.

Все. Хватит думать. Все мысли вон! И спать.

* * *

Осень пахнет по-особенному.

Горелыми в садиках листьями, последними шашлыками на природе, замшевыми ботиночками, вздохами по летним дням, ранними закатами, тонкими плащами и курточками, а иногда и зонтиками.

Сегодня осень пахла зонтиками.

Это я поняла сразу, как только открыла глаза. Дождь стучался в окно, отскакивал капельками от железного подоконника, барабанил однообразную монотонную дробь. Знакомая серость в комнате подсказала, что затянуло надолго.

Я поначалу, было, сонно подпрыгнула в кровати, пытаюсь разобрать стрелки на будильнике, напугавшись, что проспала. Но уже через секунду вспомнила, что сегодня суббота. И в офис не нужно.

М-м-м.... Неужели так бывает? Чтобы наконец-то отдых. С удовольствием растянув на узкой кровати конечности, я радостно выдохнула. Впереди намечался день, который можно было заполнить чем угодно. Осталось только придумать, чем именно.

Соскочив с кровати, я натянула на себя заношенные домашние широкие штаны и футболку, завязала волосы в хвост, всунула ноги в тапочки и отправилась на кухню завтракать. По пути прислушалась к шуму в квартире — тихо. Никого. Дядя Толя куда-то ушел с утра пораньше. Тем лучше для меня. Пусть погуляет, подышит или займется чем-нибудь полезным, на время расчистив мне пространство для уединения с самой собой.

Кухня тоже была серой, будто спящей под перестук дождевых капель за окном.

Я пошлепала до холодильника и принялась выгребать из него продукты, подходящие для приготовления яичницы. Заодно налила воды в чайник, чтобы порадовать себя свежим чайком.

Разбивая в прогревшуюся сковороду яйца, я задумалась о планах на сегодняшний день. Утро субботы — впереди целых два дня свободы от забот. Начало многообещающее. И так, чем же люди занимаются в выходные? Собираются с друзьями, ходят в гости, ходят в кино, на свидания, читают книги, играют в игры, гуляют где-нибудь.

На ум пришло английское слово «Socialize». Черт, как же оно переводится на русский? Ах, да! Точно! Общаются. Именно это делают люди. И с кем же этим буду заниматься я? Пока

дожаривался завтрак, я налила себе чай, подошла к окну и задумалась.

К друзьям я не пойду. Потому что их нет. Точнее, кода-то были — хорошие и близкие, но со временем разъехались кто куда, а с коллегами по работе я не настолько близка, чтобы в гости.... А если в кино? Выбрать какой-нибудь хороший фильм, наверняка в кинотеатрах множество новинок, тысячу лет ведь туда не навевывалась. Но как-то одной скучно. На свидание не с кем. В компьютерные игры я играть не любила, а читала в последнее время столько, что от строчек, стоило их только завидеть, уже начиналась нервная дрожь. И не важно, о чем строчки. Просидеть, что ли, как отчим весь день на диване, глядя в телевизор?

Я прихлебнула горячий чай и поморщилась. Не столько мне еще лет, чтобы этот ящик стал единственным в жизни развлечением. Даже тот же дядя Толя и то ушел куда-то «общаться».

За окном моросило. Поливало прохожих и оставшиеся на деревьях листья.

Стало как-то тоскливо.

Ну, что же я за человек такой? Несоциальный....

Прожевав показавшийся почему-то безвкусным завтрак, я приняла решение: поеду общаться с бабушкой. Давно ее не навещала. Зайду в магазин, продуктов завезу, спрошу о здоровье, да послушаю жалобы на злобу дня. Чем не план? Не самый занимательный, конечно.... Я тихонько вздохнула. И не тот, который бы идеально подошел двадцатилетней девушке, но другого, к сожалению, не нашлось.

Чтобы не дать себе окончательно сползти в уныние, я быстро перемыла посуду и отправилась переодеваться.

* * *

— Нормально, Диночка. Сейчас уже нормально здоровье. Сердце, бывает, зашалит как будто, но доктора говорят, что такое после операции бывает....

Бабушка, одетая в старенькое домашнее платье, стояла у плиты, помешивая суп. Седые волосы убраны под гребенку — темную и пластмассовую, оставшуюся ей, наверное, еще от собственной матери.

Я нехотя отметила, насколько же она похудела — кожа да кости. И движения стали слабыми, неуверенными. Ложка то и дело позвякивала о борт маленькой кастрюльки в трясущихся руках.

— Баба, я там фруктов тебе купила: бананов, яблок, мандарин.... Хлеба, молока, творога две пачки....

— Куда ты столько? — сразу же послышались причитания. — Я же не ем столько, а гостей, кроме тебя да соседки, и нет.

— печенья, пару булочек, яйца, сыра немножко... — продолжала я, не обращая внимания на протесты. — Пусть у тебя будет. Ну, не съешь и не съешь, выкинешь, значит.

— Как выкинешь? Дина, что ты.... — Таисия Захаровна укоризненно покачала головой. Глядя в ее бледные голубые глаза, выцветшие так же, как и висящие в зале фотографии с березами в рамке, было трудно представить себе русоволосую красавицу, проработавшую всю войну на одном из заводов по выпуску металлических подшипников. А ведь кружила же голову парням, пока тех армия не призвала, сама много раз рассказывала. Кадрила на право и налево, танцевать любила, задорная была. А теперь стояла у плиты сморщенная и одинокая.

Хорошо, что вообще живая...

Я снова посмотрела за окно на дождь. Может быть, чтобы избежать ее укоризненного взгляда. Конечно, в войну голодали, ценили каждую крошку пищи, ни краюшки не выбрасывали, я много раз об этом слышала. А как быть с тем, что мне хотелось помочь? Что-то сделать, выказать свою любовь к ней, заботу, внимание. Неспособная победить ее старость я всеми силами старалась хоть как-то улучшить ее будни. Если уж не сделать их радостными, то хотя бы чуть более терпимыми.

Но как такое объяснить человеку старой закалки, по мнению которого я беспричинно «сорила» деньгами, забывая чужой холодильник едой?

— А что ты не сходишь, не погуляешь? Хоть и дождь, а все равно.

— Не с кем, бабуль.

— Прямо ни одного ухажера до сих пор? — она всплеснула руками. — Как же так, родимая? Ведь двадцать шесть тебе уже, а ты даже не милуешься ни с кем. Ведь замуж уже пора, деток....

Начиналась старая, заезженная песня.

— Ну, ведь не сделаю я себе ухажера из воздуха? Или же он сам встретится, или нет.

— А как же ему встретиться, если ты то на работе, то дома сидишь?

«Ага.... То непонятно где путешествую», — вставила я мысленно.

— Выйди хоть на улицу, покажись людям.... — продолжала пытающаяся помочь бабушка. — Пусть на тебя молодые люди посмотрят.

— Угу, — промычала я. — Посмотрят, как же. Толстая я для них....

— Не толстая, а в теле! — возразила та. — А какой еще надо быть? Костлявой что ли? Да на них (она махнула рукой куда-то в сторону окна) — бесформенных и смотреть-то кто будет? Женщина должна бить округлой.

По всей видимости, у моей престарелой родственницы были свои представления о вкусах мужчин, оставшиеся еще со времен ее собственной молодости.

— Баб, да мода теперь другая! Смотрят, как ты выражаешься, именно на таких вот костлявых и бесформенных.

— Не говори глупостей....

Все как всегда. Я медленно втянула воздух.

Пустой и бессмысленный разговор, раздражающий до крайности. Прослушав двухминутную лекцию об отношениях полов и их взаимном влечении посредством пышных форм, я осторожно перевела тему на погоду. Потом на таблетки. Потом на улетевшую за границу маму.... В конце концов, бабушку удалось отвлечь от моей «несложившейся» судьбы и относительно спокойно пообедать куриным супом.

На улице лил дождь пуще прежнего.

Ливень разогнал почти всех пешеходов. Выскочив из автобуса у дома, я быстро юркнула в сухой, пахнувший рыбой и колбасой небольшой магазинчик, находящийся в метрах пятидесяти от остановки.

Как оказалось, Вискас закончился. Из кошачьих кормов осталось только дорогая «Шеба», стоящая в три раза дороже привычного. Я не стала артачиться. Взяла пару пакетов для Мишки и отправилась на поиски последнего во дворе.

Кота нигде не было.

Мокли качели, умывались дождем облупившиеся лавочки, сиротливо притихли у

подъезда кусты и пожелтевшая трава. Субботний полдень — народ разбрелся по квартирам заниматься рутинной: готовить, стирать, убирать. Мне и самой не мешало бы заняться тем же. Чистых вещей почти не осталось....

Обойдя дом по периметру и не найдя кота, я начала волноваться.

Ну, где же ты, белый пушистик? И не позовешь ведь. Все равно не услышит — глух, как старый дед. Мимо прошла соседка с седьмого этажа. Увидела мое обеспокоенное лицо и пакетик кошачьей еды в руках. Остановилась.

— Динара (по незнанию она звала меня именно так). Вы не кота, случаем, ищите?

— Его, Надежда Васильевна. А вы видели его сегодня?

— А как же, — дородная женщина с короткими кудряшками лет сорока на вид переложила сумку из одной руки в другую. — Я сегодня утром от него детей гоняла. А потом он долго у садовой ограды сидел. Той, что вон там.

Она махнула рукой в сторону детского сада, который давно уже перестал им быть. Город перекупил это здание для каких-то своих целей, но народ, в силу привычки, продолжал звать его по-старинке садиком.

Я поблагодарила соседку и быстрым шагом направилась к указанной ограде, не замечая того, что вся вымокла. Плащ снова набух и облепил джинсы, с мокрых волос капало за воротник. И что за дурацкая погода сегодня?

Кота я нашла после нескольких минут упорных поисков.

Миша сидел между двумя кустами. Потерянный, жалкий, промокший. Увидев меня, он встрепенулся, поднялся на три лапы, заковылял поближе.

— Чудо ты мое.... — приговаривала я, выкладывая на траву дорогое лакомство. — Замерз, поди, совсем....

Я погладила белую слипшуюся шерсть, глухие ушки, намокшую голову. Кот глухо мяукнул в ответ, будто знал, что с ним разговаривают. Выглядел он неважно и почти не обращал внимания на еду. Даром, что качественную. А только подошел поближе, уткнулся головой в руки, после чего резко вздрогнул и огляделся вокруг.

Совсем запугали, гады малолетние....

Я осторожно просунула пальцы под грязное брюхо и взяла кота на руки. Тот покорно сидел, настороженно и устало глядя по сторонам. Я тяжело и разочарованно покачала головой.

«Все такой же наивный. Лучше бы бегал от людей, спасался от двуногих, а не слепо верил в чью-то непонятную доброту».

Что ж ты учишься-то так медленно? Я вздохнула, осторожно поглаживая мокрую спину. Кот зарылся мордой в ладонку. Будто спрятался от мира. Потом потихоньку, отогревшись, начал тихонько мурчать. А еще через полчаса, которые я так и просидела вместе с ним под дождем на улице, поел.

Надоело. Все надоело.

Я вошла в квартиру с тяжелым сердцем. Настроение совсем испортилось после диалога с бабушкой об «ухажерах» и посещения продрогшего питомца. А зимой как? Так и будет замерзать около той ржавой ограды под голыми заснеженными кустами? Дождаться, что кто-то не забудет и принесет кусочек съестного?

Черт бы подрал этого отчима. Если бы не он, давно бы уже забрала Мишу себе.... И что такого мама в нем нашла — в этом бесполезном субъекте, который только и умеет, что

пивные банки открыть? Черт бы подрал этих ухажеров, которые не в пример бабушкиным словам не хотят смотреть на пышные формы. Черт бы подрал этот новый дар, который почему-то совсем не помог сделать жизнь лучше. Не может быть, чтобы все без толку.... Но ведь факт! Жизнь как была копилкой с дерьмом, так и осталась. Я разве что на пол не сплюнула от досады.

Сбросила мокрый плащ и потянула за ворот отсыревшей водолазки, холодившей кожу.

Нужно было срочно исправлять настроение, но как это сделать, идей не возникало. Лишь росла в душе разрушительная волна злости и отчаяния. На все подряд.

Нельзя так.... Нельзя. Нужно просто пережить этот день. Бывает так, что не все дни удачные, бывает так, что случаются плохие и гадкие.

Вот только почему-то глядя на других, все время казалось, что у них все лучше. И настроение, и бытовые условия, и круг общения, и интересы.... Что же это — необоснованная зависть неудачницы? Или же объективный взгляд на собственную личность и собственную жизнь?

И вообще, шли бы все эти философские размышления куда подальше! Сколько можно анализировать по тридцать третьему кругу внутренний мир, в котором и Фрейд бы ногу сломал. Хотя нет, тот не сломал бы. А списал бы все на сексуальную неудовлетворенность. И отчасти был бы прав.

Я на несколько секунд остановилась в коридоре, прислушиваясь к застывшей тишине комнат. Потом раздраженно потерла лицо. Развернулась. Наткнулась взглядом на зеркало. Долго — молча и внимательно — рассматривала себя с головы до ног, будто впервые разрешая действительно «увидеть» размеры бедствия: пухлые ляжки, натянувшиеся на попе джинсы и почти что полное отсутствие талии, толстые руки и круглые щеки.

Горечь медленно просачивалась внутрь.

Отвернувшись от зеркала, я медленно прошла в свою комнату, чтобы переодеться.

*«Как узнать, что нам предначертано?
Горький обман или битва по-честному.
Детский смех или чудо рождения,
Или в затылок без предупреждения?»*

*Может, это нам и не вспомнится,
Не обернется нелепой бессонницей,
Но пока не канули в прошлое,
Выйдем на берег в заброшенный этот прибой...*

...За мной. Просто шагни за мной...»

Хай-фай. «За мной»

А здесь все было по-другому. Совсем.

Сухо, тепло, солнечно. Сухие желтые листья плотным ковром укрывали парковые дорожки, небо было голубое, без намека на облачко. Ветер ласкал кроны, а те шумели, будто играя с теплыми воздушными потоками. Привычно журчала вода, падая со старинной чаши фонтана в маленький бассейн.

Я закрыла глаза, слушая мир вокруг. Как же все-таки хорошо....

Почему-то в первый раз я не обратила на это внимания, наверное, слишком сильно испугалась тогда, не разобравшись, что происходит, а теперь четко уловила разницу. Здесь, в этом месте становилось беспричинно хорошо. Отступало на задний план все ненужное, моментально исправлялось дурное настроение, и хотелось просто «быть». Не думать, не бежать, не волноваться, а лишь тонуть в нахлынувших радостных ощущениях, причин для которых, в общем-то, не было.

Я медленно втянула теплый чистый воздух, открыла глаза и второй раз в жизни оглядела незнакомый парк.

Еще несколько минут назад я лежала на кровати, слушая перестук холодных капель, сетуя на жизнь, а теперь отчего-то беспричинно хотелось улыбаться. Забылась бабушка, не тяготил больше образ мокрого бездомного кота, отодвинулись куда-то проблемы. Будто сегодняшнее утро случилось вовсе не сегодня, а много-много лет назад. И прошедшие годы стерли боль, загладили обиды, заменили плохое хорошим.

Помнится, почти месяц назад оказавшись здесь, я позорно бежала. Не смогла поверить тому, что увидела и почувствовала. А потом настолько увлеклась путешествиями, что ни разу до этого момента не возвращалась туда, откуда на самом деле все началось.

Я покачала головой. Стоило бы сюда почаще переноситься.... Но находились все другие места, другие интересные города, хотелось увидеть все, чем так восторгался мир, поэтому на парк, что когда-то давно привиделся мне, времени не хватало.

А теперь, когда он вновь всплыл в памяти, я сидела и удивлялась, почему не заглядывала сюда чаще. Ведь стоило шагнуть на осеннюю дорожку, и жизнь будто начиналась заново.

Что же здесь за атмосфера такая? Что это за город?

На какое-то время я залюбовалась тем, как солнечный свет проникает сквозь желтые листья, превращаясь в волшебный, золотой. Лучи падали на землю, расцветившая опавший с деревьев ковер во все вариации теплого, приятного глазу оттенка.

А где-то за спиной был забор. С «П»-образной аркой. За ним начиналась проезжая часть, и открывался чудесный вид на город, названия которому я пока не знала. Но решительно намерилась выяснить. Потому как если уж влияло здесь что-то целительным образом на состоянии души, то не мешало бы задаться целью сюда переехать. А как? Было бы желание, как говорится, а метод всегда найдется.

Еще раз оглядевшись вокруг, я посмотрела на часы. Всего лишь два часа дня. Времени на прогулку по незнакомому месту у меня много. Мать в отъезде, на отчима плевать, коту я накормила. Так что никто не хватится меня до самого вечера. А то и вообще не хватится.

Облегченно вздохнув, я поднялась с лавочки и зашагала к выходу.

Уже у арки мной было принято решение двигаться в сторону небоскребов. Казалось, что именно там должен находиться центр города, который хотелось увидеть в первую очередь. Но прикинув дистанцию, я решила, что туда будет не меньше минут сорока пешего хода.

Перенестись в центр сразу я не могла, так как должна была вначале хорошо представить нужное место в голове, а как представить то, чего никогда не видел? На местный транспорт тоже не сесть: ни денег, ни знаний по каким маршрутам что ездит.

Я пожалала плечами. Ну, ничего, пройдуся. Время есть....

Да и полезно растряхнуть отяжелевшие «телеса».

Погода здесь стояла теплая. Гораздо теплее, чем дома. И моя шерстяная водолзка под горло теперь была не настолько желанным предметом одежды, как какая-нибудь легкая блузка. Но возвращаться из-за такой мелочи было глупо.

Широкую дорогу, по которой мчались машины, я пересекла на ближайшем светофоре. А когда оказалась на другой стороне, то просто зашагала в нужную сторону по первой попавшейся улице.

Идти было приятно. И светло. Светло от того, что вокруг было чисто и уютно, а идущие навстречу пешеходы иногда приветственно кивали головой, хотя были мне незнакомы.

Вот за это я и любила за границу. За вежливость и цивилизованность. За легкое и спокойное отношение к окружающим. За «неожидание» чего-то плохого от всех и каждого, за отсутствие беспричинной агрессии в поведении.

Параллельно текли мысли о том, где же этот город мог находиться....

Австралия? Вроде бы там много высотных городов. Почти таких же, как в Штатах. А, может, это Новая Зеландия? Туда меня тоже еще ни разу не заносило. И если мои предположения верны, то тогда ясно, отчего ее называют «чистым континентом». Или «зеленым»? Или «зеленый» это про Австралию? Да там же только четыре процента суши, заселенной людьми, а остальное пустыня....

Мд-а-а-а. Географию все-таки я снова сдала бы на тройку. Да, ну и Бог с ней! Сдалась она мне.... Вот найду местную карту и все выясню.

Каково же было мое удивление (почти что шок), когда я услышала вокруг себя речь. Родную речь! Да-да, русскоязычную. В первую секунду я едва не застыла на месте, думала, что показалось. Но факт оставался фактом — говорили вокруг именно на моем родном языке.

Как же так? Я резко остановилась у какого-то кафе, озадаченная. Если здесь живут мои соплеменники, то почему так чисто? Не поймите превратно, я свою нацию люблю и уважаю, но при всей глубине и ширине русской души гадить вокруг мы, может, и не любим, но точно умеем. А здесь ни соринки. Ни бумажки или окурка, все банки и бутылки только в мусорках, а не на тротуарах.

Одно становилось ясно — это не Австралия и не Новая Зеландия. Теории с грохотом осыпались, подняв после себя гору пыли. Но отчего-то все же казалось, что это также не Россия и не другие бывшие союзные республики. Но где еще жить русским? Как получилось, что часть наших нашла (или отстроила) такую вот утопию, поселилась в ней и мирно живет, не сообщая остальному миру о «райском уголке»? И чтобы даже слухов не было? Да наши местные толстосумы отдали бы любые деньги, чтобы их дети росли в таком месте, в результате чего цены на местную недвижимость сразу взлетели бы до небывалых высот. А местное население как-то не тянуло на высокомерных снобов с тугими кошельками.

Догадки множились, предположения наслаивались одно на другое, чтобы через секунду смениться новыми.

Я медленно тронулась вперед, прислушиваясь к голосам. А потом заметила то, чего не заметила сразу. Да, слова были русские, знакомые. Но понимались мной не сразу, а после секундной задержки, как если бы проходили через какой-то мозговой преобразователь.... Что за бред? Создавалось ощущение, что на самом деле оригинальный язык здесь был совсем другим, но что-то делало его для меня понятным.

Я тряхнула головой. Как так? Вроде бы все понимаю, а все равно остается ощущение, что слова на самом деле чужие. Решив не заикливаться на этом моменте, я просто двинулась дальше. Высотные здания медленно приближались.

А вообще, идти было приятно. Плыли мимо магазины и рестораны, кафе и супермаркеты, крохотные булочные-пекарни и бары. Дойдя до местного кинотеатра, я остановилась у афиш. Как раз ведь хотела проверить, что сейчас показывают в кинозалах.

Пять минут я читала слова и буквы. Много раз. На разных плакатах. И снова ловила себя на ощущении, что вроде бы понимаю, о чем идет речь, но никак не могу привыкнуть к задержке, с которой смысл проникает в голову. От этого в сознании мутилось и делалось неприятно. Возникло абстрактное чувство «перегрева». Пришлось чтение бросить. Все равно оказалось, что все названия фильмов незнакомые. И имена актеров почему-то тоже.... Неужели я настолько отстала от жизни, сидя в офисе, что уже целое поколение в Голливуде сменилось, пока я занималась зарабатываем своих копеек.

Центр потихоньку приближался. А в этом городе мне все больше нравилось.

Несмотря на обилие машин, дышалось здесь легко, погода стояла отличная, люди казались радостными, а витрины сверкающими. Я с удовольствием рассматривала все, что видела вокруг: архитектуру, клумбы, деревья, рекламные плакаты, прохожих, одежду, лица....

За зелеными посадками здесь следили. Цветы росли на каждом углу, посаженные в горшки побольше и поменьше, пестрели на всех балконах. Из-за обилия красок, казалось, что сейчас в разгаре самая середина лета, а не промозгая осень, которая встретила меня сырým дыханием еще с утра. С того утра, о котором я к теперешнему моменту уже почти забыла.

Бродить, разглядывая незнакомое место, было приятно. Небоскребы были теперь совсем рядом — их верхние этажи уже проглядывались сквозь деревья, а низы гигантскими сверкающими кубами утыкались в землю. Гудели таксисты, прибавилось количество людей в деловых костюмах, показалась ветка надземного метро, какие я однажды видела в Ванкувере.

По рельсам почти бесшумно ходил поезд из нескольких небольших вагонов. Позже я заметила, что рельсы уходили прямо в небоскребы, прорезали здания насквозь.

Надо же как! Удобно.... Зашел в такой возле дома, а вышел сразу у себя в офисе. Вот тебе и прогресс.

Но долгая прогулка сказывалась. Потихоньку начали гудеть ступни, сжатые осенними ботинками на низком каблуке. Следовало передохнуть. Я огляделась.

Заметив в отдалении несколько лавочек, стоящих по периметру вокруг какой-то абстрактной скульптуры, я направилась к ним. С удовольствием плюхнулась на доски, вытягивая гудящие конечности, параллельно наслаждаясь видом на широкий проспект.

Людей было много, но что интересно — туристов не было совсем. Уж что-то, а их за последние четыре недели я точно научилась отличать от местного населения любой страны. А здесь.... Чтобы такое красивое место и не «мяукали» вокруг японские группы, шелкая фотоаппаратами? Не бродили толпы немцев, индусов, корейцев, чехов, сующих в «остальной» мир свои длинные носы американцев? Чудно, да и только.

Наверное, это как-то объяснится, когда я узнаю название страны. На закрытую она далеко не похожа — люди приветливые, свободные, общительные.... Значит, должны быть и туристы, но нет их. Парадокс.

Солнце припекало макушку. Хотелось есть. Но еще больше пить. Я посмотрела на часы. Снова два часа дня? Вот черт, встали. Стуканье пальцем по циферблату не заставило секундную стрелку сдвинуться с места. Придется сменить батарейку, как вернусь домой. У местных время спрашивать не имело смысла, город мог находиться в какой угодно часовой зоне, поэтому приходилось опираться на тот факт, что солнце в момент моего появления стояло высоко, как оно было бы и в моем городе, не будь небо над ним затянуто облаками. А, значит, время там и тут примерно одинаковое.

Успокоившись, я принялась снова вертеть головой.

Возвратиться что ли домой, чтобы глотнуть воды? А потом назад? Заодно сменить обувь....

Ноги в ботинках вспотели. Я нагнулась, чтобы расстегнуть обувь и проветрить ступни. А пока занималась этим, заметила, что возле скамеечной «ноги» что-то блестит. И будучи, как меня часто называла мама, «сорокой» я тут же потянулась к привлекающему внимание предмету. Им оказалась монета. Какая-то из местных.

Скинув ботинки, я радостно забралась на лавочку прямо с ногами и принялась рассматривать находку. Ну-ка, ну-ка, что тут нарисовано? Стоило поднести ее поближе к глазам, как внутри медленно поднялась волна удивления.

Аверс монеты был украшен цифрой «3». С подписью «доллара».

Я несколько раз быстро и часто поморгала, удивившись самой цифре. Да ни в одной стране не было монет с тройкой. Были по 1,2 или 5 чего-нибудь. Ну и еще мелкие центы всякие. Но «3»? И почему надпись «доллара» написана не по-английски, а как-то иначе? И почему, если иначе, я все равно понимаю, что это — доллара?

Голова шла кругом. Я откинулась на спинку и посидела так с минуту.

Видела ли я когда-нибудь подобные монеты? Нет. «Трешка» так вообще выбивала из колеи. Помнится, у бабушки в шкафу за стеклом стояла хрустальная вазочка, наполненная старыми советскими монетками. Вот там, среди прочих, была и трехкопеечная, как сейчас помню. Медная, довольно большая, с гербом на обратной стороне. Но то были копейки. А совсем не странные на вид «доллары».

А что на реверсе? Я перевернула монетку. Там оказался какой-то город. То ли этот, то ли другой. Определить я, конечно, не могла. Только почему-то подумала, что такой же вот абрис получился бы у того, кто бы взял открытку с изображением Нью-Йорка, наложил бы сверху копирку и обвел контур далеких высоток. С чего бы такой выбор?

Ни тебе королей или королев. Ни гербов, ни символов. Я снова перевернула монету. Теперь в глаза бросилось и отсутствие года выпуска «деньги». По краю шел орнамент, сложный и витиеватый, а вот год, как ни странно, отсутствовал.

Я выпустила задержавшийся от удивления в легких воздух, чувствуя себя немного глупо, сидя на лавке непонятно где с монетой в три доллара в руках. Снова огляделась по сторонам. На этот раз еще более озадаченно. Нужно было срочно определить, куда я попала. Но как? Найти туристический магазин с магнитиками или хотя бы газетный киоск, где могли торговать картами.

Монета, зажата в пальцах, была теплой. Интересно, три доллара — это много или мало? Хватит ли на воду? Если да, то не придется возвращаться домой.

На всякий случай еще раз заглянув под лавку (не валяется ли там еще несколько кругляшков), я поднялась с места и зашагала туда, где по моим предположениям мог находиться продуктовый магазин.

Магазина я не нашла, но наткнулась на лавку с мороженым, откуда не смогла себя отодрать. Да и зачем отдирать, если за вот этот рожок с двумя шариками они хотели всего доллар пятьдесят, а на сдачу можно было купить бутылку с водой за доллар? Все выходило как нельзя лучше. Теперь я очень радовалась, что нашла монету. Пусть и странную, но достаточно высокого достоинства, чтобы хватило на утоление и голода, и жажды.

Мороженое я выбрала вкуснячее: апельсиновое с шоколадной крошкой и толчеными мятными листиками, а воду взяла обычную, без пузырьков. Получила на руки еще одну странную монетку в пятьдесят местных центов, долго рассматривала ее, пока продавец удивленно не поинтересовался, все ли с ней в порядке. Я улыбнулась, кивнула и счастливо зашагала прочь, пытаюсь отыскать глазами место, где торговали периодикой. Ведь где журналы, там и газеты. А где газеты, там и карты. А по картам я узнаю, что за город такой.... Логика простая и понятная.

А жизнь хороша! Особенно когда можно слизывать с вафельного рожка сладкие холодные капельки со вкусом апельсина.

* * *

— Второй раз.

— Что второй раз? — спросил Джон Сиблинг стоящего рядом коллегу.

Тот не отрывал глаз от висящего на стене огромного экрана-карты, по которому перемещались цветные пятна.

— Гость у нас. Второй раз, — ответил Дрейк, пристально глядя на энергетическую карту Уровня.

Джон тут же подошел и встал рядом.

— Через какой портал он прошел?

— В том-то и дело.... Что не через портал, — серо-голубые глаза посмотрели на Джона,

одежного в точно такую же куртку, как и на нем самом — Дрейке. Серебристую, под цвет штанов. По обоим предметам одежды с двух сторон проходила белая полоса — стандартная униформа всех представителей Комиссии.

В кабинете находилось множество различных экранов, по которым можно было отслеживать состояние городов, замерять течения энергий на каждом из них, засекаать всплески. Экраны при надобности легко преобразовывали цветное изображение из пятен в привычные глазу объекты. Но двоим мужчинам, находившимся в кабинете, этого не требовалось.

— Если не через портал, то как? — Джон уже и сам увидел то место, где обычные желтые завихрения потеряли обычную форму, превратившись в зеленую спираль. — Что за место?

Дрейк нажал пальцами на невидимые символы на карте, и компьютер тут же выдал запрашиваемую информацию на экран: «Уровень 14. Столица — Клэндон-сити. Точка изменения потоков — город Нордейл».

Далее следовало детальное описание широты и долготы места в градусах.

— Ни один из порталов не отапортовал никаких изменений. Значит, через них никто не проходил. Гость попал к нам извне, откуда не знаю. Но попал он сюда каким-то другим путем.

— Это невозможно, — отозвался Сиблинг. — Уровни не пропускают гостей, тем более извне.

Обычно спокойное лицо Дрейка напряглось. Губы чуть поджались, глаза прищурились, выдавая работу мысли.

— Знаю. Но мы имеем чужака на своей территории. И уже во второй раз. Когда был первый, я думал, что это ошибка пересчета потоков, но.... — Дрейк недобро усмехнулся... — оказывается, все гораздо сложнее.

Джон, наконец-то, понял всю серьезность произошедшего.

— Если подобное смог сделать кто-то один, значит, сможет и второй.

— В том-то и дело, — ответил Дрейк. — Разобраться с этим придется немедленно. Аллертона ко мне. Сейчас же.

Джон коротко кивнул. Следовало вызвать Чейзера как можно скорее.

* * *

Мак Аллертон, он же Чейзер, уже через несколько минут вошел в кабинет. Не в тот, где висел на стене огромный экран. В другой, поменьше. Здесь было практически пусто, за исключением широкого стола и единственного в комнате окна, в которое сейчас, стоя спиной к двери, вглядывался Дрейк.

Сигнал поступил срочный. Очень. Поэтому Мак действительно спешил. Видимо, начальнику захотелось кого-то отыскать и быстро. Иначе не зажглась бы на специальном браслете пометка о срочности.

— Я слушаю, Дрейк, — сказал он, усаживаясь за стол.

Тот повернулся от окна, бросив короткий взгляд на высоко широкоплечего сотрудника из отряда специального назначения.

Аллертон получил свое прозвище «Чейзер» не зря: только он один на всех Уровнях имел

способность выслеживать и находить любой объект, руководствуясь исключительно внутренним зрением и чутьем охотника. Стоило Чейзеру хоть раз увидеть фотографию нужного человека, как он уже точно знал, где находилась или куда двигалась «жертва». Шансов уйти не было: стоило Маку включить «датчик слежения», как физическое состояние преследуемого резко ухудшалась. Если погоня продолжалась дольше тридцати минут, жертва обычно умирала. Иногда это требовалось. Иногда нет. Все зависело от приказа.

Судя по внешнему виду, сегодня Преследователь был в отличной форме и хорошем настроении.

Дрейк поприветствовал его и сразу же перешел к делу, положив на стол пачку фотографий — распечатки с одной из уличных камер наблюдения.

— Найди мне ее, — коротко сказал начальник.

Чейзер протянул руку, чтобы изучить снимки. На них в плохом качестве из-за сильного приближения была изображена девушка, сидящая с ногами на лавке. Без ботинок. В бордовой водолазке и черных джинсах. Девушка как девушка. Ничего примечательного. Интересно, что такого она натворила, что Дрейк откровенно напрягся?

— Привези ее лично ко мне. Никаких повреждений. Ни телесных, ни умственных.

Мак кивнул, запоминая лицо очередной «жертвы».

— Ты чувствуешь ее? — спросил Дрейк.

Мужчина напротив сосредоточился. На секунду прикрыл глаза. Потом утвердительно кивнул.

— Здесь, на четырнадцатом. В Нордейле.

— Все верно. Действуй.

Мак поднялся, оставив фотографии лежать на столе. Они были ему больше не нужны — он уловил поле девушки, этого было достаточно.

— И это срочно, — добавил Дрейк.

Уже подошедший, было, к двери Чейзер снова удивился. Но показывать не стал. Только еще раз утвердительно кивнул.

— Я понял тебя. Сделаю.

Дверь кабинета захлопнулась, оставив стоять вновь обратившего свой взор к окну Дрейка. Мысли у того текли быстро. Но мозговой штурм не приносил ответа на вопрос, как, не используя порталов, можно было проникнуть в Город. Если только кто-то очень сильный открыл прямой поток на Уровни. Но такое было невозможно. По крайней мере, раньше невозможно.

Но как только Чейзер привезет гостью, все ответы будут получены. Даже если придется вырвать их силой.

Дрейк лишь надеялся, что кем бы ни была девушка, она будет обладать достаточной информацией, которая поможет Комиссии отыскать и починить вдруг нашедшиеся погрешности в работе хорошо отлаженной системы.

* * *

На вопрос, есть ли у них карты, усатый улыбчивый продавец ответил утвердительно.

В магазине было светло и просторно. Продавались здесь не только газеты и журналы, расположившиеся вдоль стен и на стеллажах посередине, но так же куча другой мелочевки:

жвачки, сигареты, лотерейные билеты, какие-то леденцы, которые как раз этот момент мужчина доставал из коробок и раскладывал на прилавке.

— Вон там, — махнул рукой он, — есть карты. Посмотрите. Есть карта города и есть всего Уровня.

Я удивленно взглянула на него, но переспрашивать о том, что именно они тут называют Уровнем, не стала. Сейчас сама во всем разберусь.

Тонкие буклеты карт занимали свое законное место слева от журналов про путешествия. Я подошла поближе и прочитала.

«Нордейл. Карта улиц и дорог», «Дорожный Атлас Уровня № 14», просто «Нордейл» и еще какой-то «Клэндон-Сити». Мда-а-а-а... Не густо. И непонятно.

Развернув первую попавшуюся в руку карту, я принялась ее изучать.

Так, что у нас тут? Куча названий улиц, номера автострад, схематично нарисованные дома, зеленые зоны и ленты рек. Есть даже карта метро. Не то подземного, не то увиденного мной ранее — надземного, для схемы которого была отведена и отдельная страничка.

Я повернулась к продавцу.

— Скажите, я только недавно приехала, это же город Нордейл?

Продавец удовлетворительно крякнул, не отрываясь от своего занятия.

— А как же? Он самый....

Хорошо. Название места, которое пришлось мне по душе, я узнала. Нужно будет потом почитать поподробнее о нем в Википедии. Но что за страна? Эта диковинная страна с небоскребами, где говорят по-русски? Очень хотелось узнать это сейчас, не дожидаясь возвращения домой.

— Скажите, а карты страны нет?

Усатый на мгновение замер, будто пытаюсь вникнуть в смысл вопроса, потом кивнул на стойку.

— Вы, наверное, про карту Уровня спрашиваете. Есть там.... посмотрите, справа от Атласа.

Я в замешательстве перевела взгляд на стойку. Ладно, попробую посмотреть на что-то, называющееся Уровнем. На этот раз вместо одного сложенного вчетверо листа здесь было целых шесть. Я аккуратно разложила этот рулон и долго всматривалась в тонкие линии и обозначения.

Так-так.... Оказалось, населенных пунктов на этот самый Уровень приходилось целых восемнадцать. Семь больших городов и одиннадцать поменьше. Были еще какие-то совсем мелкие, наверное, деревни или что-то в этом роде. Пробегая глазами по названиям, я обнаружила, что ни одно из них не всплывает в памяти.

Самым большим, наверное, столицей, являлся Клэндон-сити, о котором я ни разу не слышала. К северу располагался тот самый Нордейл, потом были еще Делвик, Сендон, Хааст, Ланвиль и Вестмур. Это если из больших. Маленькие я даже читать не стала.... Если уж основные не знаю, то что толку пытаться припомнить всякие поселки? Их я бы не запомнила, даже если бы в мировых новостях оттуда транслировали запуск шатлов.

И что за масштаб? Сколько эта местность тянется по ширине? Взглянув на цифры и шкалу, я попыталась прикинуть расстояния в голове. Вышло, что с запада на восток было порядка двух тысяч километров.

Ну, хорошо. Положим, это и была карта всей их мелкой страны. Может, потому и неизвестной широкому миру, потому что крохотная (хотя, с такой-то развитой экономикой?)

Но почему тогда не указаны границы с другими государствами? Хотя бы схематично, в паре штрихов. Мол, это Грузия, это Абхазия, это Туркменистан.... Или что их там вообще окружает? Ведь все с кем-то граничат. А тут просто раз, и все — дальше, как у Кинга, только Бесплодные земли....

Подержав карту в руках еще какое-то время, я сложила ее и вернула на место. Вопросов, казалось, только прибавилось. Хотя, куда уже еще-то.

Я снова принялась мучить добродушного продавца.

— Простите, а карта мира? Ну, та, которая с континентами, есть у вас?

На этот раз дядечка посмотрел на меня так, что я смутилась. В глазах продавца удивление перемешалось с растерянностью, будто я не что-то обычное спросила, а предложила ему испробовать купленные мной в соседней аптеке презервативы со вкусом зеленой хвои и мяты.

— Видимо, нет.... — пробормотала я, удивленная его реакцией. — Ничего страшного.

Продавец виновато улыбнулся и развел руками.

— У меня маленький магазин, а вы, наверное, издалека. Не все есть. Карт-то, наверное, печатают больше, а я не заказываю. Кроме вас про такие никто раньше не спрашивал.

— Я понимаю. Спасибо! Ничего, если я журналы полистаю?

— Да листайте на здоровье.

Решив поискать ответы еще и в глянцевого изданиях, я уже потянулась, было, к одному из них, когда вдруг неприятно кольнуло в районе сердца. Моя рука зависла на полпути, а потом автоматически прижалась к груди. Я прислушалась к внутренним ощущениям.

Что же это со мной такое? Еще пока мороженое доедала на улице, начало нездоровиться. Пару раз уже такое происходило: сначала сердце тянуло, потом желудок тоже, потом снова грудь.... Может, какие незнакомые ингредиенты? Или сил на переходы требуется больше, чем я думала? А, может, просто старею? Помассировав пальцами ребра в том месте, где чувствовалась боль, я расстроено постояла, не двигаясь, ожидая, пока она стихнет.

Домой, что ли, пойти? Вернуться уже потом, когда полегчает? А то свалюсь здесь, непонятно где, и без телефона ни скорую вызвать, ни знакомым сообщить.

«Ну, ты, Динка и бояка! Два раза кольнуло, а ты уже помирать собралась», — укорила я себя.

Через минуту вроде бы стало легче. Боль ушла, а неприятные ощущения пропали. Я облегченно выдохнула. Может, просто нервы расшатались? Все-таки носит меня непонятно где, скрытое волнение и дает о себе знать в самый неподходящий момент....

Додумать я не успела.

Звякнул колокольчик над дверью — в магазин кто-то вошел.

Странно. Но светлое и уютное помещение вдруг ни с того, ни с сего показалось мрачным. Это я отметила краем сознания за секунду до того, как обернуться и посмотреть на посетителя.

Им оказался мужчина. Большой. Не в смысле толстый или бесформенный, а наоборот — широкоплечий, хорошо развитый физически и очень высокий. Очень.... Метра под два ростом.

От неожиданности я даже приоткрыла рот, разглядывая незнакомца, временно забыв о вежливости и приличиях.

Это же сколько нужно заниматься в залах, чтобы стать таким «Терминатором»? Шкафом практически.... Может, он фитнес-тренер? Хотя тренера не ходят в таких вот черных куртках и джинсах, они свои бицепсы напоказ выставляют в открытых майках. А этот, жара ему или нет, очень плотно упакован не только в верхнюю одежду, пусть и легкую, а еще и в высокие черные ботинки. Я быстро вернулась взглядом к его лицу, верхнюю половину которого скрывали очки в стиле «Кобра». Глаз за стеклами видно не было, хотя почему-то казалось, что смотрели они именно на меня.

Я поморщилась. Лишь мельком отметила короткие волосы, квадратную челюсть, после чего осторожно отвернулась к стеллажу. Нечего привлекать к себе внимание невежливым разглядыванием.

Какое мне вообще дело до вошедшего?

Всякие бывают покупатели, наверное, пусть даже и выглядят странно.

Может, такие, как этот, любят за чашечкой утреннего чая почитать газетку или, на худой конец, полистать Пентхаус. Но как бы я ни оправдывала расхождение внешности гостя со спецификой места, все равно подобный человек в этом магазине периодически смотрелся, как металлический бог среди фарфоровых игрушек. Очень, мягко говоря, неуместно.

А потом я заметила еще одну вещь: продавец магазина замер, не раскладывая больше на прилавке леденцы и заметно побледнел лицом. С чего вдруг? Плохо ему, что ли? Глаза улыбчивого в прошлом дядечки теперь, не отрываясь, со смесью паники и страха смотрели на гостя, навевая на меня волнение.

Что за странная реакция? Я, конечно, заметила, что атмосфера здесь отчего-то поменялась, даже солнечный свет за окном стал каким-то тусклым, но чтобы паниковать? Что-то здесь было не так. Неприятно. Напряженно. Будто перед грозой.

К черту.... Мое дело маленькое. Мне нужны были карты, я их посмотрела. Пора выдвигаться на улицу. Журналы уже когда-нибудь потом полистаю, в другой раз.

Поставив на место одну из карт, которую по забывтью все еще держала в руках, я развернулась, чтобы направиться к выходу. Но одновременно со мной шаг вперед сделал и незнакомец. И не куда-то, а прямо ко мне.

Я резко застыла на месте. Мужчина в «Кобровых» очках приблизился на расстояние в пару шагов. Остановился. И, похоже, он не интересовался ничем иным здесь, кроме моей персоны. Я занервничала.

— Ты поедешь со мной, — сказал он. Не спросил, а просто уведомил меня.

— Что, простите? — чтобы избежать столкновений личных пространств, я произвольно сделала шаг назад и растерянно посмотрела на него. — Вы меня с кем-то спутали. Можно я пройду?

Сердце как-то неприятно застучало.

Тот даже ухом не повел. И не отодвинулся, освобождая мне проход. Медленно снял очки и уставился на меня холодными спокойными глазами.

Почему-то вдруг стало неудобно. Что вообще происходит? Ну, спутал он меня с кем-то, так можно ведь просто разобраться да разойтись.

— У меня приказ привезти тебя.

Я подозрительно смотрела на человека в куртке. Ситуация нравилась мне все меньше и меньше. Нужно было срочно выкручиваться из нее и уходить отсюда.

— Что? О чем вы говорите? Какой такой приказ? Вы меня путаете с кем-то...

Знакомых у меня в этом городе нет. Никого я знать не могу, никому ничего не должна. С

чего бы кому-то приезжать за мной, да еще и с каким-то приказом. Если только.... От появившейся в голове мысли я нервно сглотнула: если только кто-то не заметил того, что я появилась на местной улице прямо из воздуха. Но ведь раньше не замечали, с чего бы теперь? Нет, не может такого быть.

— Приказ Комиссии, — ответил мужчина, как будто это должно было все объяснить. Разом.

— Комиссии? — с глупым выражением лица переспросила я. — Это кто еще? Комиссии по чему?

— Ты и правда не местная.... — послышался сзади голос продавца. Я резко обернулась и посмотрела на него. Взгляд того теперь был неприязненным, напуганным. Будто я принесла в его магазин ведро с чумой и обмазала ей все углы. — Комиссия — это местная власть. Если они присылают приглашение, то никто не имеет права отказаться, — пояснил усатый, по-видимому, желая избавиться от напасти в виде меня как можно скорее.

Я нервно сглотнула.

Они тут что, все сговорились? Какая Комиссия? Что за форма правления? И с чего бы ей за мной посылать?

— Это он, что ли, — я кивнула на стоящего в проходе мужчину, — приглашение? Вы меня простите, но с незнакомцами я никуда не езжу.

Стоящий напротив, видимо, начал терять терпение. Губы его сжались, глаза холодно, немигающее смотрели на меня. А когда зазвучал низкий бархатный голос, я медленно покрылась мурашками. И вовсе не от возбуждения, а от какого-то липкого страха, расплзшегося вдоль позвоночника.

— Сейчас я выйду отсюда, и ты выйдешь за мной. Потом сядешь в машину, и я привезу тебя туда, куда должен. Там с тобой хотят поговорить. Остальное меня не касается.

Я все еще пыжилась быть храброй, но получалось плохо.

Черт! Что же происходит? И не отстанет ведь этот, похоже. Потому что уверен, что я именно та, кто ему нужен.

А если это все правда? Что, если кто-то на самом деле отдал приказ привезти меня для разговора? Какое-нибудь местное ФСБ, которое они зовут Комиссией. Ведь зовут же они свою страну Уровнем, так почему бы и еще что-нибудь оригинальное не выдумать? Если на самом деле кто-то увидел мое «прибытие» и заинтересовался его необычностью?

Я с надеждой кинула быстрый взгляд на дверь — получится ли сбежать, если резко рвануть? Но такой ведь в два шага нагонит — ноги в два раза длиннее моих.

— Даже не думай об этом, — мужчина в черном легко читал проступившие на моем лице мысли. — Я догоню быстро. А потом скручу в бараний рог и закину в машину. Мне надоедает ждать....

Сквозь усилившуюся от его слов нервозность, я заметила кое-что еще: он был спокоен. И абсолютно уверен в себе. И будто даже скучал, выполняя свое задание. Так скучал бы тигр, которому поручили сопровождать мышь. А в зеленые глаза почему-то не хотелось смотреть: они были настолько равнодушными, будто сердца и эмоций у этого субъекта не было вовсе. Такие как он рождаются с душой, проданной дьяволу. Для них нет ни хорошего, ни плохого. А есть только.... задания, цели и жертвы.

Я сглотнула, наконец-то сообразив, кого он мне напоминает.

Киллера. Вот кого.

Без эмоций, без волнения. Человека, который очень быстро переходит к действиям, если

его разозлить.

На душе стало совсем тоскливо.

«Похоже, кончилась твоя удача, Динка. Вот ты и попалась....»

Совсем не хотелось представлять себя скрученной и силой закинутой в машину. Это отдавало какой-то вульгарностью и ненужностью. Как в дешевом боевике. Только в настоящей жизни это, наверное, крайне неприятно и больно. Вот уж совсем не тот опыт, который бы мне понравился.

— Пошли, — резко бросил человек в куртке.

Он направился к выходу. Я осталась стоять на месте.

Уже у дверей мужчина обернулся. Посмотрел так, что сомнений точно не осталось — этот точно душу вытрясет, если будет не по его. Я очень медленно и нехотя направилась следом.

«Думай, Динка, думай....»

* * *

Ситуация мне совсем не нравилась.

Я шла за совершенно незнакомым человеком, чтобы сесть к нему в машину, а потом поехать в неизвестном направлении.

Ну, не глупо ли? Глупо.

Такое, по моей рациональной логике, не лезло ни в какие ворота. И делать этого не хотелось абсолютно. Не смотрела я, что ли, кучу новостей про убийства? Про маньяков всяких и тупоголовых девчонок, которые вот так же по наивности соглашались непонятно на что, а потом оказывались по самую макушку в проблемах, если вообще выживали.

Нет. Может быть, недостатки у меня и имелись, но наивной я точно не была. И если прежняя Динка просто струхнула бы вплоть до орошения подштанников, то теперь у новой меня имелась в запасе неиспользованная карта — открывшийся дар к телепортации, о котором, я надеялась, мой сопровождающий ничего не знал.

Поэтому мысли были такие: попробовать выяснить все, что удастся выяснить у этого типа (если он вообще челюсти разожмет для ответа), а потом потихоньку улизнуть домой и хорошенько все обдумать. А то информации накопился вагон и маленькая тележка....

— Садись, — мужчина в черном кивнул в направлении пассажирской двери.

Машина его стояла прямо перед магазином, сверкая в свете послеполуденного солнца. Я успела обратить внимание на два факта: номеров на машине не было. То есть, дать ее описание впоследствии не получилось бы. И еще — такой марки я никогда в жизни не видела.

Начать хотя бы с того, что машина была большой. По размеру с хороший четырехдверный джип. Но с типом кузова из тех, что мы зовем седан. А глубине черной краски позавидовал бы сам Генри Форд: она сверкала и переливалась всеми оттенками далекой беззвездной галактики. Я даже засмотрелась на это чудо техники.

Но получив еще один хлесткий взгляд, поспешила сесть внутрь и захлопнуть как дверь, так и распахнувшийся от изумления рот. А внутри тоже было красиво. Дорого, удобно, технологично. Чувствовался высокий класс и стиль.

Я одернула себя.

«Тебе не о том думать надо вообще....»

Правильно. Отвлеклась я что-то.

Водитель, тем временем, сел за руль и завел машину. Рокот мотора приятно заласкал слух — низкий, ровный, тихий. Я осторожно покосилась на водителя, пытаюсь втихаря его рассмотреть. Следовало заметить, что тот идеально дополнил салон своего авто. Было бы противно представлять в такой машине нафуфыренного хлюпика, сального высокомерного папика или старикана. А вот мой сосед — мощный, гибкий, хищный — подходил сюда как «инь» к «яну». Ни убрать, ни прибавить.

Классические черты лица, характерный для моделей в журналах квадратный подбородок, прямой нос, широкие темные брови. Вот только со взглядом беда.... Попадет такой на конечность и отморозит ее тут же.

Когда машина вывернула на дорогу, а потом, все ускоряясь, помчалась по ней, я решила, что пора завести разговор. Кто знает, долго ли ехать, поэтому каждая минута на счету.

— Я могу тебя спросить? — попробовала я сделать пробный выстрел.

Но в ответ получила только тишину, не удостоившись даже поворота головы. Мда-а-а. Начало не вдохновляющее. Но я не сдавалась.

— О чем эта Комиссия хочет поговорить со мной?

На этот раз водитель коротко посмотрел на меня. Но снова ничего не ответил. Да что ж ты будешь делать? Как к такому подступаться? Что сделать, чтобы он заговорил?

— Молчание — золото, — риторически пробормотала я после того, как поняла, что от мужчины ничего добиться не удастся.

А после задумалась. Ехать в неизвестное место — небезопасно. Я уже итак сообразила, что нахожусь в каком-то странном Уровне, где даже понятия «страна» не знают. Тогда что можно ожидать от местной власти? Как и каким методом они будут со мной «говорить»? Политиков я не любила с детства. Да и вряд ли они будут «политиками». Скорее фээсбэшниками. А что я знаю о последних? Да практически ничего, кроме того, что они скрытные крысы, наделенные информацией, и прилагающие любые методы — законные или нет — для достижения цели.

Тогда стоило ли торопиться с ними на встречу?

А дорога бежала, километр проходил за километром. Вскоре пейзаж города начал меняться. Высотных зданий не осталось, по сторонам поплыли тонущие в зелени коттеджи. Красиво, спокойно, уютно....

Я приняла решение. Если не добьюсь от водителя вразумительных ответов, то дожидаться конца поездки не буду. Боязно и глупо идти на любую встречу неподготовленной. Лучше «уйду» домой, а там попробую немного почитать. Авось, найдется что-то об этом городе, населении и обычаях местной власти. А потом уже можно будет и думать о «разговорах».

Больше всего пугало то, что если кто-то заметил мое «приземление», то я очень быстро могу оказаться в исследовательской клинике, накачанная препаратами, подвергнутая допросам и опытам. А с замутненным сознанием побег может провалиться. Как такое допустить? Нельзя. Дома, так или иначе, нужно скоро появиться, теперь уже не до шуток.

Я посмотрела на часы. Увидела на них все те же два часа дня и вспомнила, что батарейка села... Зачем-то автоматически постучала пальцем по циферблату — не помогло. Я повернулась к водителю.

— Я бы все-таки хотела получить несколько вразумительных ответов.

На моего соседа это не подействовало. Для него звук моего голоса, видимо, не существовал вовсе.

Я вздохнула.

— Если ты мне не предоставишь больше информации о том месте, куда мы едем и что меня там ждет, я не буду продолжать поездку.

На этот раз он посмотрел на меня. Удивленно. Видимо, не ожидал такого наглого заявления от человека, которому из машины и деваться-то некуда.

Я позволила ему еще какое-то время помолчать, рассматривая пейзаж.

А город за окном все-таки был красивым. И каким-то мирным. Почему-то снова возникло странное желание тут жить. Как так? Ведь сколько ни путешествовала до этого, а такого чувства никогда не приходило. То одно не нравилось, то другое. А тут.... Тут были сады, а вокруг коттеджей росли деревья. Лужайки были выстрижены аккуратно и засажены цветами. В окошках изредка виднелись экраны телевизоров, предметы мебели или люстры. Подоконники украшали растения. На уютных крылечках стояла плетеная мебель, крытая цветастыми подушками, — на такой было бы здорово отдыхать на воздухе по вечерам после работы. На кованых металлических узорах были подвешены лампы для освещения крыльца в темное время суток.

— Я в последний раз тебя спрашиваю, — обратилась я к мужчине за рулем. — Если ты ничего не скажешь, то дальше я не еду.

На этот раз он нахмурился и внимательно посмотрел на меня.

Как смотрит доктор на подающего признаки безумия пациента: тяжело и задумчиво, пытаюсь оценить степень риска возникновения непредвиденных ситуаций в результате компульсивного поведения больного. Пытаюсь прочитать по лицу, нет ли у меня на уме плана по осуществлению прыжка из несущегося на полной скорости автомобиля. Хотя мы оба знали, что двери заперты.

Но что-то в моем спокойном голосе его видимо насторожило.

Потому что он впервые решился дать короткий ответ:

— Рассказывать мне тебе нечего. Приедешь на место — все узнаешь.

Я незаметно покачала головой. Не судьба мне сегодня поучаствовать в обоюдоинтересном, открытом, доброжелательном диалоге. Но себя винить было не за что. Я старалась. Терпела до последнего. Но время вышло, пора уходить домой, чтобы попытаться выяснить все, что можно выяснить перед тем, как вновь сюда возвращаться.

Я повернулась к неразговорчивому соседу.

— Приятно было с тобой пообщаться.

На этот раз он точно нахмурился, но я уже не стала рассматривать выражения его замкнутого, пусть и красивого лица. А просто откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

Постепенно гул автомобиля, шуршание шин, шорох куртки водителя — все начало отодвигаться куда-то вдаль. Все ближе становилась собственная комната: знакомый запах пыли и книг, стоящего на подоконнике горшка с фиалкой, вытертого ковра, мягкого пледа поверх одеяла, заваленного журналами стола со стареньким компьютером в углу. Все так же, равномерно и негромко, вот уже много лет честно исполняя обязанности, тикал у кровати будильник.

Вдохнув всю эту знакомую смесь поглубже в легкие, я открыла глаза, стоя уже себя в комнате.

Черная машина пропала, как никогда и не было. Молчаливый знакомый тоже. И меня

мало волновала его реакция на произошедшее. Пусть хоть до конца жизни думает, что ему все это померещилось.

Оглядевшись по сторонам, будто все еще привыкая к своему миру, я стянула через голову надоевшую, чересчур жаркую в том лете водолазку, бросила ее на стул, натянув взамен знакомую, пахнущую домом футболку. Подошла к компьютеру, нажала на кнопку включения, предварительно расчистив стол от избытка журналов, затем прошла на кухню и поставила греться чайник. Кинула взгляд за окно — там все так же серо и уныло капало. Надо же, а я ведь уже забыла, что здесь так. Где-то там, под кустами так и сидит Мишка.

Я покачала головой. Не буду сейчас об этом думать.

Нужно согреть чай и почитать. Все, что удастся найти про этот странный Нордейл.

Мак Аллертон сидел, глядя через лобовое стекло куда-то вдаль.

Машина стояла на обочине — он свернул туда сразу, как только понял, что произошло.

Тихий жилой квартал, сонные особняки, залитая солнцем улица, зеленая трава, чуть желтоватые листья на деревьях. Хозяин, выгуливающий собаку, велосипедист, лениво крутящий педали, легкое покачивание цветочных стебельков на ухоженных клумбах. Все такое обычное и привычное, такое знакомое и предсказуемое.

И совершенно не вписывающееся в картину мира ощущение сюрреализма в его голове.

Поразительный контраст.

За его долгую практику он повидал многих, ведущих себя нормально и не очень, бесстрашных и трусливых, темпераментных и спокойных, нервных или пытающихся храбриться.... Всякий народ побывал в его машине. Да, всякий.... Но еще ни один вот так просто не исчезал. Прямо на глазах. В никуда. Не оставив после себя ни пылинки, ни запаха.

Вот уже около трех минут выбитый из колеи Чейзер просто сидел и молча разглядывал знакомый привычный мир вокруг, ощущая себя странно. А ведь он редко удивлялся. Мало кто был способен вызвать в нем это чувство. Но ей — это странной девчонке, совершенно обычной и невзрачной на вид — это удалось.

Медленно, преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, он достал из кармана телефон и так же медленно набрал номер Дрейка.

В трубке послышались гудки.

— Ты уже на пути ко мне? — раздался голос начальника.

Мак помолчал. С некоторой заторможенностью посмотрел по сторонам. Все так же солнечно и сонно вокруг.

— Мак? — переспросил Дрейк.

— Я был на пути к тебе, — ответил тот. — Но уже нет.

— Почему?

Чейзер снова задержался с ответом, потеряв висок, а затем и подбородок.

— Кого ты попросил меня доставить, Дрейк?

На этот раз возникла пауза на том конце.

— А почему ты спрашиваешь?

— Потому что она только что исчезла прямо из моей машины. Растворилась.

На том конце выругались так, что даже Чейзер на секунду отнял трубку от уха. А когда приложил ее снова, то услышал:

— Езжай ко мне. Мне нужно кое-что тебе объяснить.

Подтвердив, что уже едет, мужчина в черной куртке завел автомобиль. Оглядел

пустынную улицу, зачем-то еще раз провел рукой по соседнему сиденью, затем тряхнул головой и вывернул на дорогу.

* * *

В кабинет Маку даже заходить не пришлось. Как и вообще в здание, где располагался один из офисов Комиссии, потому что Дрейк, как только машина Чейзера оказалась у ворот, сам вышел с территории и сел внутрь.

На то место, где еще недавно сидела гостья.

Эта мысль снова вызвала у Маку волну непонятного ощущения. Какой-то абстракции. Как бывает, когда что-то привычное вдруг превращается в совершенно неизвестное и становится чужим после долгих лет доверия.

— День добрый еще раз, Дрейк.

— Добрый, да уж.... — неопределенно отозвался тот. Захлопнул дверцу и приказал. — Давай отъедем немного. Смысла нет у ворот стоять.

Мак согласно кивнул. Развернул темный автомобиль и помчал его по направлению к ближайшему парку, у которого была стоянка. Там было тихо, приятно, да и вид открывался посимпатичнее. Как только машина встала на разлинованном на парковочные ячейки асфальте, а мотор затих, Дрейк посмотрел на подчиненного.

— Скажи, ты чувствуешь ее сейчас? Только сосредоточься внимательно.

Мак и без дополнительных объяснений знал, о ком шла речь.

Он закрыл глаза и внимательно прислушался к ощущениям, как уже пробовал делать сразу после внезапного исчезновения гостьи. Но присутствия девушки вновь не почувствовал. Глухо. Как если бы ее вообще никогда не существовало. Почему-то это нервировало Маку. Невольно заставляло его сомневаться в собственных способностях.

— Нет, — ответил он, глядя в сторону. — Вообще ничего.

Потом, не выдержав, посмотрел на начальника.

— Я что, теряю хватку?

Дрейк медленно покачал головой.

— С тобой все в порядке. Дело в ней. В этой девушке.

Увидев, что начальник потер виски, как это только недавно делал он сам, Чейзер удивился. Жест выдавал замешательство — непривычное зрелище. От обычных людей, да, а вот от представителей Комиссии — нет. И уж тем более не от Дрейка.

— Может, объяснишь, в чем дело?

В машине на какое-то время повисла тишина.

Дрейк думал о том, как и что именно поведать Чейзеру. Понятное дело, что тот входил в число специально тренированных ребят, коих было всего двенадцать — лично отобранным им самим, основываясь на личностных характеристиках. И, конечно же, каждый из этих двенадцати обладал достаточно обширными знаниями об Уровнях — того требовала специализация, но все же знали они далеко не все. Хоть и много.

— Мак, ты знаешь о том, что Город — не единственный мир. За его пределами есть и другие.

Чейзер осторожно кивнул. Он был в курсе, что и сам когда-то был приглашен на новое место жительства Комиссией, но мало что помнил из своего раннего прошлого. Только то,

что тот мир был постоянно объят войной. И оставаться в нем не хотелось. Поэтому, когда удалось благополучно забыть о пережитой боли — в памяти остались только слабые отголоски каких-то тяжелых событий, — он был рад и никогда не ворошил прошлое. Не хотел. Совершенно.

А то, что теперь Дрейк сам завел об этом разговор, почему-то беспокоило Мака. Не стал бы представитель Комиссии без особой необходимости поднимать эту наглухо закрытую тему.

— Знаю, — коротко подтвердил он, ожидая продолжения.

Дрейк продолжил:

— Есть только очень ограниченный круг людей, пользующийся порталами. Межуровневыми — как это делаете вы — двенадцать, чтобы быстро получить доступ к любой проблемной точке. И есть специалисты, которые занимаются отбором подходящих для нас людей из других миров. Они пользуются внешними порталами, которых очень мало. Очень. И проход через них открывается сложно и требует разрешения Комиссии. Всегда. Исключений нет.

Обо всем рассказанном Мак знал. Потому что их обучали транспортировке через один Уровень на другой. Но обучали только тех, кто служил в спецотряде, а не всех подряд. И информацию им давали сугубо ограниченную, сухую, без деталей и подробностей.

— Так вот та девушка, которую я сегодня попросил тебя привезти, прошла в наш мир без использования порталов. Вообще.

Брови Чейзера взлетели вверх. Такого продолжения он не ожидал.

Дрейк, видя его реакцию, кивнул.

— Я, наверное, сглумил, отправив за ней тебя. Не предполагал, что она может уходить обратно из любой точки. Что ж, я просчитался. Поэтому ты стал свидетелем необычного явления.

Мак посмотрел на мирно шелестящий за забором парк. Ему в какой-то мере стало легче после этого объяснения. Ушло сюрреалистичное ощущение, что он рехнулся. Это радовало. Но теперь становилось ясно, почему пребывает в замешательстве начальник. Случай и вправду был редким и очень необычным. Если не сказать опасным.

— А откуда она приходит?

— В том-то и дело, что я не могу пока отследить. Энергия на том месте сразу затягивается. Будто и не было всплеска. Все становится точно, как было за секунду до ее появления. Удивительная особенность....

Дрейк будто и не Чейзеру все это объяснял, а размышлял с самим собой. Пытался понять, нащупать концы от ниточки, которая бы привела к разгадке. Но такой, увы, не находилось.

— А есть у нас уже кто-то из ее мира, как думаешь?

— Не могу тебе сказать, — ответил Дрейк. — Для этого мне нужно с нашей гостьей сначала пообщаться. А если есть кто из ее мира, то таким способом они сюда точно не попадали. Ты мне лучше опиши свои ощущения от нее. Что тебе запомнилось, бросилось в глаза? Все важно.

Чейзер задумался, вспоминая исчезнувшую из салона девушку.

— Да обычная она. На вид, по крайней мере. Если бы на улице увидел, не запомнил бы без необходимости. Волосы русые, глаза серо-синие, ростом около ста семидесяти сантиметров, пухлая. Нашел я ее в магазине периодики в центре Нордейла. Когда я зашел

внутри, она как раз изучала карты. Не то уровня, не то города. Видимо, сама не понимала, где оказалась, так я понял.

Дрейк, который все это время внимательно впитывал детали, кивнул.

— Дальше.

— Когда я сказал ей о том, что Комиссия хочет с ней поговорить, она пришла в замешательство. Слово Комиссия оказалось ей незнакомым. Она спросила: «Комиссия по чему?» Я даже не нашелся, что ответить. Вместо меня ей пояснил продавец. А она начала отпираться: ни в какую, мол, не поеду. Никого здесь не знаю, приглашения сесть в машину к незнакомцам, спасибо, всегда отклоняю. Пришлось надавить.

— Сильно надавил?

— Да, не сильно. Просто сказал, что все равно привезу. Любым методом, — Мак замялся. — Если бы я знал...

— Угу, — согласился Дрейк. — Я тоже не знал. Что-нибудь еще?

— Да, уже в машине она несколько раз спрашивала меня о том, куда мы едем и чего ей стоит ждать. Я, как ты знаешь, не особенно разговорчив. После того, как я промолчал в ответ, она сказала: «Приятно было пообщаться», закрыла глаза и через несколько секунд растворилась.

Он замолчал, вновь переживая в памяти тот момент, когда подумал, что рехнулся. Неприятный, по-другому не скажешь. Но теперь хотя бы становилось понятным, почему та девчонка никогда не слышала слово «Комиссия» и почему пыталась разобраться в картах. То, что она пришла откуда-то извне, многое объясняло. Не само появление, конечно, но все-таки хоть что-то.

Выслушав рассказ до конца, Дрейк помолчал. Потом сказал:

— Сделаем вот что. Ты следи внутренним зрением — если вдруг она снова появится, то сразу сообщай мне. Сам, конечно, можешь попытаться с ней встретиться и привезти ко мне, но, боюсь, тебе придется изменить тактику. И сильно. Стать добрым.

Мак едва не поперхнулся в ответ.

— Ты можешь представить меня добрым?

— Я могу представить тебя исполняющим приказы.

Крыть было нечем.

Начальник задумчиво пожевал губами.

— Я мог бы убить ее. Сразу, как только она снова возникнет на Уровнях, но все-таки для начала я предпочел бы пообщаться. Если уж она обладает возможностью перемещения без порталов, то истреблять без разговоров не умно. Нужно выяснить, кто еще может такое проделывать в ее мире. Поэтому, если сумеешь приблизиться к ней, то передай ей одну фразу: если она и дальше хочет быть гостем, то ей лучше встретиться со мной. А дальше пусть сама решает. Я же, в свою очередь, попытаюсь выяснить, откуда она сюда приходит.

— Понял. Что-нибудь еще?

— Да, — Дрейк посмотрел на него холодными серо-голубыми глазами — каждый раз от прямого взгляда начальника на плечи будто наваливалась тяжесть. — Никому не распространяйся об этом.

Чейзер еще раз кивнул. И сам не дурак, способен понять, что информация эта не для чужих ушей.

— Все. Следи, — закончил Дрейк. — А меня подкинь обратно до ворот и свободен на сегодня.

Водрузив кружку зеленого чая на стол рядом с клавиатурой, я уселась на старый скрипучий стул и приготовилась к поискам. Компьютер к тому времени закончил загружать систему и перестал стрекотать жестким диском.

Я автоматически кинула взгляд в угол экрана, чтобы посмотреть на время.

14:06

Кружка, которую я к тому времени успела взять в руку, чтобы глотнуть чая, зависла на полпути. А потом я медленно поставила ее на стол, поднесла к себе запястье с часами и уставилась на циферблат.

14:06

К тому же стрелка теперь, как ни в чем не бывало, равномерно двигалась по кругу, отсчитывая секунды.

Что же это такое? Я ведь точно помнила, что как только оказалась в том осеннем парке, тут же засекала время. Было ровно два. Потом на лавочке, уже в городе, когда нашла монету, я снова смотрела на часы — на них снова было два, потому что они встали — стрелка не двигалась.

А теперь, получается, они пошли? И когда успели? Но если часы на запястье действительно могли показывать 14:06 внезапно очнувшись после спячки, то как такое же мог показывать мой компьютер? Ведь отсутствовала я долго — уж точно не менее двух-трех часов к ряду. Все эти длительные прогулки, остановки, разглядывания, почитывание, роторазвивание на все подряд..... Нет-нет, никак не меньше трех часов меня не было.

Пребывая в некотором ступоре, я осторожно слезла со стула и направилась в зал, где на стенке стоял старый китайский будильник в черном корпусе — его иногда использовала мама, чтобы не проспять поездку в аэропорт. Быстро приблизившись к полке, я впиалась глазами в стрелки.

Шесть минут третьего. Почти семь.

Да что же это за шутки воспаленного сознания! Получается, либо я странная, либо что-то еще. Ведь я точно помнила, что ушла из дома в два. А теперь стояла в комнате в два ноль семь, как будто и вовсе никуда не уходила. Как будто и не было всех этих приключений с монетами, картами, а потом и неприятной поездкой.

Я в растерянности склонила голову и так простояла минуту-другую. Никаких объяснений происходящему на ум не приходило. По всему выходило, что либо я имею проблемы с головой или памятью, либо что-то заставило время застыть на месте. В последнее верилось с трудом. А в первое с неохотой.

Что ж.... Ладно. Не во всем иногда можно разобраться сразу, день сегодня был сложным, может быть, я на что-то не обратила внимания. Придется на время забыть о всяких странностях. Их и без этого сегодня хватало.

На всякий случай еще раз взглянув на наручные часы и убедившись, что они прекрасно работают, я пожала плечами и отправилась в свою комнату, чтобы заняться поисками в интернете.

Уж в чем я всегда была уверена, так это в том, что если на земле что-то существует — большое или маленькое — об этом обязательно будет известно в сети. Тот объем

информации, который туда закладывали сами пользователи, не поддавался ни представлению, ни осознанию. И если еще существовала небольшая вероятность, что какая-то незначительная мелочь могла оказаться найденной, то для целой страны такого шанса не было.

Поэтому я вдохновенно застучала по клавиатуре.

Как у нас там назывался этот странный город?

Нордейл. Ага....

Попробуем. Ввод.

Пользовалась я всегда Гуглом. Уж не знаю, почему. Может, доверяла ему больше, чем Яндекс или Рамблеру, а, может, просто в силу привычки. Белая страница начала загружать результаты.

Я уже приготовилась увидеть первым линком старую добрую Википедию, отхлебнула чай, поставила кружку обратно и почти сразу же нахмурилась. Потому что на Википедию линка не было. Да и вообще, как бы это странно ни звучало, поиск города с именем «Нордейл» успехом не увенчался. Нашлась только какая-то скандинавская электрическая компания «Нордел», занимающаяся прокладкой электросетей в скандинавских странах.

Я фыркнула. Это мне не нужно. И вообще, все совсем не так, как я ожидала.

Ладно. Переведем слово на английский.

Отхлебнув еще чая, я забила в поиск Nordale. Результатов оказалось побольше.

Глаза забегали по строчкам, губы зашевелились, читая слова:

«...производственная компания по поставкам, школа в Канаде, магазин питания для животных в Англии, компания по графике и дизайну не пойми где и даже какой-то магазин, занимающийся продажей камер для слежения и шпионского оборудования....»

Я медленно откинулась на стуле.

Нет. Однозначно все не то. Я пролистала еще несколько страниц поиска. С именем Nordale находились адвокатские конторы, улицы и даже парки, но никак не города.

Неужели я неправильно пишу название в английской транскрипции? Но если нет, то как еще? Nordayl? Nordeil? Nordaile?

Все мимо.....

Почему-то отсутствие нужной информации стало для меня неожиданностью. Не каменный, в конце концов, век. Крупные объекты всегда освещены на многих сайтах. А об этом — единственном требуемом мне на сегодня — как назло, ни слова. Ведь не деревней же он был, а крупным, даже очень, городом — в этом я была уверена наверняка.

За окном продолжал стучать дождь. Я на секунду отвлеклась от размышлений, глядя, как по окну неровными прозрачными дорожками сползают капли.

Неужели еще не распогодилось? Сколько часов он уже льет, не переставая? Потом я вспомнила о недоразумениях со временем и оставила попытки понять, сколько именно часов льет дождь — что-что, а с моим внутренним будильником сегодня однозначно творилось что-то неладное. Постоянно казалось, что должно быть уже как минимум пять вечера.

Поднеся ко рту чашку с чаем, я обнаружила, что она уже успела опустеть, а потому отправилась на кухню за новой. На обратном пути прихватила из кухни еще и вазочку с конфетами. Пригодятся для размышлений.

Вернувшись к компьютеру, я с ногами залезла на стул и принялась снова бороться с Гуглом. На этот раз предметом поиска стал Клэндон-сити. Ну, уже этот-то точно должен найтись! Столица их страны... э-э-э-э.... Уровня. Так они его, кажись, называли.

Поиск на русском результатов не принес. Зато принес их на английском. Оказалось, есть такое место — Clendon, являющееся пригородом Окленда, и существует оно в Новой Зеландии. Но, позвольте, уж точно не там я сегодня побывала! Иначе бы вокруг определенно слышалась английская речь, а такого не было. Как пить дать, не было.

Я начинала раздражаться. Появилось ощущение, что я пытаюсь найти какое-то Зазеркалье из сказки. Ведь не может такого быть, чтобы о целой стране не было ни одного упоминания!

Там ведь столько городов было указано на карте, столько населенных пунктов! Такого просто быть не могло, что карты были, а сайтов об этих метях не было.

Вот только как я ни старалась, а названий других населенных пунктов из «Зазеркалья», прочитанных там, в магазине, так припомнить и не смогла.

Неужели тупик?

Какое-то время я хмурилась и сетовала на собственную память. Жевала конфеты, смотрела на дождь за окном.

Потом меня осенило.

А как насчет трехдолларовых монет? Может быть, они выведут на правильный путь?

Отложив недожеванный трюфель, я с удвоенной энергией заколотила по клавишам.

Оказалось, что в штатах раньше действительно существовали монеты достоинством в три доллара, вот только выглядели они совсем не так, как та, которую я еще час назад крутила в пальцах. Совсем не так. На тех, местных, не было изображено чье-то профиля, как на американских, а был только узор на лицевой стороне и скайлайн неизвестного города на обратной.

Что? Значит, все опять мимо? На этот раз мой разочарованный вздох разнесся по всей квартире.

Что же делать? Как еще искать и где?

Попробовать ввести слово «Уровень»? Тогда меня точно выведет на бесконечное число компьютерных игр. Названия других мест с карты так и не всплыли на поверхность, сколько бы я ни пыжилась. А других отличительных в том городе не было. Дома как дома. Люди как люди. Не искать же по надземному метро... Таких наверняка в мире сыщется в каждой второй развитой стране по несколько штук.

Но ведь не возвращаться же в книжный магазин, чтобы снова порыться в картах? Вряд ли моему появлению обрадуется усатый продавец. К тому же слишком высока была вероятность того, что за мной снова кого-нибудь пришлют, а я только сейчас начала осознавать всю потенциальную серьезность ситуации, которой удалось избежать. И напугалась до дрожи в коленях. Но почему-то уже задним числом, сидя у себя в квартире.

Оставалось признать очевидное: поиск провалился. То ли не хватило уникальности введенных данных, то ли искать их нужно было как-то умнее и хитрее, но у меня — обычного пользователя — таких навыков не было. Вот у моего старого знакомого, работающего программистом, любая информация появлялась первым же линком, и всегда находилось не только искомое, но еще и что-нибудь поверх того. А от меня, как от шумноного охотника зверушки, все куда-то попряталось.

С этими мыслями я промаялась до самого вечера.

Пока стирала, мыла, готовила ужин, все задавалась одним и тем же вопросом: почему за мной прислали того мужчину? Зачем вообще стали присылать за кем-то, кто и в городе том

никогда не жил и не знал никого и ничего. В сомнительные аферы я не ввязывалась, в подозрительных делах замечена не была, внимания к себе по возможности старалась не привлекать.

Вывод напрашивался только один.

Потому и прислали, что каким-то образом узнали, что я новенькая. А, может, даже поняли, что «не местная». А еще хуже, если заметили, как я появилась прямо из воздуха. Если так, дела были хуже некуда. Наверняка простым разговором дело не кончится в таком случае....

Вот только.... — постоянно терзала одна и та же мысль — почему раньше нигде никто меня не замечал? Что на этот раз изменилось? Я ведь видела, как люди отводили глаза в сторону при моих появлениях, будто им помогало что-то, и шли по своим делам, как ни в чем не бывало. Тогда что же изменилось в этот раз?

Засыпала я плохо. Долго ворочалась на простынях. В распахнутую форточку, открытую мной для проветривая, доносился шум ночной улицы. Нет-нет, да проедет машина, пробегут от ее фар блики по стенам и потолку, или пройдет кто-то, шлепая подошвами по мокрому асфальту.

Закрыв глаза, я долго представляла какой-то светящийся шар, именуя его про себя Вселенной, и просила у него, чтобы нашелся, наконец, кто-то, кто сумел бы мне все происходящее объяснить. И не столько даже об объяснениях просила, сколько о друге. Так давно хотелось иметь рядом с собой кого-то, с кем можно было бы по душам поговорить о чем угодно. Поделиться сомнениями или радостью, поплакаться при необходимости, поддержать, если потребуется, да и просто знать, что кто-то есть рядом. Что ты не один на целом свете....

Если шар меня и слышал, то отвечать не отвечал.

Однако отчего-то казалось, что «запрос» мой на рассмотрение приняли.

Почувствовав это, я удовлетворенно поворочалась и, уже не обращая внимания на уличный шум, уснула.

* * *

А позже увидела странный сон.

Почему-то я точно знала, что все это сон — не было даже тени сомнения. Хотя вокруг был тот же самый парк в закатном свете, но я присутствовала там всего лишь мысленно, а может быть в субтильном обличье, каким бывает тело, путешествующее ночью по другим мирам, не спрашивая на то разрешения хозяина.

Так или иначе, я, или то, чем я в тот момент являлась, сидело на лавочке, усыпанной листьями. Ее, наверное, давно не очищали от них. А, может, успело нападать за вчерашний день — всего-то и требовался, что легчайший ветерок. Свет вокруг был золотистым, но тяжелым и странным, будто слишком плотным и густым для того, чтобы быть настоящим.

А у ног сидел Мишка. Все такой же грязный. Вот только хвост у него почему-то был целый, а не тот обрубок, который я привыкла созерцать, пока кормила бездомного кота.

Я наклонилась, чтобы погладить его.

— Миша! А ты как тут?

Кот обернулся и посмотрел на меня зелеными глазами. Во сне он все слышал, несмотря на глухоту в реальности. Это почему-то очень обрадовало. Но вот только погладить мне его не удалось. Кот, как только увидел протянутую руку, почему-то побежал прочь, устремившись по ковру из листьев по направлению к воротам.

Я тут же поднялась и побежала следом.

Как же так! Ведь там дорога.... А если выскочит на проезжую часть, глупый? Нужно успеть, догнать, пока не поздно.

Но кот семенил быстро, изредка останавливаясь и поглядывая на меня. В глазах его не было испуга, да и бежал он, казалось, вовсе не от меня, а больше для того, чтобы я шла за ним.

— Мишка! Стой! Ну, куда же ты....

В этом месте исправился не только Мишкин пушистый хвост, но и его хромота. Теперь он не жал к пузу покалеченную лапу, а решительно и привычно наступал на нее, как если бы та никогда не болела. Вот только это так же позволяло ему развить приличную скорость, и я едва поспевала за котом.

— Миша, да стой же ты! Ведь вылетишь на дорогу!

На этот раз кот послушался. И остановился. Вот только остановился он у чьих-то ног, обутых в темные кожаные туфли, а я, запыхавшись, по инерции сделала еще несколько шагов, но тут же встала, осознав, что на парковой дорожке передо мной теперь кто-то стоит. Раньше я почему-то его не заметила, а теперь кот всю кружил у ног незнакомца, потираясь головой о серебристые брюки с белой полосой сбоку.

Я медленно подняла глаза, постепенно проходясь по фигуре человека: поясу, серой куртке, свободно висящим вдоль тела рукам, широким плечам. Наконец, добралась и до лица.

Оно было странным. Не старым и не молодым. Морщины на нем были, но придавали мужчине не пожилой вид, а скорее выдавали человека опытного, прожившего достаточно, чтобы уметь оставаться невозмутимым даже тогда, когда на него почти что на полном разбеге натывается девчонка, несущаяся за убегающим котом.

Кот, к слову сказать, теперь всю тархтел у ног незнакомца, что было для Мишки весьма странным поведением, не проявляемым раньше. Но сейчас это меня интересовало мало.

Потому как взгляд мой приклеился к лицу человека в серой куртке.

Глаза у того были серо-голубыми, вроде бы обычными. Если бы ни одно «но».... Чем больше я в них смотрела, тем больше ощущала себя странно, успокаивалась на каком-то глубинном уровне, переставая волноваться, чувствуя, что тону. И тону не пойми где.... Где-то очень далеко: сквозь пласты времени, в чем-то древнем, сильном, совершенно мне непонятном. Будто обладал этот человек какими-то скрытыми знаниями так необходимыми мне, так долго искомыми, такими нужными.

И было странное ощущение, что стоящий напротив мне друг. Хоть тот просто стоял и молчал. Больше хмуро, чем дружелюбно.

Сны вообще странная штука. Казалось бы, смотришь на кого-то во сне, и не важно, видел ты его раньше или нет, а почему-то точно знаешь статус любого, кто тебе на пути встречается. Так и в этот момент.

Взгляд человека не был добрым, он был почти равнодушным. И отчего-то очень тяжелым. Но тяжесть эта меня не касалась, а проходила будто мимо. Может, так получалось, потому что у меня не было тела? Но ведь стучали по асфальту каблучки ботинок, и имелась

рука, которой я пыталась погладить Мишку....

Было у меня тело или нет, а незнакомец точно знал о моем присутствии.

Только вот никак на него не реагировал.

Как-то очень неожиданно вдруг возникло непреодолимое желание протянуть к нему руку и попросить: «Расскажи. Ведь я знаю, ты можешь». Хотелось коснуться его, потереть за рукав, сделать так, чтобы он захотел помочь мне.

Но чем помочь? Что сделать? Что вообще я от него добивалась?

А губы против воли шептали: «Помоги. Ты ведь можешь... Расскажи мне все».

Зачем я мучаю незнакомца? Зачем прошу его о чем-то непонятном?

В реальности я бы задумалась над этим и клянчить, конечно, перестала бы. А здесь просто знала, что именно его я искала для чего-то очень важного.

Нет, он не был красивым. Русые волосы, достаточно короткие, больше холодного оттенка, чем теплого. Треугольный подбородок, несмотря на выраженные углы квадратной челюсти по бокам. Нос с горбинкой — хищный, но смотрящийся вполне гармонично на его лице. Складки у рта, будто от усталости. Или от прожитых лет. Хотя опять же, возраст определить было невозможно. Хоть с первой, хоть с тридцатой попытки. Морщинки между бровей.... Часто хмурится он, что ли?

Но более всего было удивительно то, что меня с невероятной силой притягивало к нему. Не как женщину к мужчине, а как-то иначе. Как к сияющему шару светлячка. Было ясно, что этот человек знает ответы на все мои вопросы. Что знает он столько, сколько мне в жизни не изучить и не постичь, и что он может ответить даже на то, о чем я никогда не догадаюсь спросить.

Вот только захочет ли? Почему-то хотелось сесть у его ног и зареветь. Как в детстве. От обиды. Потому что он молчал, потому что ничего не говорил, потому что не хотел мне помочь.

Собрав все свои силы, я разлепила губы для того, чтобы задать всего лишь один вопрос: — Ты расскажешь мне?

Мужчина долго не отвечал. Потом медленно наклонился и взял на руки кота. Осторожно передал мне мурчащего целого и невредимого Мишку.

А потом просто развернулся и зашагал прочь, так и не ответив на мой вопрос.

Когда за оградой исчезла его серебристая куртка, я почувствовала, как горло начинают душить рыдания. Совсем по-детски, открыто, как случается от глубокой досады. Кот так и сидел на моих руках, вздрагивая вместе со мной от всхлипов, не пытаясь убежать, будто тоже грустящий от того, что незнакомец вот так просто взял и ушел.

Я бы, наверное, так и стояла там, глядя в спину давно уже растворившегося человека посреди залитого странным светом парка, держащая на руках белого кота, если бы в какой-то момент не проснулась в собственной постели.

Горло все еще давили спазмы. Хотелось плакать в голос.

Кое-как осознав, что это был всего лишь сон, я перевернулась на бок и постаралась успокоиться. За окном, в непроглядной тьме, все еще шел дождь. А по щекам все текли, не хотели униматься от сильного чувства, слезы.

Этим вечером ему пришлось сильно постараться. Но все получилось.

Дрейк был доволен.

Конечно, это отняло какое-то время и силы, но на положительный результат вполне можно было рассчитывать.

Несмотря на то, что остатков энергии в тех местах, где появлялась девушка, было крайне мало, говоря по-честному, почти никаких, все же их хватило для того, чтобы ухватиться за самые кончики.

После того как Дрейк нащупал следы, он смог сосредоточиться на следующем шаге — отправке мысленного сгустка-послания, чего-то почти неосязаемого вслед за пришелицей, которое впоследствии должно будет обернуться в ее голове картинкой.

А вот картинкой чего именно он даже не задумывался. Это было не важно. Главным было то, что в ее голове раньше или позже появится что-то, что пробудет в ней желание вернуться.

А это единственное, что важно. Потому что если девушка этого не сделает, то Дрейк никогда не разгадает загадку ее таинственного появления. Чейзер, конечно, перестарался, напугав гостью. Но и сам Дрейк теперь поработал на славу, и это все исправит.

Послание настигнет ее. И любопытство обязательно пересилит страх и логику.

И тогда он все-таки узнает все, что необходимо узнать.

Дрейк улыбнулся.

Если уж он за что-то брался, то выигрывал обязательно.

Так будет и на этот раз.

*«Some days you feel like, a big confusion
There's nothing real and your life is an illusion
Some days you feel like, the situation
Is stronger than your wild imagination*

*Everybody needs a friend
Being able, find a corn in the sand
So open your mind and you'll feel....
....The sun will shine on you»*

DJ Bobo «The sun will shine on you»

Четыре утра. Темно.

Сидя на пристани, глядя, как колышется серовато-синяя озерная вода в Стокгольме, я куталась в куртку и усиленно думала. Ветер здесь был пронизывающим, но это больше помогало размышлениям, нежели мешало.

Здесь было много лодок и кораблей, пришвартованных в заливе вокруг старого города, а кинь взгляд дальше — можно было увидеть силуэты белоснежных круизных лайнеров, уходящих из скандинавской столицы в Финляндию, Литву, Эстонию. Вокруг пахло сыростью вперемешку со свежестью, возвышалось напротив через водную гладь величавое здание Национального Музея, щедро подсвеченное прожекторами в ночи.

Речь прохожих не отвлекала. В этот час их попросту не было на улицах.

Дома уже пробило десять утра.

«Еще только десять, — хмыкнула я, — а уже получилось подтвердить некоторые теории».

Потому что вот уже три часа как я занималась прыжками по всевозможным странам от Азии до Европы.

Вполне достаточное время для того, чтобы понять, что никто меня почему-то больше не приглашает на бесплатную прогулку в автомобиле в неизвестном направлении. Ни мужчины в черном, ни кого-либо еще, интересующимся и что это я тут делаю, и не желаю ли пообщаться с какой-то Комиссией.

И как это понять? Чем объяснить? Ерунда, да и только. Там меня заметили, а здесь опять не замечают. Уж точно ночное время зоркому глазу не помеха.

Проснулась я с утра совершенно разбитая, измученная и очень уставшая, несмотря на нормальный восьмичасовой отдых. Сомнений в причине плохого самочувствия не было — это все сон. Тот самый сон про Мишку, парк и непонятого мужчину, отказавшегося проронить хоть слово.

Казалось бы, ну, сколько в жизни случается странных сновидений, которые тают, как сигаретный дым, стоит только открыть глаза? И бывает, что сны те гораздо страшнее или противнее, ан-нет, все равно ведь забываются. Бытие и дневной свет берут свое, вычищая любые кошмары из памяти, какими бы реалистичными в ночные часы они не казались. И

сколько их таких было? Да, сотни! И не один теперь не помнился.

А вот этот сон — на первый взгляд ничего примечательного — помнился во всех деталях. И ощущения из него тянулись за мной сегодня по всем странам, словно шлейф от духов, которыми я набрызгала собственный шарф.

И противность внутри, как я ни пыталась отвлечься, оставалась. И пустота, и обида, что со мной не поговорили. Но хуже всего мучило ощущение, что мне нужно, просто необходимо вернуться в Нордейл. Будто осталось в том городе что-то важное, что не найти мне теперь в любом другом уголке планеты.

Откуда взялось это чувство, мне было неведомо, но оно раздражало, потому что постоянно утягивало мысли в свою сторону и не давало покоя. Тягучее, почти ноющее, вызывающее не столько к сознанию, сколько к сердцу. Мол, пойдём, Динка! Чего ты сидишь? Ведь знаешь, что тебе туда надо!

Вот как раз логика моя совсем не убеждалась такими призывами и уверенно считала, что «ей» туда не надо. Да и я в целом была с ней согласна. С какой бы стати мне туда надо, если там поджидает меня непонятно кто и что?

И ведь специально с самого утра сегодня я устраивала «проверки» — придет за мной снова кто или нет? Просидела полчаса в Токио — у меня было семь, а там восемь утра.

Никто не появился. Спешили куда-то в воскресное утро узкоглазые люди, гудели клаксонами такси, кофейни только и успевали, что отпускать сонным покупателям пластиковые стаканчики с бодрящим напитком и еще какой-то местной жидкостью, название которой даже выяснять не хотелось, а уж нюхать и подавно. А я, глупо оглядываясь по сторонам, прислонившись к ограждению вдоль дороги, все ждала, кто за мной придет на этот раз.

Так никто и не пришел.

Когда «мурлыканье» на азиатском диалекте надоело, я отправилась в Прагу. Потравив минут сорок на блуждание по утопающей в тьме-тьмущей площади (что еще ожидать от города, в котором едва пробило полвторого ночи?), перенеслась в Стамбул. Снова темно. Потом на Крит....

Выругавшись под нос за то, что «думалка» после пробуждения забыла включиться, стала усиленно размышлять, в каких городах уже рассвело. Пекин, центр которого я могла припомнить, почему-то не привлекал. Назад в Россию не хотелось, потому что там за мной точно никто не приходил. Нужно было что-то другое. Устав размышлять, я кое-как припомнила желто-красные домики центра Стокгольма — туда и сиганула. И черт с ним, что темно. Уже почти привыкла.

Отыскала в впотьмах путь к заливу, благо уже бывала здесь однажды, и идти было недалеко, да и уселась на лавку, которых здесь и там было разбросано множество. Прямо на пристани, перед кораблями.

Спали даже птицы. Редко когда сзади по дороге проезжали машины. А мою спину, укутанную темной курткой, потому как поворотов здесь не было, а дорога шла только прямо, фары не высвечивали. Так что покой, можно сказать, идиллический.

Подмораживал только через тонкую куртку ветер, но я не сетовала. Всегда можно было отправиться домой, как замерзну. Вот только, что же делать с этим чертовым сном? Как избавиться от ощущения, что я очень многое потеряю, если в скором времени не вернусь в тот парк?

Но ведь страх-то не покидал. Окажись я без сознания, и уже не смогу сбежать в

привычную комнату. А долго ли «унять» девушку, которая постоять за себя не умеет?

В подобных сомнениях, когда сердце говорит «иди», а голова орет «стой!», я промучилась еще с добрых полчаса.

В конце концов, пришла к решению.

Хорошо. Я пойду. И попробую поговорить с местными, если они снова захотят со мной говорить. Так хотя бы уйму это настойчивое ощущение, что я что-то там забыла, которое теперь, похоже, не отвяжется до гробовой доски.

Вот только нужно постараться хоть как-то себя обезопасить от возможной угрозы со стороны неизвестных парламентаров. Тут придется изрядно поскрипеть мозгами.

И еще: если идти, то делать это нужно сегодня. Пока матери нет дома, и пока выходной. Чтобы если задержусь, то не критично. А иначе с утра на работу, потом на обедах не сильно побегаешь, да и по вечерам тоже, а, значит, придется ждать до следующих выходных.

А если этот тип в куртке еще хоть раз появится в моем сне и снова не заговорит, я точно свихнусь.

Нет, на самом деле силенок побороться еще неделю с этим наваждением хватит, вот только куда девать проснувшееся невесть отчего любопытство?

* * *

А вот и он.

Сминаются под черными ботинками листья, вжимаются в асфальт, разве что не попискивают под весом прохожего. Ноги-то вон какие, а сверху еще такие пудовые плечи, да и голова не маленькая. Только вот походка на этот раз не агрессивная и уверенная, а больше прогулочная, даже осторожная.

Мужчина и правда не торопился. Будто боялся, что исчезну прямо перед носом, и придется ему снова привычное мировоззрение восстанавливать.

Я его понимала и даже немного сочувствовала.

Сидела на парковой скамеечке и просто ждала. Недобро всматривалась в его фигуру подкрашенными глазами. Водолазку даже по такому случаю сменила на аккуратную белую, джинсы достала из шкафа новые — хоть и трещат по швам на задку, а все же фигуру стройнее делают.

Сомнений в том, что гость появится, не было.

Да и ждать пришлось совсем не долго. Не успела даже как следует рисунок на чаше с фонтаном рассмотреть. Вода с нее сегодня сливалась брызгами и в бок — частью попадала в бассейн, а частью на траву. Ветрено. Даже с деревьев жадный ветер снял лишнюю зелень — поредела листва, полысели верхушки крон.

Мужчина был тем же самым, ага.

Разве что «Кобровых» очков сегодня не надел и машину за воротами оставил. Правильно, не в парк же на ней заезжать? На то и была надежда. Значит, это все-таки единственное место, где гость появляется. Потому что во всех других не приходил, хоть и пропрыгала я по земному шару почти до обеда, до пустого жалобно урчащего живота и до гудящих ног. Только к часу дня удалось вернуться домой, поесть да переодеться, чтобы сразу после на новую встречу отправиться.

Между нами осталось метров двадцать.

Гость, увидев мой недобрый взгляд, остановился, согнул в локтях и поднял вверх руки, показывая широкие ладони, пытаясь донести сообщение: «Безоружен я. Угрозы не несу. Пришел с миром».

Я кивнула.

Он сделал шаг вперед, руки опустил и вскоре очутился у лавки. Садиться без приглашения не стал, все еще настороженно поглядывал на мое лицо. Правильно, мало ли чего я еще умею, если уж посреди бела дня раствориться могу? А не тупой парень, подготовленный, внимательный. Не зря опасается, хоть и не знает, что на этом мои умения заканчиваются.

Здороваться смысла не было. Вежливость, что ли, проявлять? А имени все равно не знаю — как был для меня незнакомцем, так и остался. Поэтому приступила я сразу к делу:

— Ты за тем же пришел, так ведь? Кто-то там поговорить со мной желает?

Мужчина — стоял он теперь достаточно близко, можно было хорошо разглядеть темные, шевелящиеся от ветра короткие волоски на висках — кивнул. Темная щетина ему на подбородке шла. Тем более на таком квадратном, мужественном — мечте любой девчонки.

Я отвела взгляд, задумавшись. Прохладный ветер гнал по дорожкам листву. Ту, что не успела отсыреть и намертво приклеится к асфальту. Несмотря на прохладу, вокруг было хорошо. Город этот очарования не терял даже в плохую погоду. Как такое место не любить?

Но нужно было говорить о деле — ни он, ни я сюда не пришли для тихого чтения сборников стихов на парковой скамейке. Мужчина хоть и не торопил с ответами, а все равно ждал их — это висело в воздухе. Ни пропустить, ни спутать.

— Скажи, со мной ведь кто-то конкретный поговорить хочет?

Еще один кивок.

— А слову этого человека можно верить?

Черные брови на секунду взлетели вверх, но губы все же разжались:

— Да, можно.

Ответ прозвучал уверенно, без сомнений. Значит, незнакомец доверился бы, случись ему положиться на слово неизвестного товарища, настаивающего на «свидании» со мной.

— Хорошо, — решение все равно было принято уже этим утром, так что чего тянуть. — Звони ему. И дай мне трубку. Пока не поговорю, никуда не поеду.

На этот раз посланник даже спорить не стал. Да и вообще вел себя крайне прилично: не угрожал, холодным взглядом не сверкал, в рог скрутить не грозился. Не иначе приказали ему сменить тактику, ведь по всему видно, что дипломатия не его метод.

Я тихо усмехнулась. Значит, не дурак его начальник. Действительно поговорить хочет.

Густой низкий голос зазвучал через несколько секунд, слова предназначались трубке:

— Дрейк. Она сказала, что хочет с тобой поговорить. Иначе не поедет.

На том конце согласие дали быстро, и невидимый и неосязаемый Дрейк теперь прижимался к моему уху в виде чужого мобильного. Тяжелого, к слову сказать.

— Здравствуйте, — здесь лучше было проявить вежливость.

Голос в трубке поздоровался. Тоже низкий, тоже мужской.

Пауза на том конце явно свидетельствовала о том, что собеседник ожидает выслушать все, что я хочу сказать без пререканий.

Что ж, почему нет? Я продолжила без обиняков и долгих предварительных вступлений:

— Этот парень, который уже второй раз за мной приезжает, сказал, что вашему слову

можно верить. Это так?

— Да, так, — простой, уверенный, незамысловатый ответ.

— Тогда прежде чем ехать к вам, мне хотелось бы получить некоторые заверения.

— Какие?

— Я хочу, чтобы вы пообещали не применять ко мне никаких физических, силовых или психологических методов воздействия. Не пытались меня задержать, если я решу, что настало время уходить, не давили и не угрожали, чем бы то ни было. Если наша встреча не будет проходить в дружественной, полной взаимного уважения атмосфере, то я заранее на нее не согласна, — потом не удержалась и добавила, положившись больше на интуицию, чем на логику. — Если произойдет что-то, что мне не понравится, я больше сюда не вернусь.

Что именно имелось под словом «сюда», я и сама не знала. Город? Парк? Страну эту странную? Ай, ладно! Хотелось, как ребенку, показать язык и пострадать в стиле «А у меня папа выше и сильнее!» Вот я и пострадала.

Как оказалось, не ошиблась.

Собеседник размышлял. Видимо, на какие-то из моих условий ему соглашаться не хотелось, но деваться было некуда.

А еще этот, который за мной приехал, теперь отчего-то скрыто давился смехом. И что я такого сказала? Заметив мой грозный взгляд, весельчак тут же отвернулся в сторону, пряча усмешку за неожиданно понадобившимся почесыванием щетины.

Наконец раздался ответ. Раздражение мужчина на том конце либо подавил, либо даже не почувствовал. Голос его прозвучал спокойно, видно было, что словами он разбрасываться не привык.

— Хорошо. Будет по-твоему.

Зазвучавшие на том конце короткие гудки сложились для меня в мелодию победного марша.

Ну, вот! Теперь и ехать не так страшно. Конечно, слово — это еще не действие, но все лучше полного отсутствия гарантий.

Я посмотрела на проводника, уже успевшего к концу разговора вновь натянуть на лицо непроницаемый вид. Только в зеленовато-коричневых глазах сохранилась тень улыбки.

— Куда идти? — спросила я.

Он кивнул в сторону ворот. Звякнули в пальцах автомобильные ключи.

Ехали быстро. На той же самой машине, что и в прошлый раз.

Водитель сам на разговор не напрашивался, а я, раз уж представился шанс поспрашивать, решила его не упускать.

Повернувшись к темноволосому, внимание которого всецело было сосредоточено на дороге, я спросила:

— Расскажи мне, что такое Комиссия?

Хмурые взглянули на меня зеленоватые глаза, но водитель, видимо потому что был такой приказ, ответил:

— Комиссия — это правящая власть. Люди, которые управляют Городами.

Городами? Это, типа, как страной? Немного странная манера выразиться. За окном как раз плыл сейчас один из этих самых городов. Немного ветреный, шелестящий кленами, но ухоженный и приятный на вид. Дома хорошей архитектуры, магазины открыты даже в воскресенье. Я по привычке посмотрела на часы.

Стрелки на тех снова застыли, показывая немногим более часа дня. Стучать по циферблату было бесполезно, это я уже поняла. И что за странная привычка останавливаться именно в этом месте? Магнитные поля здесь кружат? Какой-то Бермудский треугольник, ей Богу.

— А у тебя тоже часы стоят?

Вопрос мужчину удивил. Держа руки на руле, он развернул левое запястье, чтобы стало видно экран от его дорогих темных часов, и отрицательно покачал головой.

— Нет. Мои идут.

Снова пришла мысль о языке. Почему-то в этом незнакомом месте я его понимала, как дома.

— Мы не в Новой Зеландии, так ведь?

— Где? — на этот раз он даже повернулся, посмотрел на меня в упор.

Я потеряла щеку под глазом, надеясь, что тушь не осыпалась.

— Новая Зеландия — это континент такой. Не континент даже, нет, — поправила я, — это остров.

— Нет, мы не на острове.

— Значит, все-таки на континенте?

Видно было, что вопросы мои собеседника ставили в тупик. Он хмурился, пытаюсь понять, как лучше ответить.

— Мы на Уровнях. Я не уверен, что именно ты называешь континентом.

Настал мой черед растеряться. Ну да, как же я забыла... Те карты в магазине. Там ведь тоже было что-то про эти самые Уровни. Голова начинала плавиться от того, что информация никак не укладывалась в ней.

— А Комиссия — это какая форма правления? Какой государственный режим? Демократия? Социализм? Тоталитаризм? Монархия? Я никогда раньше не слышала об этом месте, ты не смотри на меня так....

— Не уверен, что понимаю тебя.

— Есть у вас король или монарх?

Водитель сдвинул к переносице темные брови, хотя, казалось бы, куда уже еще-то.

— Нет такого.

— А есть какой-то другой единый глава, который всем правит?

— Нет. Есть группа людей.

— Ага.... Значит, это больше авторитаризм.

Видно было, что собеседник мой, будь его право, вообще бы рта не открывал. Тем более что задаваемые вопросы были ему совершенно непривычны. Я на какое-то время оставила его в покое, задумавшись.

Да, что же это такое? Неужели о политике здесь тоже не слышали? И не остров тебе, и не континент. А что тогда? Почему уже несколько раз они бросали слово «Уровни», будто это все объясняло?

— А на каком языке вы говорите? — не удержалась я, тут же заслужив еще один неодобрительный взгляд.

— На том же самом, что и ты, — прозвучал ответ.

Саркастично. Но с непробиваемой логикой.

Что тут скажешь?

Последний вопрос прозвучал глупо даже для меня.

— А...

— Ты очень много говоришь.

Мой рот захлопнулся так же быстро, как и открылся.

— Это Дрейк тебе обещал, что будет пайнкой, я такого не делал.

Сказано это было беззлобно, но с некоторым раздражением. Видно было, что кляп мне в рот совать не собираются, но и бесконечные вопросы терпеть тоже не хотят.

Я набрала в грудь побольше воздуха.

Ладно, дотерплю до места назначения. А там уже попробую все узнать.

Из развлечений, когда разговоры кончились, осталось только одно — смотреть на улицу.

Я вздохнула, сложила руки на груди, развернулась полубоком к окну и принялась созерцать пейзаж. Прикидываться обиженной не имело смысла. По всему видно, что водителя глупыми уловками не пробьешь, так стоит ли терять время?

* * *

Страшно все равно было.

Сколько бы я ни старалась хорохориться, а коленки тряслись.

Что за здание? Куда идем через огромное количество ветвящихся коридоров? Почему так тихо и будто пусто? Может, нужно было встретиться среди людей, чтобы спокойней?

Осознание собственной глупости давило. Нужно ли было возвращаться в этот город, и почему так быстро поверилось в невидимое слово какого-то собеседника?

Укоры ситуацию исправить не помогали. Из основных — поддерживающих — остались две мысли: если что-то пойдет не так, попробую исчезнуть, как только представится возможность, и узнаю, был ли мой странный сон, не покидающий меня с самого утра, как-то связан с желанием посетить это место. Остальную массу серого вещества занимало самобичевание.

Но вскоре кончилось и оно. Потому что мы наконец подошли к какой-то двери. Мой провожатый остановился и постучал. Раздалось короткое и властное «Войдите».

Мы вошли.

Первым в глаза бросилось странное убранство кабинета. А точнее, почти полное его отсутствие: окно, у которого кто-то стоял, два стула и стол, за которым тоже кто-то находился. Мельтешащая впереди спина в черной куртке мешала рассмотреть детали. А уж способность связано мыслить и вовсе пропала — сказывалось нешуточное волнение, незаметно переросшее почти что в панику.

— Здравствуй, Джон.

Водитель поприветствовал сидящего в кресле за столом человека. Тот кивнул в ответ. А я, не успев толком рассмотреть сидящего, вдруг резко покрылась холодной испариной.

На нем была такая же куртка, как на незнакомце из сна! Серебристая, с белой полосой на рукавах.

Сердце ударилось о ребра, воздух резко вышел из легких. Моментально переведя взгляд на лицо — он или нет? — я перестала дышать, вглядываясь в серо-зеленые глаза и чуть вьющиеся волосы субъекта. У того был прямой нос и резко очерченный подбородок. Не треугольный... Все не совпадает, все не то! Не он.

Не успев ни обрадоваться, ни разочароваться — слишком сильным было потрясение от

увиденной и опознанной куртки, — я едва только начала дышать, когда глаза, наконец-то, привыкшие к неяркому освещению, наткнулись на вторую фигуру, стоящую у окна, в точно такой же одежде, как и на мужчине в кресле.

Сердце снова стукнуло.

Черт, да это такая униформа у них здесь! И именно ее я видела в том запавшем намертво в память сне, где со мной не захотели даже пообщаться. Значит, где-то среди этих служащих есть и мой ночной визитер....

— Дрейк?

Мужчина у окна повернулся.

И через секунду мои глаза встретились со знакомым тяжелым взглядом — прямым и равнодушным. Таким же теплым, как у змеи.

Мир ухнул куда-то под ноги, к лицу резко прилила кровь, почти что ударила под кожей и вскипела. Пока одеревеневшее тело пыталось справиться с шоком, сознание автоматически отметило остальные совпадающие детали: нос с горбинкой, русые волосы, хорошо очерченные губы, ту самую челюсть.... Вроде бы квадратную, с совсем чуть выступающим вниз подбородком, придающим ей немного треугольный вид.

«Значит, ты существуешь на самом деле....»

Мужчина у окна тоже рассматривал меня внимательным взглядом прищуренных сероголубых глаз. Умным и цепким.

И признаков узнавания в нем не было.

Я судорожно сглотнула и едва удержалась, чтобы не пошатнуться.

У него, может, и нет....

А вот у меня!

У меня же в голове перевернулся целый мир. С новой силой ударило притихшее с ночи чувство: «Друг. Я знаю, это друг». А сразу же следом — обида. От того, что ушел. Что не стал говорить. Что вообще рта не разжал, а только повернулся и ушел прочь, хотя мог бы многое объяснить....

Накрыло мрачное ночное дежа-вю полное слез, закрутило в вихре иррациональных эмоций, накренилось ощущение опоры под ногами. Хотелось схватиться за виски и сжать их, чтобы явь вернулась на место, перестав путаться с отрывками из ночных видений.

Одновременно с этим хотелось кричать, топтать ногами или же упасть куда-нибудь и накрыться подушкой! Много чего хотелось.

Вот только я не шелохнулась. Даже не подняла рук, чтобы дотронуться до висков, несмотря на то, что их нещадно сдавило.

Человек напротив тоже не двигался. А просто стоял и смотрел на меня как на довольно скучный, но по-своему интересный инопланетный экземпляр. И ни тени эмоций.

В голове взвился сноп из мысленных искр.

«Динка, да это какое-то совпадение.... Он тебя не знает и не видел никогда. И пусть он похож, нет, даже точно он — незнакомец из сна, но это все равно какая-то мистика. Этот мужчина не может быть другом.... Он вообще тебя не видел».

— Садись, — прозвучало единственное слово тем же голосом, который ответил «Хорошо. Будет по-твоему» по телефону. Значит, этот мужчина (по совместительству мой ночной гость) и был Дрейком.

Попробовав сделать шаг неверными ногами — впервые за последние две минуты, — я

со слабой радостью отметила, что они еще подчиняются.

Подошла к стулу, что стоял у стола. Села.

По другую сторону стола, чуть сбоку, оказался некий Джон. Дрейк наблюдал за мной от окна. Водитель продолжал стоять у двери.

Все собравшиеся в комнате смотрели только на меня.

Похоже, будет интересно.

* * *

Теперь и вовсе было непонятно, чего от меня ожидают и как себя вести.

Держало в этом странном неприветливом кабинете только одно — данное по телефону обещание.

Я вздохнула.

Разговор еще не начался, а уже захотелось домой: в теплую привычную квартиру со знакомым потертым ковром, мягким пледом, на котором так уютно читать всякую белиберду, в квартиру, где можно походить по тихому залу, посидеть в кресле, пока дома тихо, заварить на кухне чай....

Я с усилием отогнала это желание маленькой девочки юркнуть в угол, заставила себя расслабиться на стуле, подняла подбородок и еще раз оглядела окружающих.

— Ну, что ж.... — нарушил тишину Дрейк. Он все так же стоял у окна, сложив руки на груди. — Давай познакомимся. Наши имена ты уже знаешь....

Я бросила взгляд на стоящего у двери водителя.

— Это Мак, — ответил за того Дрейк, читая по моим глазам вопрос. — А теперь как зовут тебя?

— Дина.

Он смотрел на меня изучающе. Потом укоризненно покачал головой.

— Взаимное уважение, о котором ты сама просила, включает в себя правдивые ответы.

Я удивленно вскинула брови.

— Так какое твоё настоящее имя? — глаза Дрейка буравили насквозь, чувство было неприятным. Внутри тут же кликнул защитный механизм.

— Динара, — не моргнув глазом, соврала я. Меня так многие звали. Какое ему дело до того, что написано в паспорте.

На этот раз тяжелый взгляд разложил меня на атомы. Оком Саурана проник внутрь и начал светить по всем закоулкам.

Челюсти незнакомца из сна сжались. В комнате сгустилась нехорошая атмосфера, тревожная и напряженная. Теперь его голос тихо звенел, как перетянутая на колке гитарная струна.

— Если ты хочешь получить диалог, на который рассчитываешь, советую больше не врать. Никогда.

Я откинулась на стуле. Не потому, что расслабилась, а потому, что меня туда будто швырнуло ударной волной — столько силы шло от человека у окна.

Кое-как сглотнула — пересохшее горло першило.

— Бернарда, — глухо ответила я. — Бернарда Валерьевна. Предпочитаю, чтобы звали Диной.

На этот раз ответ его устроил. Тревога в воздухе рассеялась.

«Ни фиги себе, обещаем не давить...»

Желание сигануть куда подальше усилилось.

— Хорошо, Бернарда. Следующий вопрос: как ты попала в Нордейл?

Слабый сигнал тревоги, к тому моменту уже начавший звучать в голове, начал резко нарастать.

— Приехала.

— Откуда?

Теперь это был не просто сигнал тревоги — амбулаторная сирена.

— Из Клэндон-сити, — попыталась я спастись первым, что пришло на ум.

Брякнула и сама поняла, что глупо. Зря так сказала. Ведь они уже знают про мои «исчезания»... Но не оправдываться же теперь. Еще хуже все сделаю, совсем выбраться не смогу.

Дрейк отвернулся к окну.

Долго молчал.

Остальные тоже тишину не нарушали. Задумчиво изучал свои руки, сидя за столом, зеленоглазый Джон, так и стоял у двери хмурый и неподвижный водитель — Мак.

Разговор и правда не получался.

Когда раздался голос от окна, по моей спине побежали мурашки.

— Дина, — медленно начал Дрейк. Проникновенно, тихо, — если ты не осознаешь этого сама, то мне придется нарушить данное тебе слово. И заставить тебя говорить правду, если ты сама не захочешь этого сделать.

Я напряглась так, что вокруг задрожал воздух.

«К черту, сваливать отсюда пора...»

— И поверь, я не дам тебе отсюда исчезнуть. Возможности для этого у меня есть, — он повернулся ко мне застывшим лицом-маской. Серо-голубые глаза льдисто блестели в свете потолочных ламп. — Но я бы предпочел сначала попробовать мирный вариант. Ты отвечаешь на мои вопросы, я отвечаю на твои, и мы в расчете. Это хороший вариант, поверь мне. Очень хороший. Будет жаль, если ты этого не осознаешь.

Почему-то я точно знала, что он говорил правду. Ладони вспотели, очень хотелось вытереть их о новые джинсы.

«Как это — не дам исчезнуть? А что, если правда?»

От сдавившего грудь страха я даже не решалась попробовать.

— Я прошу лишь одного, — тем временем продолжал узурпатор. — Вопросов у меня всего несколько. Дай мне правдивые ответы, и ты свободна. Если нет, то ты останешься в этой комнате настолько, насколько я захочу. И разговор уже будет другим. Если взаимное уважение тебе важно, то прояви его сама в первую очередь. А значит, перестань врать!

Последняя фраза прозвучала, как хлопок, ударивший по ушам и по лицу.

Я съежилась.

Будто усохла, скукожилась в размерах.

Стрелка, мысленно движущаяся по шкале «Хорошо — Приемлемо — Опасно — Критическая ситуация» зашкалила за последнее деление.

«Дура! Теперь слишком поздно! Не нужно было приходить сюда, не нужно было соглашаться, не нужно было ехать...»

Черт! Что теперь делать? Как выкручиваться?

Скажи я правду, и тогда точно начнут изучать, исследовать, колоть....

Я в панике попробовала сосредоточиться на собственной комнате, но вдруг осознала, что не могу увидеть ее. Знание о ней было, а вот детали испарились из памяти. Знакомая картинка никак не хотела приближаться, будто воздушный змей, оторвавшийся от нитки, и теперь парила где-то далеко, прокладывая собственный маршрут в небе, не желая возвращаться на привязь.

Что это — собственная нервозность или воплощенная в действие угроза?

Я по-настоящему запаниковала. Куда теперь.... Что пробовать? Как избежать опасности?

Поздно.... поздно... поздно.... Не нужно было ехать, не нужно было.... Много чего не нужно было!

Медленный вдох — выдох. Неужели вот так вот расклеюсь, встретившись лицом к лицу с первыми неприятностями?

«Нет, Динка, держись! Выберемся, справимся. Но врать теперь точно нельзя, детектор лжи, похоже, вмонтирован в голову этого мужика, плюс еще зол он....»

Дрейк отошел от окна и поставил руки на стол. Подался вперед, прищурился.

— Я спрошу второй раз, учти, третьего не будет. Как ты попала в Нордейл?

— Я не знаю, я сама не уверена.

— Кто тебе помог?

(Помог?)

— Никто не помог.

— Как ты узнала о порталах?

(О чем идет речь?)

— О каких порталах!?

— Сама бы ты не смогла открыть проход. Канал для перехода нужен сильный, мощный, один человек не справится!

— Что?

— Кто для тебя открывал канал? С какой целью?

— Какой канал! — почти кричала я. — О чем вообще речь идет! Вы в своем уме, уважаемый? Я о порталах слышала в последний раз только когда в «Диабло» играла!

— Во что?

Дрейк моргнул.

— Не важно! — я чуть сбавила тон, кое-как заставив себя успокоиться. — Это компьютерная игра такая. Я вообще не понимаю половину из того, что вы говорите! Не половину даже. Все!

Он смотрел на меня. Долго. Тяжело.

Я отвечала упорным решительным взглядом нахохлившегося злого воробья. Ладно бы спрашивал что-то понятное, а то горюдит не понятно что....

— Бернарда....

— Дина....

Он хлестанул холодным взглядом за то, что осмелилась поправить. Но продолжил:

— Ты хоть понимаешь, что ты находишься не в своем мире?

Я хотела что-то возразить, уже было по привычке, на автомате, но резко осеклась. Только открыла и закрыла рот. Затем не удержалась и рассмеялась. Невесело и хрипло.

«Приехали....»

Никто не улыбнулся в ответ, не разделил моего веселья.

Мой следующий вопрос сочился сарказмом, как кондитерская баба ромом.

— Если не в своем, то в чьем?

Они переглянулись.

Джон ответил коротким кивком головы Дрейку, Мак смотрел от двери ровно, будто даже сочувственно. Дрейк молчал.

Тишина глушила, давила, наматывалась на шею питоном.

«Что с ними со всеми такое?.... Что происходит вокруг?....»

Решительность и злость вдруг стали таять. Сделалось как-то беспомощно. Как в детстве, когда говорят: «Ну, а теперь все сама». А у тебя ни знаний, ни навыков. Как сама-то? А помощи со стороны нет.

Я переводила растерянный взгляд, полный опаски и недоверия, на собравшихся в кабинете мужчин.

Они меня разыгрывают, что ли? Все трое? Да еще с такими серьезными лицами, как у средневековой инквизиции.

Это что, сон дурацкий? Мультик? Ожившая история из фантастической книги? Почему они смотрят на меня как на школьницу, которая еще неделю назад должна была выучить правильные ответы для уроков, но поленилась и теперь мямлит?

— Я не понимаю. Не понимаю вас. Объясните мне....

Никто не решался нарушить тишину.

Я повысила голос. Вышло расстроено и жалко.

— Объясните кто-нибудь! Пожалуйста!

Дрейк еще раз посмотрел на Джона. Взгляд последнего оказался мне полностью неясен.

Гость из сна хмурился. О чем-то думал. Переставлял и складывал какие-то детали в голове. Наконец ответил:

— Бернарда, это место, где ты сейчас находишься, называется Мир Уровней. Мы попросту называем его «Город». Сюда так просто не приходят, не попадают. А месяц назад твое посещение было замечено в парке. Потом, несколькими неделями позже, в Нордейле. Наш мир закрыт от проникновения со всех сторон, поверь мне, так просто сюда не попасть. А ты нарушила это правило, появившись из ниоткуда.

Я молчала. Уперлась взглядом в деревянную поверхность стола и застыла, пока в голове неровными рядами и предложениями звучали в голове слова, только что произнесенные в этом кабинете.

Не может всего этого быть. Какой такой мир? Какие порталы и проникновения? Теперь хотя бы становилось понятным, почему со мной захотели поговорить....

Чувствовалось, что еще немного, и предохранительное реле, удерживающее от истерики, перегорит. А пока я хранила тишину, все еще как-то держалось на своих местах. Хлипко и едва. Но все-таки.

— Ты не знала о других мирах, правда? — голос начальника (почему-то казалось, что Дрейк был именно начальником) прозвучал непривычно мягко.

— Другие миры есть в фильмах, — ровно ответила я. — В книгах. В головах людей, но не на самом деле.

Он усмехнулся. И почему-то именно от этой усмешки стало ясно, что он не шутит. Что он всерьез и что полностью уверен в своих словах.

— Если твое сознание настолько ограничено, то как ты смогла здесь оказаться?

Я долго терла лоб. Чувство беспомощности не уходило. Можно ли было морально выдохнуться всего за какой-то час? Оказалось, можно. Даже эмоции поутихли, боясь сломать сделавшуюся вдруг хрупкой внешней оболочку.

Детали моей собственной комнаты не возвращались. Будто из рассыпавшегося на осколки сознания было трудно выудить нужный кусок — он потерялся и смешался с другими, такими же острыми и угловатыми, режущими привычный мир на полоски.

— Я не знаю как....

Дрейк снова молчал. Безмолвие нервировало. Слава Богу, длилось оно не очень долго.

— Хорошо. Я верю тебе. Возможно, ты сама не знаешь «как». В таком случае тебе придется припомнить детали и рассказать их мне.

Я смотрела в его глаза — глаза из сна, о котором Дрейк никогда не знал.

В этот момент очень хотелось, чтобы кто-нибудь поддержал. Не важно кто и не важно как... Может быть, улыбкой, добрым словом, интонацией.

Но никто не улыбался. Здесь. По крайней мере, в этих стенах улыбки, как я поняла, были редкостью и дефицитом.

В конце концов я не выдержала. Сдалась.

— Хорошо. Я расскажу. А потом я хочу домой. Ваше обещание в силе? Вы отпустите меня, когда узнаете детали?

— Да.

Я всмотрелась в его скупое на эмоции лицо. Обманывает или нет? Да как тут узнаешь. У меня-то встроенного детектора лжи в голове не было. А жаль....

Выбора нет — придется поверить. А потом проверить.

В горле першило. Хотелось пить.

Я подняла глаза.

— Принесите мне воды. И говорить я буду только с вами.... — я посмотрела в упор на Дрейка. Не зря ведь сон его показал, может, какая-то подсказка в том была. — И не в стенах этого чертова кабинета.

Тот замешкался всего на секунду. А потом неожиданно легко согласился.

— Хорошо. Как скажешь. Джон, встретимся позже. Мак, пока свободен. Воду сейчас принесут.

* * *

— И как давно ты обнаружила в себе такие способности?

Мы сидели на крыше.

Сзади возвышался еще один этаж, больше будка — с дверью ведущей внутрь, к лифтам. Этаж здесь был, наверное, шестой или около того — определить было сложно. К краю, обтянутому хлипкой оградкой, я не подходила, видела только какие-то дома внизу, утонувшие в высоких зеленых деревьях. Вдали возвышался центр с высотными зданиями того самого иномирского, как я уже знала, Нордейла, щедро освещенный лучами солнца, вышедшего из-за туч.

Ветер стих.

Здесь повсюду были расставлены старые горшки с цветами, наполовину засохшими. Валялся щебень, растрескалось местами покрытие под ногами. Лавочек не было. Стояло

только несколько бетонных блоков, прогретых солнцем, на которых мы и расположились.

Все лучше, чем в затхлом кабинете. Хоть стены не давят.

Он сидел на краю бетонного куба серебристыми штанами прямо на выщербленном камне, кое-где покрытого высохшими лозами вьющегося растения.

Здесь, при дневном свете, лицо Дрейка казалось гораздо моложе, больше тридцати и не дашь. Вот только взгляд оставался тем же: тяжелым и опытным, наводящим на мысль о колдунах, живущих лет по триста, умело маскирующихся под юнцов.

— Месяц назад примерно, — я теребила в пальцах какую-то веточку, отодранную от обнимающего бетон вьюна. Ласково подергивал волосы ветерок. Говорить на воздухе было легче, страх почти ушел. — Я поначалу даже не поняла, что случилось.... Показалось, что просто провалилась нечаянно туда, в ту картинку, о которой думала в тот момент. Ночью дело было. И этим местом оказался ваш парк.

Дрейк молчал. Слушал.

— Сначала я сама себе не верила, пыталась искать ответы на свои вопросы в книгах — происходило ли еще с кем-нибудь такое, потом напугалась очень. Только через несколько дней успокоилась и решила проверить себя еще раз, понять, сумасшедшая я или нет.... А когда получилось, тогда и понеслось....

Дальше я рассказывала про заставку на компьютере — пражскую площадь. О том, как после нее окончательно убедилась в существовании новых непонятных навыков. Как «прыгала» по городам, скупая в книжном открытки и календарики — все, на чем были изображены интересные и привлекательные для посещения места. Без утайки описала неудачный опыт в Нью-Йорке и удачный в Италии, Японии, Австрии и еще много где.

Иногда я косилась на Дрейка, пытаясь определить по его лицу реакцию на свои слова, но это было так же сложно, как определить злится ли на тебя Джоконда, хитро улыбаясь с картины Леонардо да Винчи, — попросту невозможно.

Через какое-то время он спросил:

— Можешь ли ты переносить с собой вещи?

— Нет.

Пришлось признаться и про печальный опыт с сумочкой, и про пропадающие из пальцев монетки.

— Поэтому пользы от моих умений мало.... Ни денег с собой взять, ни кофе попить.

— Перемещения по твоему собственному миру можно объяснить, — медленно произнес Дрейк. Я уже хотела было спросить, чтобы собеседник объяснил и мне тоже, ведь я-то до сих пор пребывала в неведении, но он уже продолжил фразу, — а вот как ты оказалась на Уровнях, вот это мне до сих пор не ясно. Это тебе не в соседний город скакнуть.

Он посмотрел на меня. В упор. На этот раз без тени раздражения, больше с интересом.

— Что именно ты представила перед тем, как перенеслась сюда в первый раз?

— Парк.

Отрицательное покачивание головой.

— Этого мало. Не сработало бы.

— Деревья вокруг, спокойствие.

— Мало.

— Листья на дорожках, хороший город вокруг, без деталей, правда....

— Недостаточно.

Я расстроено пожалала плечами, напрягла память.

— Фонтан еще....

Дрейк хищно прищурился, на этот раз почти впился взглядом.

— Какой фонтан?

— Ну, там фонтан был, между деревьев.... Чаша старая, с которой вода льется в маленький бассейн. На ней еще рисунок есть — орнамент цветочный.

— И ты представила этот фонтан? В деталях? — с каким-то непонятым выражением спросил он.

— Да. Очень детально....

Повисла тишина.

Собеседник отвернулся к горизонту. Вероятно, ему что-то стало понятно, потому что некоторое время вопросов не звучало. Он ушел в свои мысли, а я — в свои.

Что, неужели это может быть правдой, про другой мир?

Я, конечно, давно уже поняла для себя, что человеческие возможности шире тех рамок, которыми наделили их сами люди. Но чтобы другой мир?

Город на горизонте сверкал небоскребами, где-то вдалеке гудел машинами, людской речью и другими разнообразными запахами и звуками, присущими любому мегаполису. Кто бы знал, что это место находится не пойми где, ведь так сразу и не подумаешь.... И верилось ли в это до конца? Пока я и сама не знала. Не могла разобраться в спутавшихся в ком, как после трехчасовой игры котенка с клубком бабушкиной пряжи, мыслях.

— А речь? — я не удержалась и отвлекла представителя Комиссии. — Почему я ее понимаю? И не сразу, а будто с задержкой сначала.

Мужчина в форме вопреки моим опасениям не рыкнул, а ответил, будто все еще пребывая в размышлениях.

— Здесь очень много людей из разных миров. Мы ввели единую речь, ее понимают все, кто пересекает границу.

— Ясно, — тихонько ответила я, опасливо поглядывая на хищный профиль, уже зная, какие реакции могут последовать от этого человека, если что-то сказать неверно.

Хотя надо признаться, что его профиль в эту минуту не выглядел таким уж «хищным». Властным — да. Жестким — тоже. И глубоко задумавшимся.

Вернулось ощущение из сна.

О том, что этот человек знает много. Очень много. Недаром его глаза — два тоннеля, ведущие в бесконечную глубину галактики. Теперь я поняла, что все, что чувствовала во сне той ночью, — правда. Если кто и сможет дать ответы на мои вопросы, так это он — Дрейк.

Вот только как попросить об этом? Как объяснить, что мне важно узнать больше?

Наверное, многие жадны до знаний. Но это ведь не значит, что до каждого снизойдут.

Пока я барахталась в океане надежд и сомнений, прозвучал новый вопрос:

— Кто еще знает про твои способности?

— Никто.

— Мне нужна правда. В данном случае обязательно.

Я обиделась.

— У вас же в голове сканер встроен для определения лжи, вот и посмотрите сами. Никто не знает!

Он внимательно посмотрел на меня. Опять возникло ощущение, что меня разложили, как шкатулку: выдвинули все ящички и отделения. Была у меня такая в детстве....

— Как получилось, что прошел почти месяц, а ты никому ничего не сказала?

— А кому сказать? Подружек близких нет. Мама решит, что я головой от одиночества тронулась, объяснит для себя это как-нибудь, конечно, чтобы дочь не корить. Бабушка так вообще креститься начнет, упомяни я ей про такое.... Коллегам? Докторам? Психиатрам? Кому говорить?

— А как получилось, что ты начала представлять тот фонтан? Зачем?

Я замолчала. Понурилась.

Не рассказывать же ему, в самом деле, про тот день. Замученного детьми Мишку, деньги на операцию, бабушку едва живую....

Но я зря недооценила проницательность собеседника.

— Тебя толкнуло что-то на это? Стресс? Горе? Были какие-то сильные эмоции? Ты отчего-то пыталась сбежать? От жизни?

Я упрямо поджала губы.

Потом кивнула.

— Ясно, — только и обронил он.

* * *

— Таких совпадений один на миллиард.

Дрейк расхаживал по кабинету, куда вернулся для разговора с коллегой, оставив девушку греться под солнцем на крыше.

Кабинет, вроде бы тот же самый, теперь преобразился до неузнаваемости: на стене развернулись экраны, уже закончившие просчеты вероятностных совпадений на основе данных, внесенных в базу минутой ранее.

На том столе, что еще недавно пустовал, теперь перед Джоном Сиблингом стоял компьютер. На мониторе застыло изображение паркового фонтана: сверху чаша, украшенная цветочным орнаментом, снизу маленький бассейн.

Джон, как и Дрейк, размышлял над услышанным. Нет, он не присутствовал при разговоре на крыше, но представителям Комиссии были доступны более широкие опции получения информации, нежели личное присутствие, поэтому Сиблинг знал детали.

Зашуршал серебристый рукав, когда он повернулся и посмотрел на широкий продолговатый экран, усыпанный цифрами.

— Значит, можно не бояться, что другие придут тем же путем.

— Не придут. Вероятность почти нулевая, сам видишь, — ответил Дрейк. — Эта девчонка не просто не использовала порталы или настроенные каналы, она работала напрямую с материей, не подозревая об этом.

— Угу.

Дрейк указал пальцем в угол экрана, качая головой.

— Вот тебе и есть то самое совпадение, вероятность которого невероятно низка. Я не верю, что кто-то или что-то извне помогло ей увидеть именно эту картинку.

Джон усмехнулся и потер светлую щетину на подбородке.

— Все-таки почему, представив фонтан, она оказалась не в одном из городов своего мира, а переместилась сюда?

— Потому что в точности такого фонтана в ее мире не нашлось. Но он нашелся в ближайшем — нашем. Сюда ее и перекинуло. Не представляй она столько деталей,

Вселенная бы воспроизвела для нее «любой» фонтан с подходящей окружающей атмосферой. Но этой девчонке для чего-то понадобилось воображать детали, сосредотачиваться на них, скрупулезно рассматривая цветочный орнамент на чаше. Так как таких объектов в ее мире создано не было, ее, как я уже говорил, закинуло в наш.

— А если бы такого объекта вообще не существовало ни в одном из миров? — нахмурил светлые брови Сиблинг. С такой ситуацией пришлось столкнуться впервые.

Дрейк повернулся к коллеге.

— Тогда Вселенной пришлось бы создавать совершенно новый объект, не существующий ранее, но на такое силы у одного человека не хватило бы. И точно не у нее.

Он пожевал губами.

— Не думал я, что кто-то в их мире может научиться работать с энергией. А эта сразу к материи. С места в карьер, по-другому и не скажешь. Одним требуются годы, чтобы изменить хоть одно укоренившееся в голове убеждение на новое, непривычное, а другим, видимо, хватает одной критической ситуацией, чтобы начать менять вокруг себя реальность с невероятной скоростью.

— Ладно хоть не каждый такой «умелец» в критической ситуации начинает представлять наши фонтаны. А то хлебнули бы.... — проворчал Джон. — Ну, что, я снимаю общую тревогу?

— Снимай. А я пойду на крышу, закончу разговор с нашей гостьей.

Когда Дрейк вышел из кабинета, Сиблинг что-то сосредоточенно печатал на клавиатуре.

Я почувствовала его еще до того, как услышала шаги за спиной. У этого человека была странная особенность спрессовывать и утяжелять вокруг себя воздух, поэтому пропустить его появление было решительно невозможно.

Оторвавшись от созерцания далекого пейзажа, я повернулась и посмотрела на приближающегося мужчину. Лицо его по обыкновению было спокойно и непроницаемо. Ничего не прочитать.

Чего ждать — хороших новостей или плохих? Задержат меня здесь или же дадут уйти? Только бы обошлось.... Только бы не ограничили свободу перемещений — там ведь мама, бабушка, Мишка. Им без меня никак.

Дрейк подошел, я поднялась с бетонного блока, на котором сидела, обеспокоенно вглядываясь в его лицо.

— Ну, что ж, Бернарда....

Я едва сдержалась, чтобы снова не поправить его, но решила, что перебивать не время.

— ...мы пришли к выводу, что задерживать тебя не имеет смысла. То, что нам нужно было узнать, мы узнали и согласны отпустить тебя, однако обговорив некоторые моменты.

Я облегченно выдохнула. Да что и говорить — обрадовалась.

— Значит, вы не будете меня.... изучать? — произвольно вырвался наболевший вопрос.

— Изучать?

— Ну, да. Исследовать мои странности, колоть всякой гадостью, держать взаперти, как странное животное....

По мере того, как я заканчивала фразу, взгляд Дрейка становился все более саркастичным, а мой голос все более неуверенным. Казалось, что стоящий напротив сейчас обреет меня чем-нибудь наподобие «Зачем инопланетному разуму изучать дождевых

червей?»

Но Дрейк, вопреки ожиданиям, ответил сдержанно. Почти что вежливо, если не обращать внимания на циничный вид.

— Нет, не будем. Нам известно достаточно. Спасибо, что согласилась ответить на интересующие вопросы. Теперь к другому. Ситуация в том виде, в котором она есть сейчас, не является для нас проблемой. Но она может стать таковой, если о твоих способностях и твоём визите сюда станет известно другим людям.

— Я не буду болтать, что вы....

Он перебил мои уверения жестом руки.

— Риск мне не нужен. Если ты хочешь отсюда уйти, то только при условии, что я наложу запрет на разговоры об этом с кем бы то ни было.

Я осеклась. А потом осторожно и подозрительно поинтересовалась:

— А как вы его наложите, этот запрет?

Он улыбнулся. Холодно и жестко.

— Это быстро. И не больно. Ты согласна на это условие?

— Выбор-то не очень большой у меня....

Его на самом деле не было вообще. Но артачиться не следовало. Вот и нашелся подводный камень на пути к свободе.

Хотя что я теряю? Я и раньше-то ни с кем об этом не говорила, не начала бы и теперь. Одно дело — прослыть нелюдистой, совсем другое — душой или свихнувшейся. Но принудительное воздействие было сродни кости в горле — мало хотелось прибегать к этому методу, если существовали другие варианты, но, кажется, в этом случае их не было совсем.

— Как именно вы это сделаете?

— Я просто посмотрю тебе в глаза. Не дольше трех секунд. После чего, если у тебя когда-нибудь возникнет желание заговорить об этом, твой рот просто не откроется. Вот и все.

Я несколько растерялась и прочистила горло.

«Ну, и дела.... Неужели такое всерьез возможно? Да их самих бы в наше ФСБ на изучение...»

— А без этого никак? Может, я просто пообещаю, бумаги подпишу?

— Нет, — бросил Дрейк. Он был непреклонен, как статуя Юлия Цезаря в зимнем дворце.

Я махнула рукой.

— Ладно. Делайте. Только пусть этот ваш метод не распространяется на другие темы, а то вообще говорить с людьми перестану, а я и так-то не очень....

— Посмотри на меня, — приказал мужчина в форме, не дослушав, чего я там «и так-то».

Я подчинилась.

Серо-голубые глаза замерли на мне. Казалось, секунду они были просто на поверхности — на моих зрачках, а через мгновение уже где-то внутри, в самом центре головы. Быстро, холодно, неприятно. Будто кто-то хирургически точной рукой в перчатке раздвинул мысленные заслоны, проникая к скрытым слоям сознания, чтобы внести поправки, в то время как находящийся под временным наркозом мозг не успел даже отреагировать на вторжение.

— Все, — только и сказал мужчина напротив. Теперь его глаза были обычными глазами,

а не смазанным анестетиком скальпелем, но смотреть в них больше не хотелось.

Я отвернулась и поморщилась.

Боли действительно не было. И заняло все не дольше трех секунд, как он и обещал. Вот только осталось в районе лба какое-то противное ощущение. Причем не с внешней стороны, а с внутренней. Я нервно его потерла.

— Это сейчас пройдет.

— Все, теперь я свободна?

— Да, можешь идти. Провожать тебя, как я понимаю, не нужно. Тебе любая стартовая площадка подойдет.

Послышалась в его голосе скрытая ирония или показалось?

Противное ощущение в голове прошло. Я вдруг поняла, что мой ночной гость из сна сейчас просто развернется и уйдет.

И что? И все? Вот так вот все и закончится? Откуда-то, удивив меня саму, поднялась волна разочарования.

«Динка, ты чего?»

Не я ли боялась ехать на встречу неизвестно с кем? Не я ли боялась здесь остаться? Не я ли мечтала оказаться в родной любимой комнатухе как можно скорее? Так вот она — свобода, правильно он говорит: стартуй и домой!

Вот только... Почему-то не хотелось.

А внутри царил странный коктейль из паники и расстройства. Нет-нет! Ведь я еще ничего не узнала. Ни о мире этом странном, ни о городах, ни об укладе их жизни — вообще ни о чем. А уже домой?

Вокруг, невзирая на мои чувства, дул теплый ветер. Гудели машины. Где-то вдалеке ходили люди, которым было все равно, что именно происходит на одной из крыш домов, им было невдомек, что я вообще существую на одной из этих крыш в эту минуту.

Им-то ладно, но мне что делать?

Как быть с тем, что товарищ этот сейчас скорее всего развернется и навсегда уйдет? Кто мне тогда сможет объяснить хоть что-нибудь? Это ведь «им» все понятно, а мне? Мне как не было, так и не стало. И последний шанс на получение знаний сейчас развернется и уплывет так же быстро, как и появился.

Заметив нетерпеливое движение серебристой куртки, я быстро выпалила:

— Стой! — потом судорожно прикрыла рот рукой и поправилась. — То есть стойте.....

Темно-русые брови вопросительно приподнялись.

— Простите, я просто.... переволновалась. Дело в том, что вы не сказали, а можно ли мне сюда приходить? Я понимаю, что это ваш мир, и раз уж вы сочли меня не опасной и запретили говорить, то можно я буду гостить здесь?

Он молчал.

А мне очень хотелось получить согласие.

Ведь если скажет «нет», тогда навсегда закроются двери в прекрасное «далеко», которое я даже не успела исследовать.

— Я не буду гадить, не буду ни с кем говорить! Не буду спрашивать про карты континентов, не буду агитировать за жизнь в других мирах! (хотелось добавить, что пальцами и яйцами в солонку я тоже лазить не буду, но с чувством юмора у Комиссии была напряженка). Пожалуйста, не отсекайте для меня эту возможность!

Сама не знаю отчего, но я чувствовала важность этого момента. Его переломность. Как

ключевую точку на линии судьбы, как развилку, от которой дорога пойдет либо в правильном направлении, либо навсегда завянет и потеряется в скучном тупике.

Дрейк молчал. Рассматривал меня. Наполовину холодно, наполовину равнодушно.

«Нет» имело шанс прозвучать процентах в девяносто по моим предположениям.

Но я оказалась неправа.

— Хорошо, — наконец ответил он. — Появляйся. Вреда я не вижу. Только не в этом здании и не у Мака в машине, а то тот может неадекватно среагировать и пришибить ненароком.

Мистер Ледяной, оказывается, еще и шутить умел. Странно и по-своему, но все-таки.

Я от облегчения даже вытерла ладошки о джинсы, чего зарекалась не делать. Заметив это, тут же смутилась, отняла руки от штанов и сцепила их в замок.

Дрейк повернулся, чтобы уйти.

Защуршала серебристая ткань, блеснула на рукаве полоска. А мне снова стало обидно, захотелось что-то сказать.

«То ты домой рвешься, то тебя палкой назад не вытолкаешь...»

Возникло неоднократно преследовавшееся меня сегодня чувство дежа-вю. Нахлынули знакомые необъяснимые эмоции.

Он был уже почти у двери в будку, когда я крикнула широкой спиной:

— А вы знаете, что заставило меня вернуться в этот мир?

Дрейк остановился. Стал виден его профиль.

— Вы. Это были вы! Я видела сон этой ночью: вы стояли в парке, а я бежала за своим котом, когда наткнулась на ваши ноги. А когда увидела вас, то поняла, что.....

Теперь он повернулся весь. Стоял и смотрел, прищурившись.

Времени на то, чтобы закончить, было мало. Нужно было торопиться.

— Я поняла, что вы друг. И что вы тот, кто может научить меня всему. Вы ведь можете сделать это, правда?

Дрейк нахмурился.

— Научить тебя чему? — спросил он.

— Научить меня большему, чем я могу сейчас, — от волнения я снова вытерла руки о джинсы. Коленки мелко подрагивали, хотелось срочно сесть куда-нибудь. — В том сне я поняла, что вы единственный, кто может меня научить....

Он не ответил.

Просто развернулся и ушел.

А я в сердцах едва не сплюнула прямо на землю. Черт бы его подрал, этого Дрейка! Ну, что за привычка уходить, не ответив?

[Купить полную версию книги](#)

Ссылка на персонажа из книги «Стрелок» Стивена Кинга (*прим. автора*).